Д. А. Деворъ.

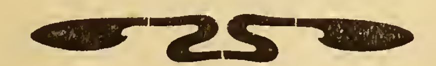

и

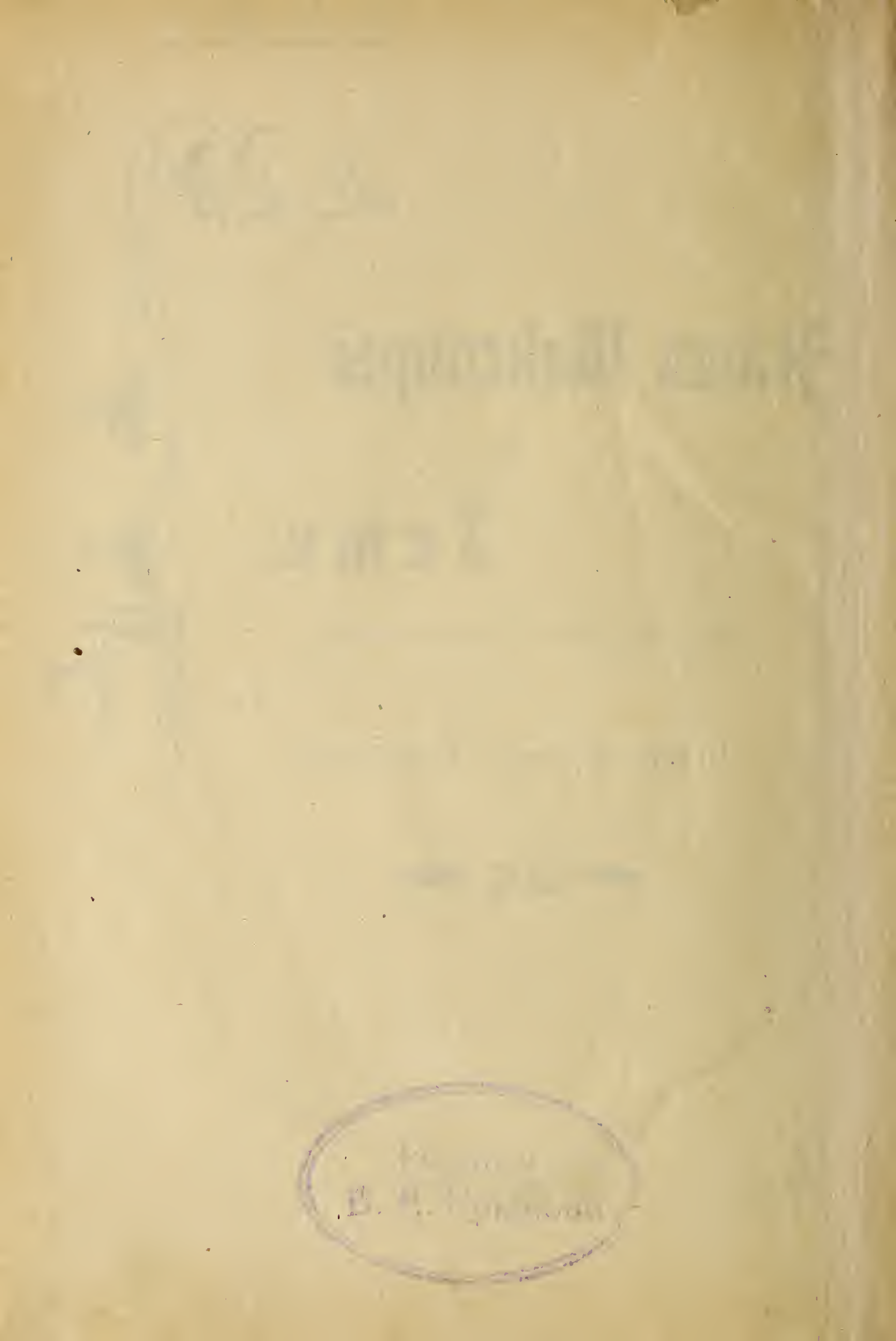
Гете.

(Изъ записной книжки читателя).

Литературный Памфлетъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
«Владимірская» Типо-Литографія, Николаевская ул., 42.
1908.

«Не сердится Заратустра и на выздоравливающаго, когда онъ нѣжно взираетъ на свои заблужденія и въ полночь крадется къ могилѣ своего божества: но болѣзнью и больнымъ тѣломъ остаются еще для меня слезы его».

Фридрихъ Ницше.

I.

Май 1907 г.

Чтобы ни говорили, а художественная литература всякаго вида снова начинаетъ занимать, по мнѣнію однихъ, подобающее ей мѣсто въ нашей общественной жизни, а по мнѣнію другихъ—не подобающее для такого момента, который мы переживаемъ, и все больше и больше привлекаетъ вниманіе такъ называемаго, „общества“ [1]), на нѣкоторое лишь время забросившее ее на задній планъ. Я не стану останавливаться на вопросѣ, почему это такъ, а не иначе, какія тому психологическія причины, такъ какъ этотъ вопросъ я боюсь разсматривать въ моемъ памфлетѣ, дабы совершенно не запутаться въ дебряхъ психологическихъ общественныхъ переживаній и не уйти, такимъ образомъ, отъ основной задачи памфлета,—отмѣтить выдающіяся теченія въ нашей художественной литературѣ ближайшаго времени и отчасти случайныя наблюденія, внесенныя въ мою записную книжку при чтеніи.

Да наконецъ, если бы мнѣ и пришла въ голову такая блажь,—изслѣдовать и установить въ точности психологію общества, еще недавно пожиравшаго съ остервенѣніемъ всякую литературу по общественнымъ вопросамъ, а нынѣ съ тѣмъ же остервенѣніемъ пожирающаго всю массу печатнаго художества всякаго рода и вида,—я признаюсь откровенно и

---

[1]) Признаюсь, я чрезвычайно затрудняюсь разбираться въ терминологіи „общество“, „публика“ и „народъ“. Для представителей правительствъ, начиная отъ высшихъ ихъ агентовъ (премьеровъ) до низшихъ, хотя бы гг. городовыхъ, вѣроятно, терминологія эта ясна, но я никакъ не могу ее понять. Предполагалъ замѣнить терминъ „общество“,—терминомъ „граждане-читатели“, но не рѣшился...

до сихъ поръ думалъ бы надъ разрѣшеніемъ поставленнаго вопроса, не пришелъ бы, навѣрное, ни къ чему положительному, и едва ли могъ бы продолжать писать мой памфлетъ.

Но, чѣмъ однако учитывается новое психологическое переживаніе общества—тяготѣніе къ художественной литературѣ? Вопросъ рѣшается, само собою разумѣется, спросомъ и предложеніемъ. Каковъ спросъ,—я затрудняюсь сказать, но надо полагать, исходя изъ простой экономической формулы спроса и предложенія, весьма великъ, такъ какъ предложеніе возрасло до неимовѣрныхъ размѣровъ: появились сотни новыхъ „полныхъ собраній сочиненій“ современныхъ драматурговъ, романистовъ, поэтовъ, разсказчиковъ и пр., и пр., появилось множество всякихъ сборниковъ—и стихоплетныхъ, и прозохудожественныхъ, наконецъ, появилось безчисленное множество отдѣльныхъ изданій — драмъ, романовъ, разсказовъ, стиховъ... Мелькаютъ имена извѣстныя, полуизвѣстныя, малоизвѣстныя и просто никому неизвѣстныя. Можно ожидать, что къ тому, что появилось уже въ видѣ „полнаго собранія сочиненій“, въ большинствѣ случаевъ обозначаемаго „первымъ томомъ“, прибавится еще по крайней мѣрѣ въ десять, двадцать, а можетъ быть, въ сто разъ больше. Все это будутъ „полныя собранія сочиненій“, пока въ одномъ томѣ. Представьте себѣ ужасъ критиковъ, когда всѣ такія полныя собранія сочиненій начнутъ пополняться вторыми, третьими и т. д. томами. Получается что-то, положительно головокружительное!.. Впрочемъ, пора бросить особую точку зрѣнія на художественную литературу въ цѣломъ, какъ на нѣчто священное, какъ на храмъ... Какъ ни тяжело, а приходится сознаться, что и художественная литература начинаетъ дробиться на безчисленные оттѣнки разныхъ направленій, усложняется въ своемъ художественномъ и идейномъ содержаніи. Сама жизнь, усложнившаяся за послѣдніе годы, вызвала и соотвѣтствующую литературу.

Къ намъ пришла буржуазная свобода. Она катитъ пока первыя свои волны. Девятый валъ ея еще далеко впереди. Но и съ первыми волнами буржуазной свободы пришло все то, что поражаетъ крайними противорѣчіями во всѣхъ областяхъ жизни: рядомъ съ святынею человѣческаго генія, достойной храма—пошлость бульварнаго легкомыслія, достойная бульвара.

Современная художественная литература катитъ первыя свои волны, въ которыхъ отражается многообразная, лихорадочная жизнь, на основѣ буржуазной свободы. Едва примѣтно въ ней, уже появившееся въ жизни въ широкихъ размѣрахъ, бульварное легкомысліе. Разглядѣть его мѣшаютъ пока всякаго рода символы и анархическіе плащи разныхъ марокъ, въ которые драпируются многіе современные беллетристы. Но долго такъ продолжаться не будетъ. Придетъ время и маски-символы будутъ заброшены, плащи съ цинизмомъ растоптаны, и авгіевы конюшни сами собой очистятся. Появятся свои излюбленные бульварные критики, которые возьмутъ подъ покровительство и бульварное художество. Появится обширный кругъ чита-

телей и почитателей всякой художественной, бульварной маколатуры. Но храмъ отъ этого только выиграетъ: святыни его будутъ пользоваться еще большимъ почитаніемъ, храмъ сдѣлается болѣе величественнымъ...

Было бы непосильной задачей въ одномъ маленькомъ памфлетѣ охватить всю массу печатнаго художества, которая появилась за послѣднее время. Непосильнымъ для меня является и анализировать, вскрыть всѣ оттѣнки и теченія, всѣ новшества и все оригинальное, что имѣется въ новой художественной литературѣ.

Но тѣмъ болѣе взоръ обращается къ такимъ художникамъ, которые представляютъ нѣчто совершенно законченное, въ смыслѣ отраженій своего міропониманія въ ихъ художественныхъ произведеніяхъ, выдаются оригинальнымъ новшествомъ, въ смыслѣ художественной техники и относятся къ художникамъ такого порядка, произведенія которыхъ останавливаютъ вниманіе общества, захватываютъ его и на нѣкоторое время даже отвлекаютъ отъ очередныхъ, острыхъ. кричащихъ и душащихъ вопросовъ текущаго момента. Я и постараюсь въ дальнѣйшемъ остановиться или на отдѣльныхъ художникахъ или на цѣлыхъ группахъ ихъ, захватившихъ и захватывающихъ общественное вниманіе и хлопочущихъ о „сдвигѣ" и „новыхъ полосахъ" въ нашей литературѣ, а равно и на нѣкоторыхъ критикахъ, взявшихъ подъ свое особое покровительство «новыя полосы», но повторяю, рядомъ съ этимъ я бѣду давать и случайныя наблюденія, сдѣланныя мною при чтеніи.

Несомнѣнно, однимъ изъ такихъ художниковъ, слѣдуетъ признать и Л. Андреева, разрываемаго на части реалистами и декадентами, а такимъ, однимъ изъ яркихъ его произведеній, съ „полосой", посадившимъ его между двухъ стульевъ, „Представленіе въ 5 картинахъ", именуемое „Жизнью Человѣка" и притомъ не опредѣленнаго, какого-нибудь Ивана, Петра, Сидора, а человѣка *вообще* и непремѣнно Человѣка съ большой буквой.

Л. Андреевъ оставитъ особую полосу въ нашей художественной литературѣ. Онъ несомнѣнно большой талантъ—одинъ изъ выдающихся, если не самый выдающійся, среди современныхъ беллетристовъ. Лучами такого свѣтила будутъ пользоваться планеты поменьше, всякихъ степеней. Они не мало потрудятся надъ изображеніемъ Единственнаго, Его, Нѣкоего, Ничто, связанныхъ таинственными цѣпями съ Потусторонностью. Труды ихъ увѣнчаются успѣхомъ. Подлинная жизнь, съ борьбою не на жизнь, а на смерть, съ страданіями и радостями глубокими и широкими какъ море, подлинныхъ Ивановъ, Степановъ и пр., съ отчествами и безъ таковыхъ, получитъ пинка и полетитъ въ тартарары Потусторонности, и на время будетъ похоронена. Будетъ ли въ результатѣ такого рода трудовъ, вскрыта таинственность цѣпей и тайна Потусторонности—отвѣтить затрудняюсь. Какимъ психологическимъ переживаніемъ, будетъ страдать при этомъ „общество", категорически рѣшить и отвѣтить не берусь. но, исходя изъ „опыта прошлыхъ

лѣтъ“, можно утвердительно сказать, что ни какая зараза не оставалась безъ поклонниковъ, и къ тупику, на которомъ будетъ начертана формула, выраженная однимъ категорическимъ: „Наплевать!“, придетъ немалая толпа „народа“.

Л. Андреевъ тутъ будетъ, конечно, не причемъ, такъ какъ, судя по его искренности, онъ далекъ отъ мысли встать во главѣ начертаннаго выше поломничества, но все-же виновата будетъ его слишкомъ искренняя прямолинейность и нѣкоторое попустительство въ творчествѣ. „Жизнью Человѣка“ я и начну мой памфлетъ...

Въ своемъ Циркулюсѣ Жизни (теперь въ модѣ изобрѣтать новые формулы—слѣдуетъ только ихъ всегда писать съ большой буквы) я утверждаю, что въ человѣчествѣ борются два генія,—геній зла и геній добра. Я не признаю законовъ, по которымъ яко бы непремѣнно должна послѣдовать (точно это свыше предопредѣлено) побѣда добра надъ зломъ. Я полагаю, что оба генія питаются призраками пройденныхъ вѣковъ и взаимодѣйствіе ихъ силъ рѣшаетъ побѣду. Борьба между названными геніями идетъ не на жизнь, а на смерть. Идейная борьба по моему также должна вестись не на жизнь, а на смерть (понимая послѣднее символически, конечно), такъ какъ въ результатѣ такой борьбы усиливается рать того, или другого генія.

Съ этой точки зрѣнія для меня совершенно непонятна растерянность А. Луначарскаго [1]) при оцѣнкѣ „Жизни Человѣка“ Л. Андреева. Конечно, слѣдутъ только привѣтствовать такое, напр., положеніе публициста: „Бываютъ·невеликіе враги. Тотъ, кто не умѣетъ видѣть великихъ враговъ,—узкій и сухой человѣкъ, хотя его фанатическое высокомѣріе за счетъ его вѣры и можетъ внушить въ свою очередь специфическое уваженіе“. Это хорошій признакъ времени, если принять во вниманіе всегдашнюю прямолинейность и даже окаменѣлость взглядовъ талантливаго публициста при рѣшеніи вопросовъ общественной морали и соціальной политики. Жизнь осложнилась, идейная борьба углубилась и уширилась и каждый можетъ отстаивать свои идеи безъ колебаній. Но заключительный аккордъ его статьи о „Жизни Человѣка“ звучитъ непонятнымъ противорѣчіемъ и диссонансомъ, вотъ онъ: „Вотъ почему произведеніе Л. Андреева или даже (вѣроятно, описка—„лучше“ Д. Д.), самъ авторъ въ немъ безусловный и скороспѣлый пессимистъ, если даже онъ не могъ подняться надъ заборчикомъ идивидуализма—остается въ нашихъ глазахъ эстетически, а *слѣдовательно* философски и культурно прекраснымъ“. Однако, все это не помѣшало названному публицисту рѣшить въ концѣ концовъ проблему жизни обычно узко, напыщенно и прямолинейно, о чемъ подробно я говорю ниже.

Два слова pro domo sua и я закончу такъ затянувшійся прологъ къ моему памфлету. Въ дальнѣйшемъ могутъ предположить, что я *лично*

1) См. «Вѣстникъ Жизни» № 3 и 4.

велъ переписку и встрѣчался со многими вымышленными и существующими въ дѣйствительности лицами, а равно излагалъ факты, которые не всегда рѣшусь подтвердить. Это могло бы повести ко многимъ недоразумѣніямъ и нареканіямъ. На самомъ дѣлѣ все это продѣлывало *мое Я*, которое, впадая въ особый трансъ, отдѣлялось отъ меня, становилось какъ бы внѣ меня,— Единственнаго и лично отвѣтственнаго.

А теперь начну по порядку...

II.

Когда мы желаемъ установить тотъ или другой фактъ общественнаго настроенія—приходится анализировать и исходить въ своихъ сужденіяхъ изъ какихъ-нибудь конкретныхъ данныхъ. Я задумался надъ рѣшеніемъ двухъ вопросовъ: какое настроеніе вызвало въ обществѣ чтеніе „Жизни Человѣка“ Л. Андреева,—первый вопросъ и каково отношеніе общества къ названному художественному произведенію,—второй вопросъ. Я началъ разрабатывать систему для изученія настроеній и отношеній общества къ художественнымъ произведеніямъ. Съ методологической точки зрѣнія мнѣ особенно улыбалась анкета... Но долженъ сознаться въ слѣдующемъ: если-бы „Жизнь Человѣка“ былъ романъ, вѣроятно, я до сихъ поръ совершенно безрезультатно проработалъ бы надъ поставленными выше вопросами, не придя ни къ какимъ опредѣленнымъ рѣшеніямъ. Въ рѣшеніи заданныхъ вопросовъ, въ положительномъ смыслѣ, по отношенію къ „Жизни Человѣка“ помогло то обстоятельство, что произведеніе Л. Андреева драматическаго вида и немедленно было использовано театромъ Коммиссаржевской, а отношеніе къ театру „публики“ даетъ нѣкоторое основаніе къ сужденію о настроеніи общества и объ отношеніи его къ „Жизни Человѣка“ Л. Андреева.

Но не стану забѣгать впередъ...

Б. Зайцевъ, прочитавши „Жизнь Человѣка“, напечатанную въ „Альманахахъ“, немедленно побѣжалъ въ редакцію газеты „Товарищъ“ и, едва переводя дыханіе, заявилъ, что произошло „событіе“, равнаго которому подъ луной еще не наблюдалось. Событіе это—появленіе „Альманаховъ“, а въ нихъ—„Представленія въ 5 картинахъ“ Л. Андреева. Молодой, талантливый и трогательный-наивный беллетристъ Б. Зайцевъ, готовый иногда въ порывѣ своей жизнерадостности обнять всю землю, со всѣми населяющими ее человѣческимъ, животнымъ и растительнымъ царствами и прижать къ своему жизнерадостному сердцу, готовый въ порывѣ той же жизнерадостности принимать иногда щебетанье воробьевъ за чудное, ласкающее слухъ пѣніе райскихъ птицъ, отличается, тѣмъ не менѣе, необыкновенною неустойчивостью своихъ душевныхъ движеній и порывовъ. Поэтому, нѣтъ ничего мудренаго, что, онъ

на время спряталъ въ карманъ свою жизнерадостность (самымъ искреннѣйшимъ образомъ, конечно), и опять таки едва переводя дыханіе, наговорилъ въ „Товарищѣ“ кучу всякаго вздора по поводу „Жизни Человѣка“ и поторопился бѣжать дальше. Роль Бобчинскихъ и Добчинскихъ у насъ еще къ сожалѣнію не перевелась и въ XX столѣтіи во всѣхъ кругахъ и слояхъ. По дорогѣ Б. Зайцевъ встрѣтилъ Мейерхольда (режиссера театра Коммиссаржевской), который глядитъ всегда вдаль глубокимъ, глубокимъ взглядомъ, теряющимся гдѣ-то въ далекомъ, далекомъ туманѣ, и въ сущности рѣшительно ничего особеннаго никогда не видитъ, хотя-бы въ глубокомъ и далекомъ туманѣ. Мейерхольдъ сообщилъ Б. Зайцеву, что „Представленіе въ 5 картинахъ“ уже готовится къ постановкѣ на театрѣ Коммиссаржевской; взглядъ Мейерхольда затѣмъ совершенно исчезъ въ Потусторонность, а Б. Зайцевъ, наскоро простившись съ Мейерхольдомъ, забѣжалъ еще разъ въ редакцію „Товарища“ и опять-таки, едва переводя дыханіе, заявилъ, что „Жизнь Человѣка“ пойдетъ на театрѣ Коммиссаржевской пять разъ подрядъ. И снова убѣжалъ. Гдѣ-то на Невскомъ пр. ему встрѣтилась преспотыкливо-спотыкавшаяся и спѣшившая куда-то, лишившаяся пола поэтесса въ сопровожденіи уродовъ и уродицъ, тоже лишившихся пола и также поэтовъ и поэтессъ, изъ „Оръ“. Молодой беллетристъ подѣлился съ ними своими впечатлѣніями. Всѣ приняли горячее участіе въ „событіи“, еще не наблюдавшемся подъ луной, и рѣшили обсудить планъ дѣйствій въ какой-нибудь временной, нарочито для сего выбранной штабъ-квартирѣ. Ближайшей оказалась квартира поэта Вячеслава Иванова. Двинулись къ нему. Совѣщаніе состоялось и было очень оживленнымъ и бурнымъ. Рѣшили: 1) о событіи, не наблюдавшемся подъ луной, оповѣстить всѣ газеты, въ той или другой формѣ, 2) Принять мѣры, чтобы на первомъ представленіи былъ преимущественно „весь“ Петербургъ...

„Весь“ Петербургъ, успѣвшій прочесть и еще нечитавшій „Жизнь Человѣка“ бросился разбирать билеты на „5 спектаклей“, и къ вечеру второго дня продажи,—билеты были разобраны до тла, даже капельдинеры продали всѣ углы и проходы. Мнѣ въ жизни систематически не везетъ,—надо полагать у откомандированнаго Рокомъ и приставленнаго къ моей персонѣ „Сѣраго“ свѣча состряпана изъ очень скверпаго воска; я остался и на этотъ разъ при печальномъ интересѣ: билета ни на одинъ изъ 5 спектаклей не досталъ и въ театръ такъ-таки и не попалъ... Пришлось ограничиться слухами и репортерскими рецензіями въ газетахъ. По слухамъ, Мейерхольдъ не ударилъ лицемъ въ грязь, и на его долю выпалъ блестящій успѣхъ. Первая картина была особенно удачна. Въ качествѣ статистки для первой картины была приглашена роженица, у которой ровно въ 9 часовъ на театрѣ Коммиссаржевской, за кулисами, начались первыя потуги. Невѣроятныхъ усилій стоило Мейерхольду (это было и въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно трудно) добиться того, чтобы потуги повторялись именно

въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нужно было по ходу пьесы; въ концѣ концевъ онъ все же справился съ такою задачею блестяще, – иллюзія получилась полная... За то, говорятъ, онъ былъ такъ потрясенъ всѣмъ пережитымъ въ первой картинѣ, что ему пришлось отказаться отъ режиссерства во второй картинѣ—все время его растирали одеколономъ и давали ему нюхать нашатырный спиртъ, а въ концѣ концовъ рѣшили даже прибѣгнуть къ внутреннимъ средствамъ. Въ третьей картинѣ (балъ) залъ въ домѣ человѣка поражалъ своею обстановкою — это было положительно сверхъ-творчество Мейерхольда. Собственно зала и не было вовсе—вмѣсто него былъ скорѣе кусокъ пространства, неограниченный совершенно стѣнами; казалось, онъ сливался съ Потусторонностью. Колонны, поддерживавшія зальный кусокъ пространства, были подобны облакамъ. Оркестръ на балу у Человѣка состоялъ изъ трехъ статистовъ, отродясь не державшихъ музыкальныхъ инструментовъ въ рукахъ.

Такая постановка бала—съ музыкой, надрывавшей нервы, съ гостями, танцующими на балу у Человѣка необыкновенный, никогда никѣмъ невиданный танецъ, напоминавшій покачиванье тѣней, пришедшихъ изъ загробнаго міра, разговоры гостей, напоминавшіе скорѣе шушуканье тѣхъ же загробныхъ тѣней, и все это при освѣщеніи любезно-предложенномъ „Сѣрымъ", стоявшимъ во время бала въ углу съ коптѣвшею, огромною, восковою свѣчею въ рукахъ,—такая постановка была (въ третьей картинѣ), производила на „публику" потрясающее впечатлѣніе—чувствовалась бренность человѣческаго существованія, и воображеніе настраивалось на таинственное, уносилось въ высь и трепетало тайнами Потусторонности...

— Хвала, хвала, хвала Мейерхольду! слышалось, говорятъ, въ одномъ углу театра среди публики, дѣлившейся въ антрактѣ впечатлѣніями „бала".

— Честь, честь, честь Мейерхольду! — раздавалось въ другомъ углу.

Хвала и честь, честь и хвала Мейерхольду! — слышалось повсюду, во всѣхъ углахъ.

Въ послѣдней картинѣ (смерть Человѣка) фигурировали подлинные пьяницы, приглашенные въ качествѣ статистовъ изъ бѣлогорячечныхъ отдѣленій больницъ.

Словомъ, успѣхъ былъ блестящій!..

III.

Когда я пишу эти строки, я еще не успѣлъ прочесть „Жизнь Человѣка" Л. Андреева. Мнѣ хотѣлось прислушаться къ голосу критики, хотѣлось при чтеніи, слѣдуя указаніямъ ея, обратить большее или меньшее вниманіе на тѣ или другія стороны драмы. Въ ближайшій, по выходѣ въ свѣтъ „Альманаховъ", понедѣльникъ, взялъ газету того же имени и обра-

довался, когда увидѣлъ въ ней фельетонъ молодого критика Петра Пильскаго. Ну, думаю, какъ разъ о томъ, что меня интересуетъ. Началъ читать и горько разочаровался. Весь фельетонъ критика Петра Пильскаго оказался ничѣмъ инымъ, какъ циркулярнымъ предписаніемъ редакціи „Современнаго Міра“ немедленно уволить изъ числа сотрудниковъ критика „Пройду“ Кранихфельда, не выдавать ему же гонорара за послѣднюю его статью, помѣщенную въ послѣднемъ нумерѣ названнаго журнала и возбудить противъ этого чудовища судебный процессъ за понесенныя редакціей убытки отъ сотрудничества Кранихфельда Въ заключеніе молодой критикъ говоритъ, что рѣшительно не понимаетъ, почему пришла въ голову кому-то нелѣпая мысль о томъ, что его, Петра Пильскаго, приглашали въ помощники къ едва волочащему ноги старику Буренину изъ „Новаго Времени“ на 8 тысячъ рублей въ годъ содержанія постояннаго, кромѣ разовыхъ за особыя заслуги.

По этому поводу онъ во всеуслышанье публично заявляетъ, что вся Россія можетъ спать совершенно спокойно, такъ какъ онъ критикъ Петръ Пильскій не ужъ какой-нибудь, вродѣ разныхъ тамъ ужей „Пройдъ“-художниковъ, „Пройдъ“-публицистовъ и „Пройдъ“-критиковъ, засѣвшихъ въ разныхъ тамъ брюхатыхъ журналахъ, наполняющихъ свои страницы стенографическими отчетами о митингахъ и засѣданіяхъ государственной думы, а онъ никто другой, какъ крокодило-аргонавто-зористый орелъ-критикъ. Не виноватъ онъ, когда могучія крылья уносятъ его въ лазуревую высь, или тянутъ къ кровавому горизонту. Не виноватъ онъ, когда взлетѣвши такъ высоко или унесшись такъ далеко, видитъ жалкихъ, извивающихся ужей, которыхъ онъ не можетъ не пожирать, такъ какъ у него въ груди бьется сердце, переполненное радостными зорями, чувствующее прибой свободныхъ волнъ, клокочущее неизбыточными радостями отъ припаданія къ черной землѣ, или разрывающееся на тысячи частей, какъ разрывается ночь отъ загорающейся зари, когда онъ, Петръ Пильскій, своимъ орлинымъ взоромъ пронизываетъ тайники смерти и тайники Потусторонности...

Фельетонъ заканчивается пожеланіемъ всѣмъ обывателямъ спокойной ночи.

Хотя я былъ нѣсколько разочарованъ, что не нашелъ въ фельетонѣ того, чего искалъ, тѣмъ не менѣе послѣ такого заявленія со стороны молодого критика, я сталъ спать спокойнѣе, не боясь за судьбы русской литературы, разъ она находится въ такихъ цѣпкихъ лапахъ, какъ орлиныя лапы Петра Пильскаго; даже больше, я чувствую, что, отряхнувши прахъ земного шара отъ ногъ своихъ, готовъ спокойно отойти „ногами впередъ“ въ Потусторонность...

Съ нетерпѣніемъ ожидаю слѣдующаго понедѣльника. Наконецъ, дождался и получилъ газету того же имени. Опять фельетонъ молодого критика, но на этотъ разъ К. Чуковскаго. Прочелъ и снова разочаровался, такъ какъ не нашелъ того, чего ожидалъ.

Критикъ К. Чуковскій заявляетъ въ своемъ фельетонѣ, что онъ падаетъ ницъ передъ каждымъ проходящимъ мимо него „Пройдою", но ни въ коемъ случаѣ не намѣренъ дольше терпѣть сотрудничества ихъ въ толстыхъ нашихъ журналахъ: „Русскомъ Богатствѣ", „Современномъ Мірѣ", „Образованіи", „Трудовомъ Пути" и другихъ. Не намѣренъ онъ также ни подъ какимъ предлогомъ терпѣть дольше устраиваемыя ими собранія въ Тенишевскомъ училищѣ, Соляномъ городкѣ и другихъ общественныхъ залахъ, гдѣ они играютъ въ „парламенты" и тѣмъ самымъ нарушаютъ... Впрочемъ, „о нарушеніи" критикъ К. Чуковскій не говоритъ. Фельетонъ меня разочаровалъ, повторяю, такъ какъ я ожидалъ отзыва о „Жизни человѣка". Но въ общемъ фельетонъ произвелъ на меня отрадное и успокоительное впечатлѣніе, хотя я лично и не раздѣляю тактики кадетовъ въ государственой думѣ. Въ самомъ дѣлѣ, правъ ли критикъ К. Чуковскій съ юридической точки зрѣнія? Мое мнѣніе—правъ безусловно. Въ Петербургѣ и понынѣ дѣйствуетъ чрезвычайная охрана и на стражѣ ея стоитъ петербургскій градоначальникъ. Слѣдовательно, усиливать конфликты, безпрерывно повторяющіеся въ государственной думѣ еще однимъ—объ устройствѣ „Пройдами", сотрудниками толстыхъ журналовъ, „парламентовъ" въ Тенишевскомъ училищѣ и другихъ общественныхъ залахъ и о вмѣшательствѣ при этомъ критика К. Чуковскаго ..., то бишь, петербургскаго градоначальника, стоящаго на стражѣ законовъ о чрезвычайной охранѣ, по меньшей мѣрѣ безтактно. Только съ *такой* точки зрѣнія въ данномъ случаѣ и можно встать на защиту молодого критика К. Чуковскаго.

Оба молодые критика—П. Пильскій и К. Чуковскій сходятся въ томъ, что всѣ толстые журналы, со всѣми ихъ сотрудниками „Пройдами" слѣдуетъ немедленно упразднить и весь этотъ хламъ сдать въ архивъ. Вмѣсто закрытыхъ журналовъ появится, безъ сомнѣнія, безчисленное множество всякихъ сборниковъ, въ которыхъ могутъ свить себѣ теплыя гнѣздышки всякіе штрейкбрехеры Проходимцевы, которые безъ удержу будутъ описывать поѣздки-пикники въ туманную даль Потусторонности, съ розовыми надеждами, съ захватывающими все существо безмѣрными радостями жизни и прочимъ, ничего неговорящимъ ни уму, ни сердцу пустословіемъ, которое въ конечномъ счетѣ все же сводится къ „бѣшенному онанированію" и ничего больше...

Въ концѣ концовъ рѣшилъ интервьюировать молодыхъ критиковъ П. Пильскаго и К. Чуковскаго. О результатахъ личной бесѣды съ названными критиками, читатели узнаютъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

Иду справиться въ „Пантеонѣ Критики", не имѣется ли какихъ свѣдѣній о томъ, когда и гдѣ появятся отзывы о „Жизни Человѣка" Л. Андреева. Дежурный критикъ сообщилъ мнѣ, что уже давно произведеніе Л. Андреева, послано въ корректурѣ „нашему" критику А. Луначарскому (онъ былъ въ отъѣздѣ) и со дня на день можно ожидать появленія его критическаго отзыва, но гдѣ и въ какомъ

именно журналѣ „Пантеону“ неизвѣстно. Взялъ адресъ А. Луначарскаго и послалъ ему телеграмму, спрашивая въ ней, какого онъ мнѣнія о „Жизни Человѣка“ Л. Андреева. На другой день получилъ отвѣтъ такого содержанія: „Считаю выше „Фауста“ Гете. Огромный разцвѣтъ подъ вліяніемъ перваго дѣйствія великой россійской драмы. Привѣтствую появленіе новаго Шекспира—Чирикова. Чувствую антрактъ, благоуханіе, ароматъ весны, цвѣты, зелень... напр., „Враги“ Максима Горькаго. Воображаю, что будетъ въ антрактѣ послѣ второго дѣйствія великой россійской драмы“... Рѣшительно ничего не понялъ... Приходилось ждать.

IV.

Прочелъ наконецъ произведеніе Л. Андреева и прочелъ бѣгло, что называется, сразу проглотилъ. Впечатлѣніе отъ всей драмы неровное, но во всякомъ случаѣ весьма тягостное и удручающее...

Произведеніе Л. Андреева прежде всего поражаетъ необыкновеннымъ художественнымъ построеніемъ, художественною техникою. Говорятъ, въ такомъ художественномъ построеніи нѣтъ ничего оригинальнаго и новаго, такъ какъ оно заимствовано у Мориса Метерлинка. Отчасти это правда. Морисъ Метерлинкъ великъ тѣмъ, что онъ первый изъ художниковъ слова нашелъ секретъ совершенно неизвѣстнаго до него художественнаго построенія—передавать настроенія, которыя переживаютъ его персонажи, хотя послѣдніе и не высказываютъ вамъ всѣхъ своихъ душевныхъ ощущеній на словахъ. Л. Андреевъ пользуется такою техникою, но въ своемъ творчествѣ онъ несомнѣнно совершенно оригиналенъ и никто не посмѣетъ отказать ему въ этомъ случаѣ въ его огромномъ талантѣ, а въ частности въ отношеніи „Жизни Человѣка“ въ его огромной претенціозности, потерпѣвшей на мой взглядъ полное фіаско.

Что же собственно за секретъ—особое творчество М. Метерлинка и Л. Андреева, несомнѣннаго его ученика въ разсматриваемой драмѣ „Жизнь Человѣка“? Секретъ весьма простой (въ сущности то, что открываютъ геніи всегда такъ просто). Если бы фокусникъ сталъ глотать передъ вами шоколадныя конфекты—само собою разумѣется, вы не были-бы удивлены, развѣ, что онъ съѣлъ-бы ихъ сразу нѣсколько пудовъ, но если-бы тотъ же фокусникъ началъ глотать астраханскіе арбузы въ полъ-аршина въ діаметрѣ, полагаю всѣ были-бы поражены.

Если-бы М. Метерлинкъ изображалъ вамъ сидящихъ и разговаривающихъ въ комнатѣ, рядомъ съ которою лежитъ умирающая больная и не настраивалъ бы васъ на что-то сверхъестественное, вы рѣшительно не были поражены ихъ бональными, пустыми разговорами („Непрошенная гостья“); но когда художникъ, какъ фокусникъ астраханскій арбузъ, преподноситъ вамъ сверхъ-естественное, въ видѣ чего-то таинственно-невещественнаго,

для котораго не существуетъ ни дверей, ни стѣнъ, ни запоровъ, но что почему-то особенно ярко чувствуетъ дѣдушка, а другіе собесѣдники, помоложе, едва ощущаютъ—*смертъ*, которая вошла къ больной—вы само собой получаете отъ нарисованной картины острое ощущеніе, гнетущее, тягостное, но сильное...

Всѣ произведенія М. Метерлинка проникнуты таинственной дымкой и чаще всего тайна, которою художникъ васъ старается ошарашить—загробная жизнь, или смерть... Смерть, смерть и смерть, или тайна Потусторонности— вотъ чѣмъ художникъ всегда старается поразить читателя...

Но великій художникъ техникъ, равнаго которому въ смыслѣ новизны техники не было и нѣтъ,—въ идейномъ отношеніи, въ смыслѣ опять таки новизны, полное ничтожество.

Скажутъ—а трогательная любовь („Принцесса Маленъ"), которую художникъ изображаетъ такъ чарующе? Я отвѣчу, что фабула и потрясающая сила драматизма въ „Ромео и Джульетѣ" Шекспира выше въ художественномъ отношеніи, а въ смыслѣ идеи—равной цѣнности, но опять таки повторяю, на мой взглядъ, особая художественная техника Метерлинка, дымка таинственности на всей картинѣ дѣлаетъ „Принцессу Маленъ" несравнимой съ „Ромео и Джульетой".

А символъ исканія путей жизни ослѣпленныхъ и ничего невидящихъ человѣческихъ существъ („Слѣпые")? Прекрасно,—символъ большой величины, въ смыслѣ идеи. Но, спрашиваю я васъ, что вы опредѣленнаго выносите отъ этой картины? Рѣшительно ничего! Холодный трупъ, около котораго бродятъ въ жизни всѣ люди, ищущіе путей жизни, и есть астраханскій арбузъ, который дѣлаетъ всю картину такою потрясающею...

Итакъ любовь, такъ трогательно изображаемая художникомъ, ревность, болѣзнь, смерть—несомнѣнныя идеи, но съ моей точки зрѣнія онѣ тогда только могутъ быть цѣнны для насъ, когда растворяются въ широкой, жизненной борьбѣ, на основѣ голода и любви...

Попытка М. Метерлинка перейти на другую дорогу оказалась. какъ извѣстно совершенно неудачной.Бросивши мистику и астраханскіе арбузы всякаго рода и вида и перейдя на изображеніе реальной дѣйствительности—онъ пересталъ быть М. Метерлинкомъ и не далъ пока ничего такого выдающагося, чтобы и въ этомъ случаѣ занять несравнимое мѣсто съ другими крупными художниками. Вотъ почему, его поклонники такъ скорбѣли о томъ, что онъ бросилъ свой особый, имъ однимъ созданный, художественно-творческій путь.

Попытка Л. Андреева мнѣ думается тоже потерпѣла полное фіаско. Л. Андреевъ несомнѣнно мечталъ прыгнуть выше лба М. Метерлинка и соединить его технику съ изображеніемъ дѣйствительности, и притомъ взялъ такую великую проблему, какъ жизнь человѣка, всю, безъ остатка, словомъ, хотѣлъ убить сразу трехъ зайцевъ...

По прочтеніи „Жизнь Человѣка", я почувствовалъ огромное желаніе приступить хотя-бы къ маленькой анкетѣ. Кстати, погода была недурная, а на душѣ отвратительный осадокъ, точно я возвратился съ похоронъ близкаго человѣка. Рѣшилъ пойти провѣтриться. Встрѣчаю знакомаго. Послѣ привѣтствій.

Я. Читали „Жизнь Человѣка"?

Знакомый. Читалъ и былъ въ театрѣ. Двѣ аксіомы Л. Андреевъ въ жизни человѣка нашелъ несомнѣнно. Человѣкъ родится и человѣкъ умираетъ. Отсюда безконечная цѣпь сѣдыхъ вѣковъ прошлаго и залогъ безпрерывной тревоги вѣковъ въ будушемъ, а быть можетъ и торжество вѣчной жизни... Не знаю... Больше ничего не понимаю Между этими аксіомами, жизнь человѣка. Но что общаго, скажите, между жизнью безногаго нищаго, Наполеона Великаго и Архитекора Л. Андреева? Ничего конечно...

Я. Ну, положимъ. А молодость, надежды, богатство, разореніе, несчастья, смерть, Рокъ?...

Знакомый (*расхохотался*). Что-же общаго, скажемъ, между капиталистомъ, рабочимъ, помѣщикомъ, голоднымъ мужикомъ, Эстеръ, Гурко, Лидвалемъ, Кибальчичемъ и т. д., и т. д., и т. д....

Мы разстались. А пожалуй онъ отчасти и правъ... Слѣдуетъ анкету продолжить... Встрѣчаю очень остроумнаго знакомаго. Обрадовался.

Я. Были въ театрѣ Коммиссаржевской на одномъ изъ „пяти, спектаклей"?

Острякъ. Былъ, да только на репетиціи...

Я. Счастливчикъ, однако. Кто же это вамъ удружилъ, не Мейерхольдъ?

Острякъ. Нѣтъ—это всѣмъ доступно... Нужно только тогда, когда у васъ помретъ близкій человѣкъ...

Я (*пожимая плечами*). Ничего не понимаю!..

Острякъ. Да что же тутъ непонятнаго? Господи!.. Если у васъ умретъ близкій человѣкъ — вы наканунѣ сходите въ родовспомогательное заведеніе, ну хоть къ Отту, а затѣмъ утромъ — на похороны, вотъ и все и на билетъ не нужно денегъ тратить... У меня, по крайней мѣрѣ, послѣ чтенія „Жизни Человѣка" и послѣ подобной репетиціи впечатлѣніе получилось одно и тоже. Дня два ходилъ нѣсколько растеряннымъ, не работалось, мало чѣмъ интересовался... Теперь пришелъ въ себя... (*Разстались*).

Необходимо заглянуть къ молодежи. Что она? Какъ отнеслась къ событію, не имѣвшему мѣста подъ луной?

Зашелъ къ знакомымъ студентамъ, почти уже гражданамъ, если только конституціонное министерство не сочтетъ нужнымъ упразднить, на время успокоенія дорогого отечества, высшее образованіе и мои знакомые не будутъ, такимъ образомъ, лишены возможности сдать государственные экзамены. Занимали они двѣ комнатки на Пушкинской ул. Одного засталъ за газетой. Другой лежалъ на кровати. Видъ у лежавшаго былъ

удрученный, руки холодныя, потныя. Читавшій газету, наоборотъ, былъ очень оживленъ и охотно дѣлился впечатлѣніями. Мы разговорились съ послѣднимъ, лежавшій упорно молчалъ на мои привѣтствія.

Оживленный. Читали газету? Что дѣлается въ Ригѣ—въ тюрьмахъ пытки, истязанія... Ужасно!..

Лежавшій. Ну такъ что же особеннаго!.. Какъ влѣпитъ тебѣ „Нѣкто Сѣрый" рака въ желудокъ, такъ потанцуешь, почище пытокъ...

Оживленный (*переглядываясь со мной*). Какой „Сѣрый", о какомъ ракѣ ты тамъ бредишь?..

Лежавшій (*раздраженно*). Не Сѣрый, а „Нѣкто Сѣрый", у котораго, братъ, въ рукахъ свѣча твоей жизни горитъ... Почитай „Жизнь Человѣка" Л. Андреева и узнаешь...

Оживленный. Ахъ да!.. оттуда... Да у меня билетъ въ театръ, а читать нѣкогда... Однако ужасно, что дѣлается — пытаютъ и истязаютъ до смерти...

Лежавшій. Ну что-жъ!.. Умерли теперь, и успокоились... Пришли и уйдутъ, и все. А, да все равно!..

Я. Послушайте—да что съ вами такое дѣлается?..

Оживленный. А лѣвые такъ и прутъ въ думу, такъ и прутъ..

Лежавшій. Не все ли равно правые или лѣвые... Шутъ съ ними!. Все равно всѣ помрутъ въ концѣ-концовъ . . . .

. . . .

Оживленный будущій гражданинъ, ушелъ въ театръ. Мы съ лежавшимъ, тоже будущимъ гражданиномъ, остались вдвоемъ. Я ходилъ по комнатѣ и думалъ, чѣмъ бы намъ отвлечься отъ сегодняшнихъ похоронъ... Вздрогнулъ!.. Чортъ побери, да вѣдь я сегодня никого не хоронилъ... Кто-то, думаю, гдѣ-то, въ какой-то драмѣ сказалъ „чортъ побери"... Что-то чудное у меня соединяется съ этимъ... „Нора" Ибсена!

Я. Послушайте, товарищъ! Давайте почитаемъ „Нору" Ибсена... Я читаю недурно... Развлечемся.. Вы очень мрачны, да и у меня тоже, что-то на душѣ кошки скребутъ... Идетъ? У васъ есть Ибсенъ?

Лежавшій. Давайте пожалуй... Я люблю Ибсена... Вотъ тамъ на столѣ поройтесь... Желтенькая книжонка, небольшая...

Я. Валеріанъ у васъ есть?..

Выпили по 20 капель валеріаны и начали читать „Нору"...

Съ первыхъ же страницъ я почувствовалъ, что начинаю успокаиваться... Вотъ Нора вынимаетъ пакетикъ и грызетъ миндальныя пирожныя... Неужели такая избалованная красавица Нора уйдетъ отъ прилизаннаго студня Торвальда!.. Уйдетъ, непремѣнно уйдетъ!.. Вотъ она пляшетъ Тарантеллу— Господи! какъ чудно, какъ хорошо, даже духъ захватываетъ... А этотъ студень не понимаетъ — Торвальдъ!.. Ушла!.. Совсѣмъ стало хорошо... Точно жизнь снова полилась во всемъ существѣ... Ожилъ и мой collega... Взялись за газету... Рижскія пытки... Кто знаетъ, куда уходятъ русскія Норы?..

Сколько ихъ попадаетъ въ концѣ-концовъ въ тюрьмы, гдѣ ихъ также могутъ пытать и оскорблять... Что-то поднялось въ душѣ, заклокотала злоба, любовь... Начался оживленный споръ... Звонокъ!.. Возвратился изъ театра оживленный collega. Выглядитъ,—точно выкупался въ канавѣ холодной осенью.

Я. Ну что... Хорошо?

Оживленный. Да!.. Чудно!.. Музыка такъ и стоитъ въ моихъ ушахъ до сихъ поръ... „Нѣкто Сѣрый"... тоже хорошо!..

Я. Чортъ побери! (*вспомнилъ чтеніе*)... А мы „Нору" читали... Тарантелла—вотъ прелесть!..

Оживленный. Ну нашли чѣмъ забавляться... Вы бы вотъ посмотрѣли „Жизнь Человѣка"... Такъ дрожь и пробираетъ... До сихъ поръ музыка стоитъ въ ушахъ... Смерть!.. Да все вообще!..

Я. Ахъ, музыка!.. Говорятъ, что тамъ играютъ три статиста, которые отродясь не держали инструментовъ въ рукахъ.

Оживленный. Что вы, что вы!.. Говорятъ, въ оркестрѣ приняли участіе три знаменитыхъ нашихъ скрипача...

Я. А въ Ригѣ дѣйствительно творится Богъ знаетъ что!..

Оживленный. Подъ луной нѣтъ ничего новаго!..

Я. Гм!.. Гм! . . . .

. . . .

V.

Изучаю „Жизнь Человѣка" Л. Андреева. Огромное полотно, поражающее, гнетущее на первый взглядъ и, въ общемъ, производящее неровное впечатлѣніе. Мѣстами сильная рука художника набрасывала яркія, выразительныя, потрясающія краски; мѣстами, точно чья-то другая рука, клала бездарныя, сѣрыя, расплывчатыя или совершенно безцвѣтныя краски. Всматриваясь ближе въ огромное полотно, начинаешь чувствовать какъ оно лопается по всѣмъ швамъ и изъ швовъ вылѣзаетъ мочала мистическаго, даже непродуманнаго, анархизма, и всюду, всюду виднѣется клочье жалкаго, убогаго мѣщанскаго пессимизма... Вся драма разрисована на фонѣ поразительно убогаго, нищенскаго духа и мысли и уснащена, повторяю, такимъ букетомъ жалкаго мѣщанскаго пессимизма, что даже сильныя и могучія блестки мысли и духа, изрѣдка мелькающія въ драмѣ тускнѣютъ и пропадаютъ на общемъ фонѣ картины, точно нѣсколько штукъ брилліантовъ чистой воды, брошенные кое-гдѣ въ безпорядкѣ на огромной, безобразной глыбѣ грязновато-сѣраго, не обработаннаго полетомъ великой мысли и духа художника, мрамора...

Принято излагать содержаніе художественнаго произведенія и расцѣнивать его. Послѣдую и я такому порядку. Сначала я буду разсматривать

картины въ общихъ чертахъ и рядомъ набросаю содержаніе, которое ниже и передамъ на благосклонное вниманіе читателя.

Прологъ. Сильная, потрясающая фигура, названная авторомъ „Нѣкто въ Сѣромъ". Проще, по мѣщанской терминологіи, назвать ее можно было бы „Рокомъ", „Судьбою", „Фортуною", „Богомъ". Монологъ сѣрой фигуры своимъ, отравленнымъ трупнымъ ядомъ, дыханіемъ заставляетъ трепетать безнадежностью вашъ духъ и вашу мысль... Но только мимолетно и на фонѣ жалкой мѣщанской дѣйствительности, любовно разрисованной Л. Андреевымъ. Однако. не поколебать ему вашей вѣры въ могущество великаго человѣческаго разума и великаго человѣческаго духа, которое побѣдитъ тайны бытія и уже приблизилось, хоть чуточку пока, къ такой побѣдѣ...

Въ дальнѣйшихъ картинахъ фигура „Нѣкто Сѣраго" превращается по своимъ монологамъ и дѣйствіямъ въ комическаго балаганнаго дѣда доконституціоннаго періода, ставшаго теперь, къ счастью, ископаемымъ.

Первая картина. Рожденіе человѣка. Астраханскіе арбузы въ видѣ хихикающихъ старухъ, зажиганія свѣчи въ рукахъ „Сѣраго" и пр. Пошлыя, жалкія разговоры родственниковъ и знакомыхъ, сатира „безъ смѣха сквозь слезы", словомъ, совершенно бездарная сценка, если бы не было арбузовъ... Зачѣмъ художнику понадобилось изображать въ первой картинѣ пошлость, бездарно разрисованную? Я думалъ много объ этомъ и пришелъ къ такому выводу — автору хотѣлось оттѣнить великую тайну рожденія и пошлость окружающихъ, не задумывающихся надъ величіемъ тайны, людей. Но... думается, онъ раскрылъ передъ нами ограниченный кругъ собственнаго міропониманія и только. Будто тайна рожденія больше любой тайны каждаго дыханія, каждаго прозябанія всего живущаго въ мірѣ?..

Итакъ родился Человѣкъ. Кто были его папаша и мамаша, которымъ Человѣкъ при рожденіи причинилъ такъ много непріятного — авторъ не говоритъ. Но думается мнѣ, если бы художникъ обошелся безъ рожденія Человѣка, будущаго архитектора, а прямо нарисовалъ намъ молодость и дальнѣйшую всю жизнь папаши и мамаши до гробовой доски, драма отъ этого ничего бы не проиграла...

Вторая картина. Молодость архитектора. Красивъ вызовъ на бой „Нѣкто Сѣраго" голоднымъ и бѣднымъ архитекторомъ, живущимъ надеждами на будущее буржуазно-зоологическое „жрать", въ широкомъ смыслѣ слова. Жалокъ, ничего не выражающій символъ постройки Народнаго Дома (вродѣ нашихъ попечительскихъ для соблазна дѣвицъ, что ли?) О символахъ современныхъ художниковъ и о злоупотребленіяхъ символами на случай отсутствія умственнаго кругозора, я говорю подробно въ одной изъ главъ ниже.

Героиня драмы, милая женка архитектора, въ томъ видѣ, какъ она изображена художникомъ, довольно распространеный типъ полуинтеллигентной барыньки съ гостинноднорскими идеалами, и ничего больше. Въ молодости она искала жениха и присматривалась жадными глазами къ нарядамъ въ гостинномъ дворѣ и пассажѣ. Послѣ замужества столь же жадными гла-

зами, искала осуществленія совмѣстно съ супругомъ буржуазнаго идеала уютнаго, съ зоологическими атрибутами „хорошо жрать“ въ широкомъ смыслѣ слова (свой домъ, своя вилла, свои лошади, тонкое бѣлье, свѣжія перчатки и по возможности больше свѣжести и пріятнаго шороха въ нарядахъ и изысканная сытость) гнѣздышка. Но и тутъ лѣвая рука художника не могла обойтись безъ того, чтобы не дать нѣсколько поразительно бездарныхъ, жалкихъ штриховъ, вродѣ поисковъ чужихъ, утерянныхъ кошельковъ милою женкою архитектора. Скажутъ, что это все символическія картинки и ничего больше. Какое мнѣ, читателю, дѣло раскрывать символы и разрисовывать ихъ въ собственномъ воображеніи, если художникъ своими символами рѣшительно ничего не говоритъ ни моему уму, ни сердцу.

Вторая картина заканчивается балаганнымъ монологомъ „Нѣкто Сѣраго“, въ которомъ послѣдній докладываетъ почтеннѣйшей публикѣ, пришедшей „для забавы и смѣха“ послушать „Жизнь Человѣка“, что какой-то старикъ Гурко ѣдетъ на автомобилѣ къ молодому архитектору и хочетъ приподнести ему выгодную постройку...

На *третьей* картинѣ я долго останавливаться не буду, такъ какъ выше уже говорилъ кое-что о балѣ у архитектора. Картина на мой взглядъ мистически-символическаго бреда и ничего больше. Роль „Нѣкто Сѣраго“ на балу довольно нелѣпая, даже въ смыслѣ астраханскаго арбуза...

Картина *четвертая*. Монологъ кухарки, яркій, сильный, съ натуры. Иной кухарки, иной прислуги у господъ архитектора и архитекторши Л. Андреева и не могло быть... Всѣ, кто созидалъ этой парочкѣ ихъ благополучіе, строилъ имъ ихъ богатство—были чужды имъ, были вещами, а не людьми. Даже тутъ, въ этой картинѣ соціальнаго неравенства, сквозитъ жалкое убожество духа и мысли,—у автора не хватило смѣлости перешагнуть черезъ кухонное міросозерцаніе, чтобы начертать эгоизмъ его героевъ болѣе широкими, сильными штрихами соціальной несправедливости... Картина несчастья Человѣка—сильная картина, начертанная правою рукою автора. Но опять таки, чтобы сдѣлать ее сильною, яркою, пришлось прибѣгнуть къ астраханскому арбузу—смерти... *Смерть Тинтажиля* М. Метерлинка ярче, глубже, сильнѣе *смерти Л. Андреева*. Къ чему понадобилась смерть сына архитектора отъ удара камнемъ со стороны злыхъ людей—я рѣшительно понять не могъ. Проникнуть въ психику поэта мнѣ не удалось, сколько я не старался... Дань нашему кошмарному времени? Но тогда это жалкія, обидныя крохи со стола даровитаго человѣка... Мольба Человѣка, упрашивающаго Бога спасти ему сына—совершенно неестественна. Или проклятіе и рѣзкость—или шаблонъ, иною молитва не бываетъ.

Пятая картина нарисована сильными, яркими красками бредо-арбузнаго характера... Алкоголизмъ—міровая проблема. Алкоголизмъ и нищета—факторы физическаго вырожденія человѣчества. Человѣчество освободится отъ этихъ кошмаровъ нашего времени. Задачи при соціализмѣ все-

объемлющи. Нѣтъ границъ для будущаго человѣка, которыя опредѣлили бы его задачи при строительствѣ своего счастья. Человѣкъ какъ порода зоологическая будетъ улучшенъ зоологически. Онъ будетъ выше ростомъ, онъ будетъ крѣпче физически, онъ будетъ красивѣе теперешняго, онъ будетъ долговѣчнѣе теперешняго, онъ будетъ безболѣзненно и спокойно родиться, онъ будетъ безболѣзненно и тихо умирать и т. д. Наука намѣтила себѣ всѣ эти пути и великій духъ человѣка, его геній побѣдитъ многое... Но тому, кто облекся въ тогу мѣщанскго пессимизма и гордо бросаетъ холодный и равнодушный взоръ, въ своемъ мѣщанскомъ величіи, Человѣку, говоря ему— ты безсмысленъ и безсмысленна твоя жизнь—ничего не докажешь, конечно, ни въ чемъ не убѣдишь!

Зачѣмъ писать, когда жизнь безсмысленна? Доказать другимъ тоже, завлечь ихъ на свою сторону, убѣдить все человѣчество въ томъ же, дабы прервать нить бытія?.. Но тогда, значитъ. и при такомъ взглядѣ на жизнь есть уже смыслъ жизни, такъ какъ есть опредѣленная цѣль. Иначе не убѣждая никого, не лучше ли выбрать любое изъ рекомендованныхъ однимъ ученымъ средствъ и прервать нить собственнаго бытія. Наука и тутъ приходитъ на помощь разслабленнымъ духомъ и даетъ указанія наиболѣе пріятнаго отправленія въ Потусторонность, для желающихъ. Я читалъ такую интересную брошюрку какого-то изслѣдователя-чудака.

Я отвлекусь нѣсколько въ сторону, но не могу не сравнить „Жизни Человѣка“ Л. Андреева и „Сердца Бытія“ Айзмана. „Жизнь Человѣка“— черствый эгоизмъ, равнодушіе къ страданіямъ людей, особая любовь къ себѣ и преувеличеніе собственнаго „я“, а отсюда и своихъ только страданій и несчастья, безъисходная тоска, ни одного яркаго луча, ни одного просвѣта, ни одной захватывающей картины свѣтлаго будущаго!.. Въ „Сердцѣ Бытія“—невыносимыя муки и страданія, пережитыя героемъ, приводятъ его къ безумію (это такъ вѣрно, такъ правдиво психологически), но и въ безуміи своемъ любящее сердце героя ищетъ оправданія своимъ ужасающимъ страданіямъ и онъ рѣшаетъ, что всѣ страдаютъ также, какъ и онъ и ищетъ своимъ воспаленнымъ, безумнымъ духомъ и мыслью, путей избавить все живущее на землѣ отъ тяжкихъ страданій. Безумный герой надуваетъ наволочку и, казалось ему, на ней онъ объѣзжаетъ мірозданіе и находитъ, наконецъ, первопричину страданій живущихъ въ мірѣ—это „Сердце Бытія“, маленькое, черное, отвратительное. Цѣлью жизни несчастнаго безумца становится желаніе раздавить „Сердце Бытія“ и тѣмъ прекратить жизнь, а съ нею и страданія людей... Какъ здѣсь правдиво нарисована авторомъ психологическая картинка, какъ трогательна она,—она навѣяна великою любовью къ Человѣку, къ Жизни...

VI.

Просматривая набросанное мною краткое изложеніе содержанія „Жизни Человѣка", о которомъ я упоминалъ выше, я убѣдился, что у меня получилось что-то похожее на сказочку для благонравныхъ дѣтокъ обоего пола, сказочку, которую позволитъ читать въ Смольномъ институтѣ даже св. кн. Ливенъ. Собравъ ребятъ обоего пола и разныхъ возрастовъ, я рѣшилъ разсказать имъ мою сказочку.

Дѣти. Разскажите намъ что-нибудь, чтобы было страшно и хорошо.

Я. А если и смерть явится не будете бояться?

Дѣти. Чего же бояться?.. Только, чтобы не очень страшная.

Я. Жилъ, былъ папаша съ мамашею. У нихъ родился сынокъ. Нѣкоторыя дѣти и даже взрослыя дѣвушки думаютъ, что дѣтокъ приноситъ аистъ, но это неправда. Ничего не будетъ безнравственнаго, если я вамъ скажу, что мамаша ужасно кричала и мучилась, когда родила сына. Пришлось даже щипцы наложить...

Младшій изъ слушателей, Колька. А что такое щипцы?

Дѣти (*перебивая другъ друга*). „Не мѣшай, пожалуйста, слушать"... „Кривыя такія, стальныя"... „Разрѣжутъ животъ, ну и вытащатъ тебя оттуда".

Я. Ну, это если у богатыхъ рождается ребеночекъ—тогда хорошій докторъ, въ бѣломъ балахонѣ и накладываетъ щипцы при нуждѣ, за что полагается особая большая плата... Или если родится ребенокъ у хорошихъ, трудящихся людей, а не у лодырей и пьяницъ, тогда и такимъ людямъ въ больницахъ тоже, когда понадобится, щипцами помогаютъ. А бываетъ у бѣдныхъ, лодырей... ну, тамъ разно бываетъ... Рожаютъ они, прости меня Господи, какъ кошки или собаки, гдѣ попало и какъ попало... А вмѣсто щипцовъ иногда выжимаютъ у нихъ ребятъ (бѣдныя, бѣдныя дѣтки, храни ихъ Господь!) лошадиными копытами. Ѣдетъ городовой иди жандармъ, а онѣ на улицѣ или во дворѣ рожаютъ, ну и выжметъ лошадинымъ копытомъ ребеночка...

Колька. А какъ онъ ребеночка задушитъ? Что тогда?

Дѣти (*перебивая другъ друга*) „Боженька не дастъ задушить". „А какже вотъ Боженька даетъ помирать такимъ здоровенькимъ, крѣпенькимъ? Отчего?" „Они ангельчиками будутъ". „Вотъ дурехи"! „Ну тише, потомъ поговоримъ, разсказывайте дальше"!...

Я. Папаша былъ очень встревоженъ, когда рожался сынокъ. А какъ родился—обрадовался очень. Докторъ сказалъ, что сынокъ вышелъ похожъ на самого папашу. Папаша еще больше обрадовался. Пришли сосѣди и стали поздравлять и пожелали, чтобы сынокъ когда выростетъ былъ генераломъ или министромъ и чтобы былъ богатымъ, пребогатымъ... А папаша

сталъ молиться своему Богу и благодарить его за то, что онъ далъ ему сынка, похожаго на него. И просилъ Боженьку, чтобы онъ сдѣлалъ такъ, чтобы сынъ былъ умнымъ и честнымъ и не огорчалъ ни его, ни мамашу. И обѣщалъ за это ходить въ церковь каждый день...

Дѣти (*наперерывъ перебивая другъ друга*) „Такъ нельзя просить Бога—я буду такой хорошій, когда ты мнѣ дашь то-то и то-то." Сколько не проси, а ничего не получишь; я просилъ сколько разъ—все это глупость одна, произнесъ 14 лѣтній большевикъ Сеня. „Какъ хочешь, мой другъ, а я вѣрующая" отпарировала ему неразлучная его подруга Соня эсерка. „Потомъ поговоримъ" кричатъ другія дѣти. „Дальше!"...

Я. У нихъ такъ молиться было можно... Они были нѣктосѣринской вѣры.

Дѣти. Какой, какой?..

Я. Нѣктосѣринской... Когда родится человѣкъ къ нему сейчасъ же подходитъ „Нѣкто Сѣрый", ихній Боженька, зажигаетъ высокую, толстую восковую свѣчу и уже не отходитъ отъ человѣка, пока тотъ не умретъ. Ему все равно, радуется-ли человѣкъ, или онъ страдаетъ, богатъ онъ или бѣденъ, болѣнъ или здоровъ—ему все равно, онъ не вмѣшивается въ жизнь человѣка, но зажегши свѣчу жизни, онъ поддерживаетъ жизнь человѣка до гробовой доски.

Дѣти. Значитъ у каждаго свой „Сѣрый" особый?..

Я. Онъ одинъ, какъ и нашъ Богъ, но онъ всюду, съ каждымъ живущимъ... Мальчикъ сталъ рости и остался вдругъ круглымъ сиротою,—его папаша и мамаша умерли и не оставили ему ни гроша. Нравъ у мальчика былъ строптивый и онъ ушелъ вскорѣ отъ родственниковъ, которые взяли было его на воспитаніе. Перебивался уроками и наконецъ сдѣлался архитекторомъ. Женился на молоденькой дѣвушкѣ, у которой была хорошенькая такая шейка, какъ у Сони...

(*Дѣти начали тыкать пальцами другъ друга въ шею и кричатъ: „Какъ у него", „Какъ у нея". Колька тоже ткнулъ пальцемъ въ шею Сони и оцарапалъ ее ногтемъ. Соня ударила его по рукѣ. Колька взревѣлъ*).

Я. (*успокаивая Кольку*). Если будете мѣшать, брошу разсказывать сказку... Молодой архитекторъ былъ ужасно бѣденъ и его жена также. У нея не было тоже въ живыхъ ни папеньки, ни маменьки. Сосѣди имъ помогали кое-какъ перебиваться. Приносили имъ молока, хлѣба, сигаръ, цвѣтовъ, листьевъ, душистой травы... Вотъ какъ-то разъ архитекторъ и говоритъ женѣ своей молодой: „Давай мой мечъ—я хочу посражаться съ моимъ „Сѣрымъ". Почему онъ однимъ даетъ богатство, а другимъ нѣтъ, такъ нельзя этого оставить". Жена дала ему мечъ. Онъ сталъ вызывать своего „Сѣраго" на бой. Я, говоритъ, тебя не боюсь; хочу быть богатымъ, надоѣло мнѣ голодать... „Ты глупъ, а я уменъ"! „Ты жестокъ, а у меня доброе сердце, любящее всѣхъ людей"!.. А „Сѣрый" стоитъ въ углу съ

горящей свѣчей (онъ такой весь большой, съ каменнымъ сѣрымъ лицомъ и въ сѣромъ балахонѣ) и ухмыляется въ свою длинную, сѣрую бороду... „Ладно, ладно, молъ, думаетъ себѣ, кипятись по младости твоихъ лѣтъ, а между прочимъ на автомобилѣ уже ѣдетъ къ тебѣ членъ государственнаго совѣта, по выбору, изъ фабрикантовъ и хочетъ по твоему плану выстроить себѣ домикъ. А впрочемъ, мнѣ все равно“... Архитекторъ съ женой какъ будто почувствовали, что предстоитъ какая-то перемѣна въ ихъ жизни, начали обниматься и цѣловаться, танцовать и забыли, что они въ бѣдной, но розовенькой комнаткѣ, а размечтались и вообразили себя въ своемъ собственномъ домикѣ. Вотъ они устраиваютъ балъ—на балу у нихъ принцы, знаменитые архитектора со всѣхъ странъ свѣта... У нихъ своя вилла, лошади, вкусная изысканная ѣда, вина, фрукты...

Колька. Этта хорошо! Я фрукты люблю, особенно груши...

Дѣти. Тише ты! Не мѣшай,—всѣ фрукты любятъ, не ты одинъ...

Я. А потомъ, нельзя-же забывать бѣдненькаго народа. Рѣшили, что архитекторъ выстроитъ по особому плану домъ для развлеченія и просвѣщенія трудолюбивыхъ и мирныхъ рабочихъ и мужичковъ. За планъ такого дома ему преподнесутъ дипломъ и будутъ чествовать въ городской думѣ обѣдомъ съ шампанскимъ...

Вдругъ, дѣйствительно, пріѣзжаетъ фабрикантъ, старикъ на автомобилѣ, который стоитъ 15 тыс. рублей, и заказываетъ архитектору домъ. Архитекторъ послѣ постройки этого дома пошелъ въ гору и разбогатѣлъ. Выстроилъ свой домикъ въ 15 комнатъ, завелъ лошадей, устраивалъ балы, на которыхъ бывали его друзья и враги. Враги завидющи вообще. Стали они подкапываться подъ архитектора. Онъ и разорился. Свѣча у „Сѣраго“ почти догорѣла. Силы у архитектора подорвались. Кто помоложе, сталъ брать построечки для богатыхъ, а онъ безъ работы, да безъ работы. Сталъ понемногу все распродавать. Домъ хотѣлъ продать, никто не покупаетъ.

Когда архитекторъ былъ богатъ, прислуги у него было много, а потомъ осталась одна кухарка, да и та стала хныкать и порѣшила „безпримѣнно уйти“. Чтожъ молъ, думаетъ кухарка, денегъ не платятъ, а я стряпаю на тѣхъ, кто платитъ; гдѣ будутъ платить, тамъ буду и стряпать. Бѣдному старику архитектору съ его старушкой архитекторшей грозило остаться безъ прислуги, однимъ.

Сеня. Ну чтожъ тутъ особеннаго, пролетаріи безъ прислуги живутъ!..

Соня. И крестьяне тоже...

Дѣти. „Ну ладно, не перебивайте, потомъ поговоримъ обо всемъ“...

Я. Домъ у нихъ опустѣлъ совсѣмъ. Поселились они въ нѣсколькихъ комнатахъ, а въ остальныхъ крысы завелись.

Колька. Я крысъ боюсь.. Кабы ружье—не побоялся-бы...

Дѣти. „Не мѣшай ты“! „Самъ еще крыса, а туда же съ ружьемъ“.

Я. У архитектора былъ сынъ. Чудный малый, съ золотистыми, кудрявыми волосами, свѣжій, здоровый, жизнерадостный красавецъ. Ку-

харка разсказывала, что онъ очень любилъ съ такими же молодцами, какъ самъ, гонять крысъ въ пустыхъ комнатахъ...

Колька. Я бы съ ними тоже погонялъ крысъ...

Я. Мать и отецъ не чуяли въ сынѣ души. Разъ какъ-то возвращался онъ съ прогулки, изъ-за угла злые люди ни за что, не про что царапнули его камнемъ въ голову, и голова его треснула какъ орѣхъ. Его внесли добрые сосѣди въ домъ, положили въ кровать. Пришли доктора и начали лечить. Отецъ вспомнилъ, какъ въ молодости онъ воевалъ со своимъ „Сѣрымъ". Вспомнила объ этомъ и мать. Они оба начали молиться „Сѣрому" и просили, чтобы онъ помогъ выздоровѣть ихъ сыну и вырвалъ бы его изъ рукъ смерти, которая начала уже охватывать ихъ сына своими желѣзными когтями и готова былъ задушить его. Но „Сѣрый" ухмыльнулся въ свою сѣрую бороду и подумалъ: „Экій онъ непонятливый,—до сихъ поръ не можетъ понять, что для меня рѣшительно все равно, будетъ жить ихній малченка, или помретъ—мнѣ все равно. Пусть живетъ—мнѣ все равно; пусть помретъ—опять же таки мнѣ все равно". А старики успокоились послѣ молитвы и стали менѣе тревожиться, окрыленные надеждою, что сынъ ихъ непремѣнно поправится... Старичекъ архитекторъ призадумался насчетъ прожитой жизни и говоритъ своей старушкѣ женѣ: „Прожилъ я на свѣтѣ—точно ничего и не было; жизнь прошла, какъ сонъ. Помрешь и ничего то послѣ тебя на память не останется, да пожалуй уже и теперь я всѣми забытъ". А старушка архитекторша начала утѣшать его: „Помилуй, мой другъ, да вѣдь выстроенный по твоему плану Народный Домъ попечительства о народной трезвости и теперь многихъ восхищаетъ. А твой домъ, построенный на самомъ высокомъ мѣстѣ города? На него всѣ обращаютъ вниманіе. Солнце зашло уже, въ городѣ темно, а въ окна дома падаютъ еще лучи заходящаго солнца. Я видѣла,—какой-то молодой архитекторъ снималъ планъ съ этого дома... Только вотъ съ горой какъ они справятся при постройкѣ?.. Помнишь, когда мы были бѣдны, къ намъ пріѣхалъ на 15-тысячномъ автомобилѣ богатый старичекъ и заказалъ тебѣ построечку по твоему плану. Правда, пришлось тебѣ поступиться—швейцара въ подвалъ, прислугу въ подвалъ, а въ твоемъ первоначальномъ планѣ было совсѣмъ не такъ... Ну чтожъ было дѣлать—были бѣдны, пришлось поступиться... Лѣса обвалились—нѣсколько человѣкъ покалѣчило... Тяжело вспомнить!.. Но вѣдь мы были такъ бѣдны... Можетъ быть, молодой архитекторъ, котораго я видѣла, также теперь бѣденъ, какъ мы тогда были бѣдны и какъ бѣдны теперь... А богачъ какой-нибудь желаетъ выстроить себѣ домикъ по плану, который будетъ служить надолго памятникомъ... Хорошо, что есть такіе богачи... Такихъ богачей хвалитъ и А. Луначарскій, на что ужъ человѣкъ ой, ой какой строгій къ буржуазіи"... Старичекъ архитекторъ хотѣлъ пойти провѣдать сына; старушка жена остановила его и сказала, что сынъ спитъ. Утѣшенный молитвою и словами своей старухи, архитекторъ прилегъ отдохнуть и крѣпко уснулъ. Ему при-

снилась рѣка, она такъ чудно катила свои волны въ изумрудныхъ берегахъ... Приснилось ему, что онъ ѣдетъ по рѣкѣ въ бѣлой лодкѣ съ своимъ сыномъ, золотокудрымъ мальчикамъ... А „Нѣкто Сѣрый“ стоитъ у изголовья спокойно спящаго и обнадеженнаго старика архитектора и говоритъ: „Старичекъ спитъ себѣ спокойно и не чувствуетъ и не ожидаетъ, что сынъ его вскорости долженъ помереть. Кухарка ихняя сказывала, можетъ быть помретъ, а можетъ быть и не помретъ; ну гдѣ же ей знать такія дѣла въ точности. А вотъ я утвердительно говорю, что помретъ, хотя мнѣ также какъ и ихней кухаркѣ все равно—помретъ онъ, или живъ останется“.

Тутъ онъ поглядѣлъ на старика, далъ ему еще мало-мало вздремнуть, да и говоритъ: „Вставай старичекъ! Сынъ твой померъ. Его „Сѣрый“ свѣчку давно уже въ карманъ спряталъ и домой ушелъ—однѣ вѣдьмы остались, пляшутъ, да домашніе голосомъ воютъ“...

Смерть сына поразила стариковъ. Старушка архитекторша не перенесла такого горя и вскорѣ умерла, а старикъ началъ пьянствовать. Приходилъ онъ въ кабакъ, садился за отдѣльный столикъ и въ винѣ топилъ свои страданія, свою безъисходную тоску. Много приходило сюда разнаго люда, не вынесшаго страданій жизни и топившаго ихъ въ винѣ. Всѣ они и на людей не были похожи. У иныхъ вмѣсто носа болталась красная колбаса, у другихъ лицо похоже было на обугленный блинъ. Собравшись вмѣстѣ они дѣлились своими впечатлѣніями, своими переживаніями и никто другъ друга не слушалъ... Одинъ кричалъ, что у него въ головѣ свадьба, танцуютъ блохи и черные тараканы, гудутъ и пляшутъ майскіе жуки. Другой говорилъ, что у него въ головѣ съ быстротою молніи проносятся поѣзда. Третій кричалъ, что у него въ головѣ птицы вьютъ гнѣзда. Иные утверждали, что въ головѣ ихъ нѣтъ мозговъ, а мозги ихъ превратились то въ подсолнечное масло, то въ кипящую смолу... Архитекторъ старикъ сидѣлъ за столикомъ и тоже бредилъ...

Въ одинъ прекрасный вечеръ, когда солнце закатывалось въ багрово-красную пучину горизонта, собралась компанія пьяницъ въ кабакѣ. Въ ихъ числѣ былъ и старикъ архитекторъ. Архитекторъ чувствовалъ себя очень плохо. „Нѣкто Сѣрый“ стоялъ подлѣ него съ едва мерцавшей свѣчей жизни. Свѣчи собственно уже и не было, а догаралъ одинъ фитиль и все время коптѣлъ. „Нѣкто Сѣрый“ почувствовалъ, что фитиль начинаетъ уже обжигать ему руки и позвалъ вѣдьмъ. Вѣдьмы смѣшались съ толпою пьяницъ и стали подтрунивать надъ старикомъ архитекторомъ. Одна изъ вѣдьмъ говоритъ: „Дѣвушки, дѣвушки! Не троньте цвѣты у его молодой женки, на нихъ ея поцѣлуи, ея дыханіе“... Вѣдьмы расхохотались. Другая вѣдьма говоритъ: „Красавицы женщины, какой чудный балъ у архитектора, такъ все пышно, какая честь намъ всѣмъ, честь и пышно, пышно, и честь“. И снова расхохотались. Самая поганая изъ вѣдьмъ расхохоталась и говоритъ: „А что я вамъ разскажу, такъ это уму помраченіе... Былъ у нихъ красавецъ сынъ, а его злые люди убили, а теперь на его кроваткѣ, мягкой

такой, удобной для пріятнаго отдохновенія, крысы устроили себѣ гнѣздо и выводятъ голенькихъ крысятъ". Всѣ вѣдьмы снова разсмѣялись. Кругомъ пьяницы тоже гоготали и кричали каждый свое. Вѣдьмы попросили кабацкаго музыканта сыграть имъ какой-нибудь милый танецъ,—тотъ запиликалъ на своей скрипкѣ какую-то ужасную польку. Старикъ архитекторъ почувствовалъ вдругъ, что силы ему измѣнили совсѣмъ и онъ долженъ сейчасъ умереть. Онъ оглянулся въ сторону, гдѣ стоялъ „Нѣкто Сѣрый" и крикнулъ: „Давайте мое оружіе, давайте мой мечъ! Будь ты проклятъ!" „Нѣкто Сѣрый" ухмыльнулся себѣ въ бороду, дунулъ на фитиль нечаянно, ужъ очень руки ему жгло и у старика архитектора началась агонія. Ну что ужъ тутъ думаетъ, „Сѣрый", валандаться зря,—помусолилъ пальцы слюною и притушилъ коптѣвшій фитиль. Тутъ старикъ архитекторъ испустилъ послѣдній вздохъ... Вѣдьмы начали плясать и кружиться. Пьяницы тоже плясали, выли и кричали...

Вотъ и сказкѣ конецъ!..

Дѣти шумливо заговорили всѣ вмѣстѣ. Порѣшили играть въ „Нѣкто Сѣраго". Сеня и Соня засѣли въ нишу, въ гостинной, и начали разбирать замѣтки, выписанныя Сенею изъ брошюрки „Тактика уличнаго боя". Колька надрывался и кричалъ не своимъ голосомъ: „А я кто буду? А кто же я буду? Да говорите же вы, дураки этакіе, кто же я буду"?.. Его всѣ отталкивали отъ себя, какъ неподходящаго по возрасту и я рѣшилъ взять его подъ свое покровительство и занять чѣмъ нибудь. „Давай, Колька, играть въ войну"? Колька охотно согласился.

Я назначилъ его главнокомандующимъ всей манчжурскою арміей, Куропаткинымъ, и предложилъ ему отступать отъ ниши Портъ-Артура къ дверямъ Томску, произвести по пути два-три сраженія, а затѣмъ, проползши подъ креслами и диваномъ напасть на нишу Портъ-Артуръ и отобрать его отъ японцевъ. „А какъ же мнѣ сражаться—верхомъ, пѣшкомъ или на поѣздѣ?" серьезно спросилъ Колька. „Да вали сначала на поѣздѣ, потомъ верхомъ, а затѣмъ пѣшкомъ?" Самъ я ушелъ въ другую комнату, взялъ газету и углубился въ чтеніе. Временами я слышалъ какія-то монологи—играли, очевидно, „Нѣкто Сѣраго", временами слышалось шипѣнье и топанье ногами— это, вѣроятно, Колька Куропаткинъ сражался на поѣздѣ. Прошло нѣсколько времени, Кольки не было слышно вовсе. Вдругъ, душу раздирающій ревъ его возвѣстилъ мнѣ, что съ нимъ гдѣ-нибудь случилось что-то неладное. Оказалось, что онъ съ палкой въ рукахъ наскочилъ неожиданно въ нишѣ на мнимыхъ японцевъ, Сеню и Соню, и началъ ихъ въ серьезъ вышибать оттуда. Сестра его Соня и Сеня не остались въ долгу и Колькѣ попало. Я взялъ на руки моего маленькаго Куропаткина и унесъ въ столовую, гдѣ вмѣсто важныхъ наградъ и милостей, утѣшилъ его апельсиномъ. Колька прерывисто вздохнулъ раза два и успокоился...

VII.

В. Львовъ въ своемъ отзывѣ о „Жизни Человѣка“ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Пожелаемъ же художнику (Л. Андрееву)... пусть въ его словахъ, пусть въ окнахъ его созданій горятъ лучи жизни и пусть „кто-то въ черномъ“ перестанетъ звонить въ колоколъ его творчества и поднимать траурный факелъ“ [1]). Пожеланіе критика мнѣ представляется довольно страннымъ. Будто художникъ можетъ раздваиваться и по желанію можетъ звонить то въ похоронный колоколъ, то въ веселые колокольчики... Каждый художникъ субъективенъ и индивидуаленъ. Л. Андреевъ въ „Жизни Человѣка“ предсталъ передъ нами во весь свой ростъ и ударилъ послѣдній, финальный похоронный перезвонъ во всѣ колокола... Но съ самыхъ первыхъ шаговъ своего творчества, онъ уже началъ позванивать въ похоронные колокола—сначала несмѣло, а затѣмъ смѣлѣе, громче, выразительнѣе „Такъ было“, (XX-й, затѣмъ Лошадиная морда, велосипедистъ Казиміръ Перье и пр. и пр. Не все-ли равно?), „Савва“, „Елеазаръ“...

Черная ночь, освѣщенная погребальными факелами, безысходная тоска точно чьи-то цѣпкія когти захватываютъ вашу душу—вотъ впечатлѣнія, которыя выносишь, когда читаешь декадента Л. Андреева... Нѣтъ солнца, нѣтъ жизненныхъ, красивыхъ, ласкающихъ душу и умъ красокъ... А гдѣ все это есть въ жизни? Да, правда, жизнь преисполнена великими страданіями, но велики и ея радости... Пусть Человѣкъ борется—и впереди его ждетъ радость полноты и смысла жизни. Вѣра согрѣваетъ душу тѣхъ, въ комъ живъ великій духъ любви и самоотверженія и кто вѣритъ въ великое будущее братскаго коллективизма. Такая вѣра дѣлаетъ людей жизнерадостными.

Само собой разумѣется, что такая вѣра не можетъ быть цѣлью жизни, какъ равно и борьба для достиженія полноты жизни не должна быть цѣлью жизни, такъ какъ братскій коллективизмъ, когда онъ придетъ, будетъ столь же будничною формой жизни, какъ будничны формы настоящей жизни, а борьба въ недалекомъ будущемъ превратится въ долгую, сѣрую, спокойную, будничную работу, но такая работа и дастъ радость полноты, смысла и красоты жизни и съ каждымъ поколѣніемъ полнота, смыслъ и красота жизни будетъ ярче, могущественнѣе и величественнѣе отражаться на содержаніи жизни...

„Фаустъ“ Гете—неумирающая красота (хотя конечно, и безсмертіе понятіе относительное), потому что въ основѣ его лежитъ величественная борьба генія добра и генія зла, и исканіе правды и смысла жизни. „Жизнь Человѣка“, Л. Андреева— безобразное твореніе въ художественномъ отношеніи, потому что въ основѣ его лежитъ сумбуръ идей, ублюдокъ декадентскихъ бредовыхъ проблемъ и реальныхъ идейныхъ цѣнностей...

---

[1]) «Образованіе». Мартъ 1907 г.

Когда Л. Андреевъ взялся рисовать огромное, по своему общественному значенію, міровозрѣніе — анархизмъ (какъ бы вы не относились къ анархизму—это безразлично), онъ и тутъ не могъ обойтись безъ своего излюбленнаго фона. Рисуя намъ, несуществующаго въ жизни анархиста, по крайней мѣрѣ съ такимъ міропониманіемъ и практической тактикой, какъ библейскій анирхистъ Савва, Л. Андреевъ усыпалъ предварительно фонъ своей картины трупными червячками и вспрыснулъ трупнымъ ядомъ... Онъ сдѣлалъ собственнаго анархиста, какъ ему подсказало его творчество. Прототипомъ анархиста Саввы можно считать сверхъ-анархиста, библейскаго Бога. Онъ первый въ широкомъ масштабѣ осуществилъ на практикѣ анархическую программу пересозданія всего человѣчества, да не только человѣчества, а и дикихъ звѣрей. Все живущее было уничтожено потопомъ и Ной съ супругою, да домашніе звѣри и должны были возсоздать жизнь на новыхъ началахъ... Но оглядываясь кругомъ, мы убѣждаемся, что такая затѣя оказалась праздной и жестокой забавой... Прошли тысячалѣтія и отмѣченный навсегда печатью Хама человѣкъ расплодился въ неимовѣрномъ количествѣ и начинаетъ теперь напирать на арену жизни... Аристократическій геній Мережковскаго возмущенъ до глубины души такимъ хамскимъ напоромъ, но хамъ все-таки, въ концѣ концовъ, займетъ арену жизни на равнѣ съ аристократическими породами гг. Мережковскихъ и самое понятіе „хамъ“ превратитъ въ понятіе архаическое, порукой тому можетъ служить сила напора его, она становитси все замѣтнѣе, все больше и больше увеличивается, не смотря на то, что премьеры всѣхъ странъ обломали руки свои на вѣчно недовольномъ и бунтующемъ хамѣ... Только и хамъ едва-ли одобритъ Андреевскаго анархиста Савву...

Фабулу „Саввы“ Л. Андреевъ построилъ на основаніи факта, имѣвшаго мѣсто въ одномъ изъ монастырей, кажется, Курской губ., гдѣ монахи устроили мнимое динамитное покушеніе на народную святыню, дабы побольше заманивать темный, невѣжественный людъ въ свою лавочку. Думается, автору и слѣдовало-бы подходить къ своему писанію именно съ этой стороны...

Пожалуй, Савва символическая фигура,—заблуждающійся фанатикъ, столкнувшійся съ тупымъ фанатизмомъ другой стороны, той именно, съ которою онъ хотѣлъ вступить въ борьбу не на жизнъ, а на смерть. Но вся картина, выписанная съ огромнымъ талантомъ, захватывающая, ошеломляющая васъ съ перваго взгляда, въ концѣ концовъ душитъ васъ, точно кошмаръ. Картина нарисована мѣстами ярко, сильно, колоритно, я-бы сказалъ даже, какъ выражается А. Луначарскій „эстетически... прекрасно“, но правды въ ней вы не найдете. Когда вы начинаете глубже и глубже всматриваться въ картину, отъ нея повѣетъ въ вашу душу леденящимъ холодомъ, вы начнете ощущать запахъ трупа и почувствуете точно васъ оторвали отъ жизни съ ея глубокими, потрясающими страданіями и съ яркими солнечными лучами—идеалами, которые согрѣваютъ вашу душу, и бросили въ сырую, темную

покойницкую, освѣщенную одною блѣдно-мигающею ломпадкой, за которою виднѣется только деревянный ликъ Сѣраго.

И чувствуете, вы, какъ самъ авторъ, подавленый кошмаромъ настроеній, бродитъ въ какомъ-то лабиринтѣ, изъ котораго не можетъ никакъ выбраться, нагромождаетъ одно настроеніе на другое, не можетъ ярко очертить ни одного изгъ нихъ и шагъ за шагомъ созидаетъ величественную своимъ безобразіемъ картину...

Безмѣрны страданія хама. Часто у него опускаются руки и нѣтъ кругомъ ничего, на чемъ-бы взоръ его могъ остановиться какъ на надеждѣ и на чемъ могла-бы отдохнуть его измученная душа, и ему поневолѣ приходилось прибѣгать къ обману мерзавчикомъ или идоломъ, услужливо преподносимыхъ ему тѣми, кто равнодушенъ къ его страданіямъ и кто не хочетъ ихъ облегчать. На время онъ успѣвалъ обмануть себя и чувствовалъ облегченіе... Но хамъ протеръ теперь себѣ глаза. Онъ оглянулся кругомъ инымъ взоромъ. Въ то время, когда Л. Андреевъ, рисуя свое огромное полотно, съ наслажденіемъ, вмѣстѣ съ Тюхой и Сперанскимъ, обнюхивалъ трупныхъ червячковъ, хамъ началъ поломничество нѣсколько иного характера...

Одно изъ настроеній, смутно очерченное Л. Андреевымъ въ „Саввѣ“, болѣе ярко и опредѣленно изображено имъ въ „Елеазарѣ“. Настроеніе это затѣмъ сдѣлалось моднымъ и до тошноты всѣмъ надоѣло. „Елеазаръ“ въ смыслѣ художественной красоты и правды одно изъ лучшихъ декаденскихъ твореній Л. Андреева, такъ какъ въ немъ отразилось общечеловѣческое психологическое переживаніе, у иныхъ смутное, у другихъ острое и захватывающее. Лично на меня „Елеазаръ“ произвелъ комическое впечатлѣніе. Мнѣ вспомнился, при чтеніи „Елеазара“, Тургеневъ. Ему было шестьдесятъ съ хвостикомъ, когда онъ написалъ: „... Я поглядѣлъ, разсмѣялся, встряхнулся— и грустныя думы тотчасъ отлетѣли прочь: отвагу, удаль, охоту къ жизни почувствовавъ я.

И пускай надо мной кружитъ *мой* ястребъ...

— Мы еще повоюемъ, чортъ возьми!“

Вотъ такъ почти всѣ люди и поступаютъ. Встряхнутся и продолжаютъ жить полнымъ жизненнымъ темпомъ. Л. Андреевъ я думаю также, какъ и всѣ люди—написалъ прекрасную картину пережитаго настроенія, встряхнулся... А впрочемъ, почемъ я знаю—быть можетъ, онъ навсегда останется моднымъ и страшнымъ писателемъ для буржуазныхъ старичковъ и старушекъ всѣхъ возрастовъ. Для меня же лично интереснѣе писатели, которые въ художественныхъ картинахъ рисуютъ жизнь, необъятную въ своихъ проявленіяхъ и въ своемъ разнообразіи жизнь, и учатъ насъ, какъ нужно жить и какъ не слѣдуетъ жить, но повторяю тысячу разъ *жить*, *жить*... И да здраствуетъ только тотъ Л. Андреевъ, который написалъ „Къ звѣздамъ“

За Л. Андреевымъ начинаютъ выползать маленькіе величины и тоже разыскиваютъ символическія темы и притомъ для разрѣшенія общихъ всему человѣчеству проблемъ жизни. Главное, надъ чѣмъ работаютъ современные художники,—это, чтобы тема была выбрана такая, какая будетъ умѣстна и жизненна и при „соціализмѣ". Нынче это мода, повѣтріе, отупѣніе какое-то. Точно при соціализмѣ бросятъ совсѣмъ писать художественныя произведенія и нынѣшніе художники трудятся для блага нашихъ потомковъ, которымъ соціализмъ отшибетъ совершенно охоту творить!.. Мережковскій пожалуй въ этомъ убѣжденъ.

Будетъ при соціализмѣ половая жизнь? Да, несомнѣнно. Помирать будутъ? Опять же да, несомнѣнно... Тайны Потусторонности останутся неразгаданными къ тому времени? Да пожалуй, что такъ. Ну и вали на общечеловѣческія темы...

Сергѣевъ-Ценскій думалъ, думалъ и придумалъ. Сторожъ мертвецкой удовлетворяетъ свою физіологическую потребность на трупахъ женщинъ. Бываетъ, конечно... Какихъ не бываетъ половыхъ аномалій—ихъ много знаетъ и жизнь и психіатрія. Но зачѣмъ рисовать подобный безсмысленный символъ? Полезенъ-ли такой рисунокъ? Нужны-ли для него такія краски, какія взялъ Сергѣевъ-Ценскій? Я считаю, что художникъ въ этомъ случаѣ просто злоупотребляетъ своимъ талантомъ и только. Имѣя талантъ, можно рисовать что угодно и рисовать ярко. Никто не посмѣетъ, конечно указывать художнику опредѣленныхъ темъ и опредѣленныя формы для его творчества. Я не стою также за цензуру нравственности. Нарисованъ глубокій символъ—отчужденность душъ при половомъ актѣ. Это - ярко, глубоко, потрясающе. Трупъ женщины удовлетворяетъ страсть... Но по идеѣ, развѣ не тоже рисовалъ Ибсенъ въ своихъ драмахъ—„Норѣ", „Гедѣ Габлеръ" и др... Есть конечно любители символическаго цинизма... П. Пильскій, напр., находитъ, что въ „Тридцати трехъ уродахъ" недостаетъ даже такой невинной пикантности, какъ „вскрика радости"... Да что „вскрикъ радости"—это говорилось тогда, когда еще мистическія плащи анархизма не поистрепались на плечахъ нашихъ теперешнихъ „онаньевскихъ художниковъ". Какъ увидитъ читатель ниже, анархистскіе плащи уже брошены, „когда не стоптались еще и туфли" и мѣсто анархизма занято „бѣшенымъ онанированіемъ", всякихъ видовъ. (По Октаву Мирбо).

Выше я какъ-то мелькомъ упомянулъ о злоупотребленіи символами со стороны нашихъ художниковъ. Въ самомъ дѣлѣ. Вдумайтесь вы въ строительные символы Л. Андреева. „Народный домъ"—символъ жалкой благотворительности просвѣщеннаго и пресыщеннаго буржуа и только. Возьмите строительный символъ у Ибсена въ „Брандтѣ". Брандтъ разрушаетъ старый храмъ и строитъ новый. При условіяхъ жалкой мѣщанской дѣйствительности, новый храмъ Брандта оказался для него трагическимъ концомъ. Въ новомъ храмѣ расположилось снова тоже мѣщанство, со всѣмъ

жалкимъ скарбомъ своихъ привычекъ духа и мысли, точно вродѣ какъ и наша бюрократія, построивши храмъ народнаго представительства, расположилась въ немъ со всѣмъ своимъ скарбомъ, съ чадами и домочадцами, какъ и въ быломъ своемъ храмѣ—государственномъ совѣтѣ прежнаго образца... Брандту оставалось отряхнуть прахъ отъ ногъ своихъ, плюнуть на все и двинуться куда-нибудь въ высь. Ему удалось увлечь за собою и толпу въ высь. Но высь, въ сущности, была совершенно неопредѣленна, не реальна и поэтому понятенъ трагическій конецъ Брандта—его побили камнями и онъ погибъ.

Дальше. Что означаетъ строительный символъ Л. Андреева, о какомъ-то нелѣпомъ по фантазіи зданіи, которое продолжаетъ освѣщаться солнцемъ, когда остальныя зданія въ городѣ погружены во мракъ? Какая-то жалкая, ребяческая безсмыслица и ничего больше. Сравните, опять таки, съ строительнымъ символомъ того же Ибсена въ „Строителѣ Сольнесѣ". Вся концепція драмы соотвѣтствуетъ трагическому концу строителя Сольнеса, увѣровавшаго снова въ свои силы, когда ихъ уже не было и попершаго съ вѣнкомъ на вышку башни...

Съ Сольнесомъ случилось тоже, что съ нашими кадетами въ первой думѣ. Общество вѣрило въ кадетовъ, какъ m-lle Гильда въ Сольнеса, за ихъ прежнее земское якобинство и прочія заслуги. Общество вручило свою судьбу—вѣнокъ кадетамъ для водруженія на башнѣ вновь строившагося храма народнаго представительства. Кадеты, не разсчитавши своихъ силъ, поперли на башню и сорвались съ нея...

Да что символы! Говорятъ художнику, нѣтъ нужды считаться съ научной литературой. Захотѣлъ онъ изобразить анархиста, соціалъ-демократа, кого угодно, словомъ, и онъ можетъ совершенно не считаться съ разными доктринами, которыя исповѣдуютъ изображаемые герои. Читатель, говорятъ, не будетъ же изучать, скажемъ, анархизмъ, какъ научную проблему, по андреевскому „Саввѣ"... Ннезнаю... Если писатели изучаютъ, такъ читателямъ и Богъ простилъ. Вотъ, напр., драматургъ С. Найденовъ, размазывая свои „Стѣны", долженствовавшія изображать „идейную", драму изъ „эпохи освободительной борьбы", предварительно изучилъ анархизмъ по „Саввѣ" и разрисовалъ собственнаго анархиста Артамона. Правда, Артамонъ анархистъ публично заявляетъ съ подмостковъ Александринки, что у него отъ книгъ всегда голова разболѣвается, но тѣмъ не менѣе онъ мычитъ что-то по идейной части—о разрушеніи городовъ до основанія, и о созиданіи новой жизни. Появился, словомъ, совершенно новый видъ идейной драмы и другого художества—или ничего невыражающіе символы, или обрубленные языки у главныхъ персонажей и только вздохи, ломанье рукъ и какой-то безсмысленный, ничего невыражающій бредъ, какъ, напр., у Елены изъ «Стѣнъ". „Ахъ, мама,—онъ великанъ, великанъ„,—заявляетъ Елена... Должно быть, выше колокольни Ивана Великаго въ Москвѣ. Бредъ этотъ долженъ выражать величину идеи, которой она служитъ. Странно вотъ

что Артамонъ, съ дѣтства былъ друженъ съ Еленой, идейной и образованной дѣвушкой. Неужели она не могла познакомить его съ хорошей, доступной, популярной книжкой. С. Найденовъ видѣлъ и самъ тутъ противорѣчіе, почему ловко и обошелъ такой подводный камень, навязавши головную боль отъ чтенія своему Артамону анархисту. Скажутъ, что автору приходится считаться съ цензурными условіями. С. Найденовъ вынужденъ былъ обрубить языки у его героевъ, вынужденъ, быть можетъ, былъ вставить въ „идейную“ драму, „для благонадежности“, публичный домъ (I дѣйств. „Стѣнъ“). Ну это меня, читателя и зрителя, не касается совсѣмъ. Это дѣло авторской этики.

Кто хочетъ многое дать, съ того многое и спрашивается. Если Евтихій Карповъ, подручный у хозяина ломанно-октябристкаго театра, заплечныхъ дѣлъ мастера, старика Суворина, пишетъ „идейную“ пьесу „изъ эпохи освободительной борьбы“, то съ него никто ничего и спрашивать не станетъ.

Въ его „Недругахъ“ у героевъ слишкомъ даже развязные языки, да оно и понятно. Развязность „идейныхъ“ героевъ совершенно стушевывается передъ развязностью и „центральностью“ такихъ персонажей, какъ выведенный въ „Недругахъ“ башибузукъ съ европейскимъ лоскомъ и дѣвица, нажаривающая на фортепьянахъ кекуокъ въ тотъ моментъ, когда изъ папашиной шахты вытаскиваютъ труппы затопленныхъ шахтеровъ.

Какъ-то мнѣ пришлось прочесть записки крѣпостника театрала (фамиліи не помню), въ которыхъ онъ, между прочимъ сообщаетъ слѣдующее: „...' Запримѣтилъ твердо, что та роля наилутше выполнена бываетъ, коя соотвѣтствуетъ натурѣ актера. У меня натурѣ актерки Костромской (дѣвкѣ Анфисѣ) соотвѣтствуетъ слезная роля, а натурѣ актерки Ярославской (толстой дѣвкѣ Федосьѣ)—смѣшливая роля“. Надо полагать, что роля башибазука въ „Недругахъ“, съ такою тщательностью и любовью расписанная Евтихіемъ Карповымъ, соотвѣтствовала натурѣ артиста Сѣверскаго, который сдѣлалъ изъ нея положительно шедевръ..

Прослушавши пьесу „Недруги“ въ ломанно-октябристкомъ театрѣ, я возвратился домой въ чрезвычайно пріятномъ, какомъ-то умиротворенномъ настроеніи. Домашніе встрѣтили меня, помню, въ нѣсколько тревожномъ настроеніи и сообщили, что завтра не будетъ свѣжихъ булокъ, такъ какъ булочники снова забастовали. Они вспомнили прологъ изъ „эпохи освободительной борьбы“, который начался взятіемъ забаставшихъ московскихъ булочниковъ приступомъ, подъ прикрытіемъ легкой артиллеріи, на крышѣ Филипповскаго дома; вспомнился съ тревогою и послѣдній заключительный актъ взятія Москвы подъ прикрытіемъ тяжелой артиллеріи... Я началъ успокаивать всѣхъ и увѣрять, что нынче баши-бузукская часть совершенно иначе поставлена, опасаться чего-нибудь серьезнаго нѣтъ никакихъ основаній и совѣтовалъ для успокоенія пойти и посмотрѣть „Недруги“ Евтихія Карпова...

VIII.

Приступаю къ интервью критиковъ и публицистовъ на мѣстахъ изъ дѣйствія...

Антракъ послѣ перваго акта великой россійской драмы. Огромный шалашъ на берегу залива. Виднѣются вдали горы, блестятъ снѣжныя вершины. Даль покрыта розово-голубовато-сѣровато-красноватой дымкой, которая трепыхается и надъ заливомъ. Ощущается благоухающій ароматъ цвѣтовъ, извѣстныхъ только одному Морису Метерлинку. Ласкающая глазъ зелень. Все облито лучами жизни—солнцемъ. Въ заливѣ плещутся чудныя нифмы изъ „Стѣнъ“ С. Найденова и „Бога Мести“ Шолома Аша. Два истинно-современныхъ критика П. Пильскій и К. Чуковскій, съ необыкновенно роскошными шевелюрами, нарумяненные и набѣленые, тащатъ подъ руки „Пройдъ“ къ заливу и предлагаютъ имъ полюбоваться купающимися нимфами. „Пройды“ упираются. У шалаша монахъ Ераклій вмѣстѣ съ архитекторомъ Л. Андреева посыпаютъ площадку трупными червяками. У самого залива на песчаномъ берегу возлежали безработные и ходоки „насчетъ земли и воли“ и парились на солнышкѣ. Разъѣзжали жандармы и городовые. Одинъ изъ конныхъ городовыхъ нечаянно наѣхалъ на безработное брюхо, изъ котораго выскочилъ маленькій пролетарій, бросился въ заливъ, началъ плескаться тамъ и показывать, черезъ головы городовыхъ и жандармовъ, кукиши премьерамъ всего міра...

По берегу залива неслись два всадника. Одинъ на роскошномъ, чистокровномъ, пролетарскомъ скакунѣ. На немъ красный плащъ, усыпанный цвѣтами и накинутый на плечи „Бунтаремъ“. Лицо закрыто забраломъ Другой—Я—плелся, едва поспѣвая, на жалкой лошаденкѣ, косматой и въ кизякахъ, напоминающей лошаденокъ изъ голодныхъ губерній, и взятой мною на прокатъ изъ „Пантеона Критики“. На мнѣ накинута поддевка, вся въ заплатахъ и въ дырьѣ. Всадники у шалаша осадили лошадей и соскочили на землю. Первый всадникъ поднялъ забрало и всѣ кругомъ начали ему улыбаться и раскланиваться. Онъ бросилъ плащъ и поводья на руки пролетаріямъ. Толпой всѣ вошли въ шалашъ. Расположились такъ: монахъ Ераклій и архитекторъ Л. Андрева стали вмѣстѣ. Купецъ, милліонеръ фабрикантъ и издатель „Золотого Руна“, втроемъ, заняли одинъ уголъ. Ленинъ, успѣвшій въ антрактѣ отростить длинную бороду и шевелюру, вмѣстѣ съ учениками и поклонниками, сталъ у стѣны противъ входа. Я скромно спрятался въ уголокъ. Другой всадникъ, оказавшійся А. Луначарскимъ, остановился посрединѣ шалаша, замеръ на мѣстѣ, взмахнулъ рукой и заговорилъ.

А. Луначарскій. Въ „Жизни Человѣка“ Л. Андреевъ даетъ намъ драматическое обобщеніе жизни человѣка и при томъ далеко оставляетъ за собою даже Гете, великаго Гете, царя поэтовъ. Поймите—Гете даетъ кусокъ идейнаго скелета, не облеченнаго живой плотью. А честный и мрачный пессимистъ, поэтъ ужаса жизни, Л. Андреевъ разрѣшаетъ поставленную себѣ дерзновенную задачу полнѣе, чѣмъ Гете въ своемъ честномъ, безсмертномъ „Фаустѣ“.

Поклонники и ученики (*шепотомъ*). Выше Гете, онъ выше Гете!..

А. Луначарскій. Л. Андреевъ героически честный пессимистъ. Если хотите онъ метафизикъ, но... позитивный метафизикъ, и притомъ честный позитивный метафизикъ.

Но быть можетъ онъ, не признавая раціоналистическаго анархизма, отвергаетъ вообще всякую идею коллективной борьбы за реальное и глубокое улучшеніе жизни? Тогда мы назовемъ его обычнымъ представителемъ типичнаго интеллигентски-мѣщанскаго пессимизма и ничего больше...

Поклонники и ученики (*шепотомъ*). Онъ интеллигентный пессимистъ-мѣщанинъ! Да онъ мѣщанинъ-пессимистъ...

А. Луначарскій. Но быть можетъ въ немъ мы обрѣли художника трагическаго мужества, трагической радости,—тогда онъ подобенъ великому, честному, заблудившемуся Ф. Ницше...

Поклонники и ученики. Да онъ подобенъ Ф. Ницше, честному и великому Ф. Ницше!..

А. Луначарскій. „Съ милымъ рай и въ шалашѣ“. „Горе и въ палатахъ живетъ“. „Не въ деньгахъ счастье“.,. Боже мой! какъ это пошло. Не правда-ли?...

Я. „Жизнь копѣйка—судьба индѣйка“...

А. Луначарскій. Это потомъ!.. (*продолжая*). Невыразимо пошло. Не правда-ли? Но... вздоръ все это! Пусть не говорятъ о невозможности сладить съ богатствомъ. (*Раскланивается въ сторону купца, милліонера фабриканта, и издателя „Золотого Руна“*). „Наука, искусство, путешествія, возможность широко помогать гибнущимъ въ борьбѣ съ нуждой талантамъ,—это все тѣмъ доступнѣе человѣку, чѣмъ онъ богаче при прочихъ равныхъ условіяхъ. Роскошь есть утонченная культура. И если роскошь нелѣпа, выражается въ одной „позолотѣ“, мѣшаетъ человѣку,—какъ неуклюжій халатъ изъ золота и драгоцѣнныхъ камней,—такъ это значитъ, что богачъ самъ по себѣ ничтожное существо, не способное къ творчеству, развитію, лишенное вкуса“.

Поклонники и ученики. Онъ ли это говоритъ? Онъ ли это говоритъ?..

А. Луначарскій.. (*поднимая руку кверху*). „Проклято богатство не само по себѣ, а въ атмосферѣ глубокаго неравенства. Проклята роскошь тѣмъ, что она означаетъ чьи-то слезы, чей то каторжный трудъ.

Но покончивъ съ классовыми противорѣчіями, человѣкъ скажетъ: „давайте все болѣе, глубже, лучше использовать природу, какъ источникъ наслажденія и роста“... Помните шутъ у Шекспира сказалъ: „По твоему мнѣнію изъ-за того, что ты добродѣтеленъ, на землѣ не должно быть ни вкусныхъ пирожныхъ, ни сладкаго вина?“

Поклонники и ученики: Правда, все это правда!..

А. Луначарскій. „Художникъ, который сильно, цѣльно и искренне выразилъ-бы въ образахъ ту мысль, что никакого смысла, человѣческаго смысла въ природѣ нѣтъ,—былъ бы великимъ художникомъ въ мѣру силы своихъ образовъ, цѣльности своего художественнаго плана и искренности своего настроенія“. Намъ ли обращать на это вниманіе. Мы полюбуемся и только... „Для реалиста, но реалиста мужественнаго, боевого типа—тьма является призывомъ къ напряженію всѣхъ силъ. Онъ крѣпче трубитъ въ призывный рогъ, звучащій не мольбою къ пустому небу, а кличемъ къ братьямъ людямъ, онъ точитъ свой мечъ, онъ зажигаетъ свои свѣтильники. Онъ благодаренъ честному пессимисту, вродѣ Л. Андреева,—когда тотъ показываетъ ему стѣны и тупики жизненнаго лабиринта. „А все таки выходъ долженъ быть найденъ!“ говоритъ онъ и идетъ. И передаетъ факелъ и нить Аріадны—сыну и внуку. И идутъ. И только тогда, когда убѣдятся, что нѣтъ выхода, убѣдятся математически — тогда мужественно скажутъ вмѣстѣ съ слишкомъ торопливымъ пессимистомъ—высшій смыслъ жизни—мужественная смерть безъ позы, безъ проклятій, самопрекращеніе „безсмысленнаго и тягостнаго процесса жизни“...

Поклонники и ученики. Да, да, мужественная смерть, безъ позы, безъ проклятій!..

А. Луначарскій (*улыбаясь и поднимая руку кверху*). „Но этого не будетъ! Это мѣщанинъ лишенъ выхода, это онъ хирѣетъ въ пессимизмѣ“... (*поперхнувшись*). Только это я не про честнаго пессимиста Л. Андреева, а вообще... „Это онъ уже не ищетъ исхода къ звѣздамъ реальнаго неба, а рисуетъ мнимыя звѣзды на сѣрыхъ стѣнахъ своей тюрьмы, а пролетарій выйдетъ изъ ада, и заблеститъ надъ нимъ священная денница и грудь его вдохнетъ свѣжій воздухъ горъ“...

Поклонники и ученики. Да, да онъ не умретъ, онъ побѣдитъ!!..

Всѣ слушали съ затаеннымъ дыханіемъ. Я тоже заслушался и думалъ какую-то думу... Ленинъ ухмыльнулся, тряхнулъ своею бородою и чуть было не вскочилъ на пролетарскаго скакуна, чтобы объѣхать районы и повысить въ нихъ настроеніе; но пролетаріи держали крѣпко скакуна подъ уздцы. Лица ихъ сдѣлались суровыми и грудь свою они облегчали вздохами.

Я. Да позволено мнѣ будетъ сказать нѣсколько словъ...

Г. Ленинъ. (*обращаясь къ своимъ ученикамъ*). Кто онъ, который хочетъ говорить здѣсь?

Ученики. Не знаемъ, учитель, его никогда не было среди насъ.

Г. Ленинъ. Не ренегатъ ли онъ?

Ученики. Нѣтъ, нѣтъ учитель... Мы не знаемъ, его никогда не было среди насъ...

Ленинъ. Тогда не провокаторъ ли онъ?

Ученики. Нѣтъ, нѣтъ учитель... Мы не знаемъ, его никогда не было среди насъ...

Ленинъ. Но не одинъ-ли это изъ злѣйшихъ моихъ враговъ, кадетъ?..

Ученики. Нѣтъ, нѣтъ, учитель, мы не знаемъ, его никогда не было среди насъ...

Ленинъ. Тогда пусть говоритъ... Я знаю кто онъ,—это интеллигентный мѣщанинъ изъ мелкой буржуазіи...

Я. (*обращаясь къ А. Луначарскому*). Если вы позволили себѣ сравнить „Жизнь Человѣка“ съ „Фаустомъ“ Гете и поставили первое произведеніе даже выше „Фауста“, то мнѣ думается, что васъ ввело въ заблужденіе либрето Маріинскаго театра. Въ подлинникѣ, мы привыкли считать Фауста могущественнымъ и бушующимъ геніемъ добра, ищущимъ *правды* и опрокидывающемъ на своемъ жизненномъ пути всѣ готовыя и спокойныя формулы жизни. Мефистофель, сопровождающій его—геній зла, бунтующій и бурный, опрокидывающій тоже всѣ жалкія формулы и пути, на которые встаетъ Фаустъ и думаетъ найти успокоеніе, правду, смыслъ жизни. Неумирающіе, и борящіеся, и колеблещіеся оба генія—живы и понынѣ въ человѣчествѣ. Вотъ почему „Фаустъ“ Гете, раздробившись на тысячи рученковъ и безчисленное число яркихъ блестокъ, отразился на міровомъ искуствѣ—скульптурѣ, живописи, музыкѣ и живомъ словѣ, и сталъ для насъ неумирающимъ твореніемъ генія Гете. Говоритъ объ этомъ какъ то даже неловко, до такой степени это общее мѣсто. И если я позволилъ повторить еще разъ общее мѣсто, то только для того, чтобы показать, что между „Фаустомъ“ Гете и „Жизнью Человѣка“ Л. Андреева нѣтъ рѣшительно никакихъ точекъ соприкосновенія...

Положа руку на сердцѣ — скажите, такъ ли бы вы отозвались о „Жизни Человѣка“ Л. Андреева, если бы его „драматическое обобщеніе жизни человѣка“ появилось „въ дни свободы“?...

Какъ бы вы не смотрѣли на жизнь безразлично—прожить ее нужно, это желѣзный законъ. Можно побѣдить желѣзный законъ и уничтожить себя—самый правильный выходъ для всякаго рода и вида пессимистовъ. Но, скажутъ, есть другой выходъ. Не дѣлать ни добра, ни зла и прожить. Нельзя такъ прожить!.. Если вы захотите утверждать и доказывать, что можно, то съ какого бы вы конца не стали разматывать клубокъ жизни, разматается онъ весь и передъ вами встанутъ двѣ рати—рать генія зла и рать генія добра, борющіяся не на жизнь, а на смерть между собою и вы должны, принять участіе, даже больше, вы не можете не принимать участія въ этой борьбѣ. Жить — значитъ прежде всего поддерживать свою зоологію. Нужно быть

сытымъ, нужно быть одѣтымъ, нужно имѣть жилище. Но все это можно ограничить до minimum'а, возразятъ мнѣ. Какъ ограничить, что такое этотъ minimum, гдѣ его взять?.. Нищенство, заработокъ, капиталъ, рента земельное владѣніе?. Дерните за какую нибудь изъ указанныхъ ниточекъ и предъ вами предстанетъ проблема нищенства, капитализма, рантьерства, аграрный вопросъ и пр. пр., словомъ встанетъ вся жизнь съ ея страстями и борьбой! И вы никуда не можете спрятаться отъ нея! А Діогенъ, скажутъ, парилъ же животъ на солнышкѣ сидя въ бочкѣ. То было одно время, а наше другое. Г. городовой въ наше время любого Діогена вытащитъ изъ бочки и представитъ въ участокъ... Но можно прожить, срывая только цвѣты наслажденій и плюнуть на всякую борьбу. Попробуйте въ наше время! Такую постановку проблемы жизни любятъ нынѣшніе „онаньевскіе художники"... Они воспѣваютъ хрустальныя вазы, въ которыхъ пѣнится особо ароматное вино, преподносимое имъ златокудрыми дѣвами и юношами, небесной красоты... Но мнѣ всегда припоминается по этому поводу одинъ деревенскій мальчуганъ, который каждый разъ, когда ему разскажешь что нибудь, спрашивалъ: „А это ты, дяденька, нарочно или взаправду?" Такъ и „онаньевскіе" художники. Послѣ вдохновенія отправляются въ дешевенькій ресторанъ, вродѣ „Вѣны", гдѣ имъ вмѣсто хрустальныхъ вазъ съ особо ароматнымъ виномъ, подаютъ стекляныя кружки, съ пѣнящимся „свѣтлымъ" или „темнымъ" и подаютъ не златокудрыя дѣвы и юноши, а просто владимірскіе или костромскіе мужички, которые „по отхожему промыслу" и заканчиваютъ они „Оргію и Содомъ" просто онанизмомъ и педерастіей...

Пролетаріатъ я не считаю за особую породу людей и думаю, что побѣдитъ въ конечномъ счетѣ не пролетаріатъ, а рать генія добра, а впереди ея великій творческій духъ человѣчества. Я всегда скорблю, что въ наше время не появляется второй Марксъ... Но я думаю, что если бы онъ появился, съ нимъ случилось бы тоже, что случилось бы съ Христомъ, если бы онъ появился въ наше время на землѣ. Христа св. Синодъ назвалъ бы богохульникомъ и осудилъ, а Маркса наши марксисты навѣрное назвали бы ренегатомъ и стали бы уличать въ непониманіи Маркса...

Монахъ Ераклій (*перебивая меня и обращаясь къ архитектору Л. Андреева*). Сынъ мой! Ты зародился въ утробѣ твоей матери неисповѣдимыми путями и таинственно. Сіи пути и тайна отъ вѣка и до вѣка. Великій Промыселъ управляетъ сими тайнами. Въ мукахъ родился еси изъ таинственнаго праха, съ муками отыдешь и превратишься въ прахъ. Духъ твой молодой бунтовалъ противъ Него, когда ты былъ бѣденъ. Во испытаніе Онъ далъ тебѣ богатство. Онъ ниспослалъ тебѣ новое испытаніе—твои страданія. Они были, какъ море, велики и глубоки и ты палъ передъ Нимъ въ прахъ. Духъ твой преисполненъ мятежа и нынѣ. Ты не хочешь признать Его. Ты думаешь — это только бездушный Рокъ. Но трупнымъ ядомъ заражена уже твоя кровь. Она омываетъ твое сердце,

твою душу и твой умъ. Страдай въ безысходной тоскѣ и ты просвѣтлишься и радостью преисполнится сердце твое и ты будешь какъ истинно-русскій христіанинъ служить Ему. Онъ далъ тебѣ новое испытаніе...

Купецъ (*вздыхая*). Вѣрно, вѣрно, что въ богатствѣ-то, что въ немъ. Какъ ты въ гору пошелъ, сейчасъ кругомъ зависть, враги... Норовятъ ножку подставить...

Архитекторъ. Нѣтъ, я умру въ кабакѣ... Слышите, тамъ кричатъ бѣлогорячечные мученики...

Монахъ Ераклій. Ты будешь тамъ мертвымъ только три дня, какъ Елеазаръ, и придешь снова къ жизни и, просвѣтленный радостью, будешь служить Ему! . . . .

. . . .

А. Луначарскій говоритъ о второй картинѣ изъ „Жизни Человѣка“— „Любовь и бѣдность“,—между прочимъ, слѣдующее: „Мрачный пессимистъ, поэтъ ужаса жизни, находитъ краски невыразимо-живыя, воздушныя. Если бы я хотѣлъ передать всю прелесть этой картины—пришлось бы чуть не всю переписать“ [1]).

Для примѣра, я постараюсь вскрыть картину, воздушную и символическую, нарисованную Л. Андреевымъ и перевести ее на фонъ дѣйствительной жизни... Маленькое замѣчаніе... Я никакъ не могу согласиться, что Л. Андреевъ — „поэтъ ужаса жизни“... Нужно совсѣмъ вычеркнуть изъ нашей литературы Достоевскаго, ну, тогда, пожалуй, такое опредѣленіе съ грѣхомъ пополамъ и можно было бы преподнести Л. Андрееву... Какой же онъ изобразитель ужаса жизни послѣ Достоевскаго?.. Левъ Толстой на этотъ счетъ высказался весьма остроумно: „Онъ меня пугаетъ, а я не боюсь“... Вотъ и весь андреевскій ужасъ жизни...

Я предложилъ А. Луначарскому побывать у одной молодой парочки и понаблюдать подлинныя краски, а не воздушныя... Онъ охотно согласился и мы въ одинъ прекрасный полдень очутились въ Гавани, въ 5 этажѣ, на мансардѣ. Передъ квартирой, куда мы должны были войти, мы сдѣлались невидимыми и затѣмъ вошли...

Бѣдная комнатка. Въ комнаткѣ сидятъ Милая Женка, свѣженькая и прехорошенькая дамочка и ея мамаша, дородная особа.

Мамаша. А ты его не очень-то балуй... Балуешь, оттого и бѣдно живете и голодно и неуютно... И платьишка нѣтъ хорошаго... Надо его допекать почаще...

Милая Женка. Да онъ виноватъ, что ли?.. Два года, какъ окончилъ институтъ, а все не попадается выгодной постройки... Говоритъ, кому какъ повезетъ...

Мамаша. Да мнѣ-то хвалили его... и похваливаютъ сейчасъ... Самъ

---

[1]) «В. Ж.», № 3, стр. 105.

Л. Андреевъ говорилъ—онъ, говоритъ, обстроится въ жизни хорошо, дайте срокъ... Да и я вижу—убивается и самъ... Значитъ, какъ-ни-какъ, а извернется и жизнь твою устроитъ по настоящему... Отецъ твой тоже былъ такой, какъ мы молоды были... ну, и устроились, слава Богу...

(*Входитъ мужъ молодой женки — архитекторъ. Видъ усталый, длинные, растрепанные волосы*).

Архитекторъ. Здравствуйте, мамаша (*цѣлуетъ ручку мамашѣ*)... Здравствуй, милая женка (*цѣлуетъ ей ручки, личико, глазки, шейку*)... И опять ничего — сорвалось (*вздыхаетъ*). А какая построечка чуть-было не попалась, Господи!.. Ремонтъ таврическаго дворца подъ государственную думу... Перехватилъ у нашего... Бенуа... Эхъ! Мой-то патронъ—слизень и ничего больше—не умѣетъ рвать по-настоящему...

Мамаша (*вытирая платкомъ слезы*)... Не убивайся, дорогой голубчикъ... Надѣйся на Него (указываетъ рукой на уголъ, гдѣ обрисовывается въ туманѣ фигура не то „Сѣраго", не то митрополита Митрофанія изъ союза русскаго народа)... Ну, пойду, дорогіе мои... Чувствую убиваешься, голубчикъ!.. Будемъ надѣяться на „Сѣраго", авось—„Сѣрый" не захочетъ—свинья не съѣстъ... Вонъ, принесла къ праздничку вамъ поросеночка, индѣйку, куличей, яичекъ крашеныхъ... Гдѣ же вамъ тутъ стряпню заводить, а безъ священой провизіи на праздникахъ грѣхъ большой пребывать... А только не смѣйте трогать до праздниковъ. Въ субботу зайду вечеромъ и осмотрю, какъ уберетесь тутъ...

Архитекторъ (*растроганъ, волнуясь, цѣлуетъ ручку мамаши*). Не знаю. какъ благодарить за вашу доброту, мамашенька!.. Вѣкъ не забуду!.. Изъ перваго же крупнаго аванса вамъ подарокъ въ пассажѣ куплю, да какой чудный, въ стилѣ модернъ... Схожу нарочно даже въ „Вѣсы" посовѣтоваться съ Крайнимъ.

Мамаша (*крѣпко обнимая его, цѣлуетъ и треплетъ волосы*). Вотъ патлы тебѣ обстричь нужно... Только людей пугаешь... Въ нашей городской управѣ такихъ растрепъ не любятъ — точно на экспропріаціи побывалъ... А въ управѣ-то самыя выгодныя построечки... Дурачекъ ты мой дорогой!.. Прощай, Машенька (*цѣлуетъ*). Да только поступай какъ я предуказывала — съ вашей жизни толкъ будетъ — вижу... (*уходитъ*).

Архитекторъ. Милая женка! (*сажаетъ Машеньку на колѣни и цѣлуетъ*). Жрать какъ хочется!.. Я сейчасъ проходилъ мимо гастрономическаго магазина Елисѣева... Сѣрый! Что тамъ дѣлается!.. Думалъ перехвачу рублей 500 аванса къ празднику... Вотъ бы покутили!.. Одѣлся бы у Мандля... А ты что бы хотѣла?.. А?.. У насъ сегодня горячее есть чего-нибудь, ну хоть постныхъ щецъ похлебать?..

Милая Женка (*вздыхая*). А я была въ пассажѣ... Что тамъ дѣлается!.. Ты не можешь представить!.. Какія шляпки, перчатки!.. А о драгоцѣнныхъ вещахъ гдѣ ужъ намъ и мечтать!.. Борись, борись смѣлѣй,

мой милый, Сѣрымъ данный, супругъ!.. Да только ты голоденъ!.. Покушаемъ немного... Изъ святой провизіи только по одному яичку можно... Только по одному крашеному яичку... Слышишь, только по одному крашеному яичку... А поросенка и индѣйки... ни... ни... нельзя — грѣхъ передъ Сѣрымъ?..

Архитекторъ. Да, по одному крашеному яичку!.. А поросеночка и индѣйку можно извнутри немножечко, чтобы мамаша не замѣтила...

Милая Женка. Ну извнутри, пожалуй, немножечко можно!.. (*Кушаютъ*).

Архитекторъ. Эхъ, винца бы теперь бутылочку осадить...

Милая Женка. Мамаша принесла... Да только нераскупоренная бутылка... Какъ быть... А?.. Чтобы мамаша не замѣтила. Знаешь, я придумала... Сдѣлаемъ дырочку въ пробкѣ и черезъ макаронину будемъ пить! У меня есть макаронина...

Архитекторъ. Ну, а какъ же сдѣлать, чтобы мамаша не замѣтила?.. А?.. Пустота будетъ...

Милая женка. Дурачекъ!.. Да чаемъ дольемъ и все!..

Архитекторъ. Ура!.. (*Пьютъ вино черезъ макаронину*) Держись проклятый Сѣрый, или кто ты тамъ такой, Евлогій, или чертъ тебя побери!.. Все равно!.. Я себя съумѣю показать!... (*Пьютъ снова вино черезъ макаронину, танцуютъ, шалятъ...*)

Милая женка. Не надо этого, не надо дорогой... Сегодня вѣдь страстная пятница. Лучше только одинъ, только одинъ сладкій, пресладкій поцѣлуй и довольно (*цѣлуются*).

Архитекторъ. Ну ладно тамъ—пятница! . . . .

. . . .

Архитекторъ (*лежа на кровати, сладко потягивается* Я буду строить такія чудныя жилища для бѣдняковъ, всю гавань застрою чудными домиками... Память обо мнѣ останется навсегда!.. Я буду разрабатывать планъ этотъ долгіе годы, хотя бы мнѣ пришлось и голодать...

Милая женка. Дуракъ! Ты все, вѣроятно, думаешь, что мы женихъ и невѣста и беззаботно можемъ кататься въ лодкѣ по заливу и мечтать, мечтать!... Наѣлся мамашиной провизіи и уже чувствуешь себя крезомъ... У насъ, можетъ быть, скоро сынъ будетъ... Что тогда дѣлать? (*плачетъ*)... Съ этимъ далеко не уѣдешь... Бѣдность насъ не покинетъ... Смѣлѣй, мой милый, борись, смѣлѣй!... Бери въ руки резиновую палку бѣлогвардейца и борись, тогда... У меня будутъ перчатки, шляпка... Ліонскія кружевныя перчатки, вотъ до сихъ поръ (*указываетъ на руку выше локтя и вздыхаетъ*)...

Архитекторъ (*вставая съ кровати, беретъ резиновую палку и обращается въ уголъ, гдѣ опять обрисовывается въ туманѣ не то „Сѣрый", не то митрополитъ Митрофаній изъ союза русскаго народа*). Эй ты, кто ты тамъ!... „Жизнь копѣйка,

судьба индѣйка!... Не боюсь никого, на все плюю—на честность, совѣсть!... Жду—придетъ Гурко и закажетъ мнѣ построить домъ... Я ему построю такой домикъ, что не снилось и самому Бенуа и архитектору Л. Андреева. Онъ будетъ освѣщенъ круглыя сутки... Тамъ на вертелахъ будутъ жарить цѣлыхъ быковъ и сливочныхъ телятъ.., Круглый годъ рѣкой будетъ литься шампанское... И я тамъ буду съ ними!...

Милая женка. Смѣлѣй, мой милый, смѣлѣй! Если тебя вмѣстѣ съ ними посадятъ въ острогъ я не покину тебя...

Архитекторъ (*увлекаясь еще больше*)... Плюю, плюю и еще разъ плюю!.. Послѣ этого я, навѣрное, получу заказъ на постройку домовъ отъ Стесселя, Меллера-Закомельскаго, Каульбарса, Лидваля и даже отъ самого премьера...

Милая женка. Смѣлѣй, смѣлѣй, мой милый А если вы очутитесь въ арестанскихъ ротахъ, такъ я не покину тебя!..

Архитекторъ. (*устало*). А тогда выстроимъ собственный домикъ... Непремѣнно на набережной Невы и виллу, гдѣ нибудь, на Ривьерѣ...

Милая женка. Натурально!.. И знакомство будемъ поддерживать только со сливками общества... Устраивать балы, выѣзды... Можно тебѣ разработать, кстати, какой нибудь планъ постройки Народнаго Дома для просвѣщенія бѣдняковъ...

Архитекторъ. Ну а если второй актъ великой россійской драмы начнется, тогда что?..

Милая женка. О какой драмѣ ты говоришь, мой милый?..

Архитекторъ. Да о революціи...

Милая женка. Дурачекъ!.. Да у насъ же вилла на Ривьерѣ!.. Мы продадимъ все и уѣдемъ на Ривьеру... А тутъ, какъ мы будемъ жить!.. Выѣздныя лошади, бриліанты. . . . .

. . . .

Справлялся въ „Пантеонѣ Критики“ о русскихъ шекспировскихъ шедеврахъ. Назвали два шедевра—„Брадобрѣй Короля“ А. Луначарскаго и „Легенда стараго замка“ Е. Чирикова. Первый шедевръ выше даже шекспировскихъ драмъ, сказали мнѣ, такъ какъ въ немъ авторъ разрабатываетъ „изначальную классовую борьбу“...

Брадобрѣй А. Луначарскаго мнѣ напоминаетъ любого вокзальнаго цирульника, а король говоритъ, какъ самъ А. Луначарскій. Плотникъ, работающій во дворцѣ короля, напоминаетъ родной намъ типъ ярославскаго плотника. А этотъ персонажъ, представитель народившагося въ то время городского третьяго сословія, который передъ высокимъ собраніемъ ляпнулъ прямо въ глаза королю всю правду матку? Да это нашъ сознательный пролетарій —Богданъ, Николай и проч., таже искренность, прямота и тоже отсутствіе, до наивности, политическаго такта... И это рисуется А. Луначарскимъ въ такую эпоху (онъ, правда, не говоритъ къ какому времени

относится его драма), когда, во всякомъ случаѣ, для проведенія новыхъ идей требовалось столько хитрости, дипломатичности, изощренія ума для обхода всякихъ сѣтей...

Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли человѣкъ, родившійся хотя бы въ интеллигентной семьѣ докторской, помѣщичьей, поповской и т. д., гдѣ нибудь въ Пошехоньѣ или Пошехонскомъ уѣздѣ, изображать королей, дожей, рыцарей, королевенъ и пр. Вѣдь изъ „изначальности", съ дѣтства его пропитали нашимъ роднымъ духомъ, сквернымъ, промозглымъ — въ видѣ татарскаго нашествія, удѣльныхъ князей, богатырей, нашествія двунадесяти языковъ и пр. пр., вплоть до нашихъ дней... И вдругъ А. Луначарскій, а за нимъ Е. Чириковъ берутъ подъ ручку какую нибудь донью или короля и обращаются съ ними, точно съ измалѣтства привыкли къ такому обществу. Да и что имъ дались англійскіе, французскіе, испанскіе короли, королевы, доньи, рыцари и пр. Что ему Гекуба и что онъ Гекубѣ?

Левъ Толстой описалъ въ „Войнѣ и мирѣ" близкую ему по духу, близкую ему по семейнымъ связямъ среду. Шекспиръ писалъ о разныхъ короляхъ и придворныхъ, какъ близкихъ ему по духу, онъ слышалъ съ дѣтства разсказы отъ нянюшекъ и родныхъ о близкой къ нимъ исторической эпохѣ; самъ онъ, какъ актеръ, былъ близокъ двору. Словомъ, онъ писалъ о томъ, что было ему не чуждо. Но какое духовное тяготѣніе къ королямъ, доньямъ и рыцарямъ у А. Луначарского и Е. Чирикова—я понять рѣжительно не умѣю...

IX.

Разыскиваю редакцію „Факеловъ", но совершенно безуспѣшно. Хотѣлъ поинтервьюировать Георгія Чулкова...

Какъ то разъ, совершенно случайно, встрѣчаю его на Невскомъ пр. Обрадовался. Отъ него пахнуло такимъ Эросомъ, что я готовъ былъ бы броситься въ объятія премьеру, если бы онъ проѣзжалъ мимо, рискуя, конечно, быть приговореннымъ къ смертной казни... Послѣ привѣтствій.

Я. Ну что, какъ вашъ журналъ?..

Г. Чулковъ (*скромно*). Гдѣ же журналъ?.. Слава Единственному и Эросу хоть „Факелы"-то выпустили въ кои вѣки, второй нумеръ...

Я. Знаю, знаю... Не соберусь никакъ купить, рубля нѣтъ пока лишняго... А то непремѣнно прочту...

Г. Чулковъ. Да я пришлю... Ежемѣсячникъ у насъ уже прямо таки настраивается... Даже мечтаемъ о ежедневной газеткѣ... Что вы подумаете?

Я. Быстрые и несомнѣнные успѣхи. Хвала и честь!.. Что же вы въ передовицахъ, о чемъ будете писать? Объ Эросѣ и Единственномъ, который Я, и который вмѣстѣ съ тѣмъ внѣ Меня?

Г. Чулковъ (*пронизывая меня Эротическимъ взглядомъ*).

Да, трудновато намъ... Приходится изворачиваться, Публика неподготовлена совершенно... Что я пережилъ, вы не повѣрите, когда сказалъ, что борьба за соціализмъ, и тамъ за думы, конституціи разныя, ничего больше, какъ мѣщанская свалка... Съоткровенничалъ, знаете...

Я. Да! Это вы ужъ слишкомъ... Хотя, конечно (*начинаю врать*), отчасти, вы правы.

Г. Чулковъ. Да помилуйте—соціализмъ не сегодня, завтра осуществится непремѣнно, а мы боремся во имя идей, полетъ которыхъ прямо таки головокружительный, гдѣ-то исчезаетъ въ Потусторонности...

Я. Ну, предположимъ, что борьба за соціализмъ не такая ужъ маленькая, пока что... И мнѣ кажется, что вашъ бредъ... pardon... ваши идеи преемственно будутъ осуществляться...

Г. Чулковъ. (*поднимаетъ глаза къ небу, мнѣ показалось, что его взглядъ соединился съ взглядомъ Единственнаго или Эроса, хорошенько не разобралъ*). Да трудновато намъ!.. Читалъ лекцію барышнямъ (*оглядываясь*).. Передъ лекціей обзавелся маленькой, революціонной лошаденкой, такъ, плохенькая, небольшая конячка... А все же хоть немного да вывозила мѣстами... Нѣтъ подготовки, идеи наши чужды пока всѣмъ, усваиваются плохо...

Я. Слишкомъ у васъ, мнѣ кажется, словъ забористыхъ много, какихъ отродясь и не слышалъ... Отчего бы вамъ болѣе популярнымъ языкомъ не излагать ваши идеи, безъ иностранщины...

Г. Чулковъ. Пробовалъ!... Ничего не выходитъ... т. е. выходитъ, конечно, но какъ-то низменно... (*дѣлаетъ гримасу*).

Я. По моему, Я слѣдовало бы замѣнить словомъ Азъ, какъ-то ближе къ Потусторонности и чувствуется. Онъ—Единственный... Правда!.. Антиномію, просто русскимъ, ну, противорѣчіе...

Г. Чулковъ. Бросимъ!.. Нельзя такъ... Вся прелесть пропадетъ... Не знаю, почему чувствуется въ послѣднее время какой-то особый подъемъ... Благоуханіе какое-то вездѣ, расцвѣтъ...

Я (*вспомнивъ А. Луначарскаго*). Антрактъ, оттого...

Г. Чулковъ. Какой антрактъ?

Я Да послѣ перваго акта великой драммы... русской революціи... (*почему-то ко мнѣ въ голову въ этотъ моментъ поползли военно-полевые суды, рижскіе застѣнки, бѣлогвардейцы, карательныя экспедиціи, бойня на фабрикѣ Чешера и пр., и пр., и пр... и я отмахнулся рукой отъ навязчивыхъ мыслей и картинъ*).

Г. Чулковъ. Что вы?

Я. Мнѣ показалось, что откуда-то несетъ смрадомъ...

Г. Чулковъ. Напротивъ—чрезвычайно легкій воздухъ...

Я. А скажите, пожалуйста, какія же собственно ваши практическія задачи въ данный моментъ?..

Г. Чулковъ. Собственно я стараюсь повліять на общество въ смыслѣ Эротическаго настроенія и только (*отъ него снова повѣяло такимъ Эросомъ, что я чуть было не шарахнулся въ объятія къ стоявшему на посту городовому*); выполненіе же практическихъ задачъ возложено у насъ всецѣло на Вѣтрова!.. Въ данный моментъ, онъ занятъ анализомъ революціонности всѣхъ слоевъ населенія Россійской Имперіи.

Я. (*Вѣроятно изображаю огромный вопросительный знакъ*)

Г. Чулковъ (*разъясняетъ*). Крестьянства, буржуазіи, пролетаріата...

Я (*обрадовавшись, что начинаю понимать*). По національности, тамъ, полу и возрасту и т. д. Задача огромная!.. Но вѣдь это безконечная работа, а когда же тогда начнется второй актъ великой драмы?.. Помилуйте, вѣдь это затянется, Богъ вѣсть на какое неопредѣленное время. А впрочемъ (*начинаю врать во всю*), мнѣ сообщали, что второй актъ великой россійской драмы рѣшили отложить на неопредѣленное время.

Г. Чулковъ. Да?.. Въ такомъ случаѣ, я постараюсь, пожалуй, сбыть свою революціонную лошадку кому-нибудь...

Я. Конечно, конечно! Охота вамъ возиться съ этимъ низменнымъ, мѣщанскимъ добромъ... А скажите, пожалуйста, какое ваше мнѣніе о „Жизни Человѣка" Л. Андреева?

Г. Чулковъ. Пока я не изучалъ еще этого великаго шедевра. Но, во-первыхъ, я недоволенъ тѣмъ, что Эросъ Л. Андреева не находится въ антиноміи съ семьей, а затѣмъ, во-вторыхъ, между семьей и имуществомъ, богатствомъ, словомъ, матеріальными благами у Л. Андреева слишкомъ полная антиномія, чего не должно быть. Поцѣлуи у Л. Андреева мнѣ тоже не нравятся. Между поцѣлуями и Эросомъ нѣтъ опять-таки антиноміи, а отсюда нѣтъ антиноміи между Эросомъ и дѣторожденіемъ, а значитъ семьею...

Я. Да! Съ великимъ трудомъ будетъ прививаться публикѣ вашъ Эросъ съ антиноміей съ поцѣлуями, за которыми слѣдуетъ дѣторожденіе... (*я вздохнулъ*).

Разстались мы очень недружелюбно. Я отозвался о Ф. Ницше слишкомъ неодобрительно, чуть ли не сказавъ, кажется, что его идеалъ будущаго строительства жизни какъ-ни-какъ, а приходится сдать въ архивъ, такъ какъ онъ слишкомъ буржуазенъ. Не успѣлъ я высказать такое положеніе, какъ мы остались внѣ другъ друга, даже не простившись...

X.

Отправляюсь, наконецъ, въ редакцію „Понедѣльника" интервьюировать молодыхъ критиковъ П. Пильскаго и К. Чуковскаго.

Въ помѣщеніи редакціи пахло какими-то возбуждающими специціями. Я спросилъ критика К. Чуковскаго. Меня провели въ пріемную. Войдя въ пріемную, я былъ пораженъ картиною, которая представилась моимъ глазамъ. Стоялъ цѣлый рядъ просителей, повидимому, „Пройдъ“. Всѣ они держали во рту пальцы и сосали ихъ. Передъ ними на полу, стоя на колѣняхъ, распростерся К. Чуковскій.

К. Чуковскій. Крайне сожалѣю, но ничего не могу подѣлать. Мой товарищъ П. Пильскій непреклоненъ и вамъ придется оставить свои мѣста въ редакціяхъ, гдѣ вы сотрудничаете, Кромѣ того, повторяю. я не позволю вамъ устраивать собраній въ Тенишевскомъ училищѣ для игры въ парламенты. Залы уже всѣ заняты и надолго. Предстоитъ цѣлый рядъ лекцій молодыхъ, свѣжихъ, съ новыми настроеніями критиковъ, публицистовъ, художниковъ... (*Пройды выслушали молча и, не вынимая пальцевъ, изо рта, понуривши головы вышли изъ пріемной*“).

К. Чуковскій (*Обращаясь ко мнѣ*). А вы кто? „Пройда“?

Я. Нѣтъ... Я, собственно, самъ по себѣ... Желалъ знать ваше мнѣніе о „Жизни Человѣка“ Л. Андреева.

К. Чуковкій (*перебивая меня*). Кажется, я категорически высказался по этому поводу въ сдѣланномъ мною указаніи журналу „Образованіе“, что я не позволю хлопать по плечу Л. Андреева, какъ хлопали по плечу Достоевскаго и Льва Толстого. Критикъ Львовъ получилъ должное возмездіе отъ моего товарища Петра Пильскаго, какъ въ свое время получилъ уже такое же возмездіе критикъ Кранихфельдъ...

Я. Но это ошибочное мнѣніе, Чуковскій. Общество и критика восторженно относились къ выстраданнымъ и искреннимъ твореніямъ великаго художника земли русской, Достоевскаго. Общество восторженно принимало даже такіе его романы, какъ „Идіотъ“ и „Братья Карамазовы“, гдѣ все же проскальзывала мѣстами нехорошая тенденція, отдававшаяся болью въ сердцѣ лучшихъ тогдашнихъ современниковъ, и это было тѣмъ болѣе тяжело, что происходило на фонѣ безпросвѣтнаго мрака и гробового молчанія, когда раздавался одинъ свободный голосъ, въ видѣ душу раздиравшаго, бѣшенаго лая и воя талантливаго Каткова. Чтобы не быть голословнымъ, я укажу хотя бы на такое мѣстечко у Достоевскаго, въ его „Братьяхъ Карамазовыхъ“. О соціализмѣ Достоевскимъ сказано въ скобкахъ, буквально въ скобкахъ, нѣсколько словъ—(...„ибо соціализмъ есть не только рабочій вопросъ, или такъ называемаго четвертаго сословія, но по преимуществу есть атеистическій вопросъ, вопросъ современнаго воспроизведенія атеизма, вопросъ Вавилонской башни, строящейся именно безъ Бога, не для достиженія небесъ съ земли, а для сведенія небесъ на землю“). За то тутъ же, съ захлебываніемъ онъ поговорилъ весьма обширно о „Старчествѣ“, дабы ярче охарактеризовать старца Зосиму, полагая, очевидно, центръ тяжести для разрѣшенія проблемы человѣческаго счастья именно въ „старческихъ“ идеяхъ, идеалахъ и міровоззрѣніи...

Общество и критика не могли и не должны были прощать хоть и геніальному и великому Достоевскому его „Бѣсовъ“, въ которыхъ онъ съ непонятною злобою, подталкиваемый въ спину тѣмъ же талантливымъ Катковымъ, набросился на тогдашняго любимца большей части общества, не менѣе великаго художника Тургенева, нарисовавши его въ „Бѣсахъ“ въ видѣ жалкой каррикатуры, и съ еще большей злобою нападалъ на немногочисленную тогда семью русскихъ революціонеровъ, Нечаевцевъ, искажая факты изъ ихъ жизни и дѣятельности.

Если вспомнить, какъ мала была тогда семья самоотверженныхъ борцовъ, пролагавшихъ тропу къ свѣтлому будущему, съ какими жертвами протаптывалась такая тропа посреди топкаго, засасывавшаго болота, въ которое могучій, грубый, злобный ко всякому проявленію свободнаго духа геній топталъ все живое, бунтующее, то станетъ понятнымъ, я полагаю, какъ жалки и какъ заносчивы должны считаться выводы каждаго критика, призваннаго руководить общественною мыслью и моралью и не различающаго глубокихъ, моральныхъ чувствъ общества и критики отъ амикошонскаго похлопыванья по плечу!... Правда, психопаты символизма готовы видѣть и въ „Бѣсахъ“ не реальную жизнь, какъ ее изобразилъ Достоевскій, а болѣе глубокое, символическое изображеніе „неугомоннаго бѣса“ у людей, не мирившихся съ *самыми реальнѣйшими ужасами* тогдашней жизни... Ну пусть и такъ! Вѣдь о „теперь“ я не говорю, какъ и вы не говорите „хлопаютъ по плечу“, а говорите „хлопали“... Кто же станетъ отрицать заблужденія и ошибки піонеровъ русской свободы, — они были несомнѣнно и во имя правды и во избѣжаніе повторенія заблужденій и ошибокъ, не слѣдуетъ ихъ замалчивать, но не слѣдуетъ извращать факты и сознательно злобствовать. Я люблю дерзающую и заносчивую молодость, но только въ томъ случаѣ, если она можетъ сказать про себя: „Такъ мало прожито, такъ много пережито“... Иначе... такая дерзость и заносчивость отъ наглости...

К. Чуковскій (*расхохотался, тряхнулъ своею длинною шевелюрою, отдававшей запахомъ специй для рощенія волосъ и крикнулъ въ дверь сосѣдней комнаты*) Collega! Пожалуйте сюда. Вотъ еще интересный обращикъ пришелъ... рекомендую.

Вошелъ молодой критикъ П. Пильскій. Шевелюра его тоже поражала своею роскошью. Улыбаясь, онъ протянулъ мнѣ руку.

П. Пильскій. Вы гдѣ служите... то бишь, пишите?

Я. (*засовывая палецъ въ ротъ и начиная сосать его*) Ммм...

П. Пильскій (*самодовольно*) Ну перестаньте же волноваться! Про меня больше страшнаго говорятъ, — на самомъ дѣлѣ я вовсе на такъ ужъ строгъ...

Я (*не вынимая пальца изо рта*). Собственно я хотѣлъ узнать ваше мнѣніе о „Жизни человѣка“ Л. Андреева.

П. Пильскій. Кажется я достаточно уже высказался по всякимъ

поводамъ и моя точка зрѣнія должна быть извѣстна вамъ. Л. Андреевъ первый изъ старой школы, „пройдовской“, рѣшился смѣло плюнуть на прежнія традиціи и изображать безконечное нытье на темы о „пройдовскихъ“ идеалахъ и „пройдовскомъ“ героизмѣ... Кисть его смѣла, фабула поражаетъ величіемъ, а главное онъ работаетъ надъ тѣмъ, надъ чѣмъ слѣдуетъ работать и другимъ художникамъ—надъ безсмертными темами... Когда придетъ вашъ мѣщанскій соціализмъ, тогда останутся тѣ же неумирающія идеи и исканіе путей жизни, что и сейчасъ, останутся тѣ же порывы къ исканію самихъ себя, тоже трепетаніе сердецъ отъ безмѣрныхъ радостей любви, ласки и жизни вообще, и тоже исканіе и углубленіе въ тайны Потусторонности...

Я. (*перебивая*). Простите, неужели вы думаете, что „легкость духа“. Проповѣдуемая вами въ переживаемый нами періодъ „конституціонализма“ и рядомъ трагической борьбы противъ почти звѣриной реакціи, такой реакціи, примѣры которой рѣдки въ исторіи, неужели вы думаете, повторяю, что это „ново“, „свѣжо“ и не имѣетъ „изначальности“. Я постараюсь открыть вамъ глаза. Часто въ мрачные періоды „безвременья“, нынѣ старикъ, А. Суворинъ любилъ впадать въ „лирику“,—подобно Іоанну Грозному, любившему впадать въ богослужебное настроеніе послѣ совершенія цѣлаго ряда зоологическихъ мерзостей,—и „общаться“ съ m-me Новиковою. M-me Новикова не мало исписала томовъ по поводу изысканія тайнъ Потусторонности и всяческаго общенія душъ, а А. Суворинъ одно время взялъ даже подъ свое покровительство анархизмъ, правда только въ лицѣ „безкровнаго“ анархиста Льва Толстого и объявилъ, что все новое, что появится изъ-подъ пера Л. Толстого, будетъ печататься только въ „Новомъ Времени“. Правда, Левъ Толстой, хотя и изысканно вѣжливо, но всетаки спустилъ съ лѣстницы развязнаго А. Суворина и такъ-таки упорно и не печатался въ „Новомъ Времени“...

Рядомъ съ увлеченіемъ „анархизмомъ“, А. Суворинъ производилъ изысканія у республиканскихъ народовъ по части ихъ влеченія къ самодержавію; я твердо помню, что у французскаго народа А. Суворинъ открылъ глубокое тяготѣніе къ самодержавію и крайнее отвращеніе къ республикѣ; что же касается американцевъ, то тутъ былъ установленъ лишь фактъ, что въ крови всѣхъ народовъ, а въ томъ числѣ и американцевъ, есть несомнѣнное инстинктивное стремленіе къ символическому вѣрованію, каковымъ можетъ быть только самодержавіе... Итакъ „легкость духа“, хотя бы и анархическаго, какъ видите, имѣетъ не мало изначальныхъ корней и въ помойной ямѣ Эртелева переулка. Тамъ же намѣчались и первые шаги уранизма, эроса и прочаго „противокрамольнаго“ литературнаго новшества, долженствовавшаго обновить „храмъ художествъ“... Но въ то время, насколько помнится, такой номеръ не вытанцовался... изъ-за... цензурныхъ условій...

П. Пильскій расхохотался и мы разстались...

Вечеромъ я снова встрѣтился съ П. Пильскимъ и К. Чуковскимъ у „Современнаго Театра“.

Проѣхали мимо насъ въ Александринку нимфы изъ публичнаго дома „Стѣнъ“ С. Найденова. Подъѣхали нимфы изъ публичнаго дома „Бога Мести“ Шолома Аша, выскочили изъ каретъ у „Современнаго Театра“ и подскочили къ намъ.

Одна изъ нимфъ (*на распѣвъ*) Пойдемте въ „Современный Театръ“ на „Бога мести“ Шолома Аша... Тутъ идетъ дождь, а тамъ такъ хорошо. — мягкіе ковры, пахнетъ такъ хорошо...Пойдемте — тутъ идетъ дождь, а тамъ такъ хорошо пахнетъ... „У меня даже волосы всѣ пропахли... Понюхайте... Тутъ идетъ дождь... (*Мы понюхали волосы нимфы,— пахло недурно*)... Я буду соблазнять Ривкеле... Какъ я ее соблазняю... *Нимфа закатила глаза къ небу*). У многихъ мужчинъ и женщинъ даже голова кружится!.. Пойдемте!..

П. Пильскій и К. Чуковскій бросились въ вестибюль вмѣстѣ съ нимфами и исчезли...

Я въ грустномъ настроеніи поплелся по Невскому проспекту. Впрочемъ, я скоро утѣшилъ себя. Если въ послѣднемъ сезонѣ появилось на сценѣ два публичныхъ дома, думалъ я, то приходить въ отчаяніе пока нѣтъ нужды, — въ будущемъ сезонѣ ихъ появится навѣрное въ пять разъ больше, и на сценѣ, и въ прочихъ художествахъ...

XI.

Рѣшилъ сходить въ редакцію „Знанія“ и справиться о выходѣ слѣдующаго XVII выпуска. Подходя къ дверямъ квартиры редакціи, былъ удивленъ страннымъ символомъ, — на площадкѣ передъ дверьми былъ разостланъ черный шерстяной коврикъ съ бѣлыми рисунками, изображавшими перекрещенныя двѣ человѣческія кости и черепъ... Странно!.. Позвонилъ... Впустилъ меня знакомый сторожъ Степанъ въ одѣяніи факельщика изъ бюро похоронныхъ процессій... Поражаюсь еще больше!.. Да Степанъ ли, думаю?.. Онъ, несомнѣнно... Въ темной передней горѣли, вмѣсто электричества, восковыя свѣчи. Вся передняя была устлана шерстянымъ чернымъ сукномъ, пріемная — шерстянымъ чернымъ ковромъ съ такими же бѣлыми изображеніями по нимъ человѣческихъ костей и череповъ, вышитыми шерстью и шелкомъ, какъ и на коврикѣ при входѣ въ квартиру. Столы въ пріемной застланы черными бархатными скатертями съ бѣлой бахромой и бѣлыми кистями. Въ пріемной въ красныхъ и синихъ хрустальныхъ вазахъ горятъ огни. Въ углу дымится курильница... Что за чертовщина, думаю!..

Я. Степанъ! Что у васъ тутъ такое дѣлается, покойника ждутъ, что ли?..

Степанъ (*шопотомъ*). Говорите тише, а то самъ не любитъ... (*Машетъ рукой*). Завелъ порядки — прямо удавиться хочется!.. Подумайте, господинъ въ этакомъ-то костюмѣ день-деньской. Стыдно на людей пойти показаться...

Я. А самъ-то гдѣ же сейчасъ?

Степанъ (*показывая на кабинетъ, завѣшенный тяжелой черной плюшевой драпировкой съ бѣлыми кистями*) Тамъ, пишетъ все...

Я. Одинъ?

Степанъ. Нѣтъ... Тамъ все съ нимъ г. Борисъ Зайцевъ... Все вмѣстяхъ больше теперь.. Да еще чужой одинъ, какъ его... Незнакомый... Кажись... кажись г. Анатоль... г. Анатоль Каменскій.

Я. А скажите, Степанъ, что въ вазахъ тамъ горитъ такое, зачѣмъ это?..

Степанъ (*снова машетъ рукой*) Да это самъ завелъ—лампадки... Да только все не полюдски... Кажинъ день по фунту деревяннаго масла вливаю въ лампадку.

Я. (*въ полномъ недоумѣніи, кто же это самъ, наконецъ*)... Да что они тутъ, богослуженіе совершаютъ, что ли?..

Степанъ. Да какое тамъ богослуженіе... Пишутъ все... Самъ-то задумалъ, чтобы книжка-то новая вся была написана изъ божественнаго... Конторскіе наши смѣются все. Сказываютъ, самъ все изъ евангелія пишетъ, а г. Борисъ Зайцевъ Святцы съ французскаго все переводитъ...

Я. Зачѣмъ же Святцы-то съ французскаго — вы, что-то путаете, Степанъ!..

Степанъ. Да Богъ знаетъ... Не могу вамъ въ точности сказать... Слышно, посылали телеграмму г. Максиму Горькому, чтобы тотъ тоже написалъ чего-нибудь изъ Библіи... Ну да то нетаковскій господинъ!.. Пріѣхалъ бы, такъ можетъ хоть вздохнуть-бы можно было, можетъ самого бы какъ-нибудь урезонилъ... Отказался, говорятъ... Пишу, говоритъ, изъ божественнаго, да только насчетъ свѣтскаго—и не понять!..

Въ этотъ моментъ неслышно отдернулась портьера кабинета и на порогѣ показался Анатолій Каменскій. Видъ у него былъ совершенно измученный. Я заглянулъ въ кабинетъ и окаменѣлъ отъ удивленія... Тяжелыя черныя портьеры на окнахъ были спущены. Посрединѣ кабинета стоялъ длинный столъ, застланный черною бархатною скатертью. На немъ въ тяжелыхъ подсвѣчникахъ темной бронзы горѣли восковыя свѣчи. По угламъ зажжены были красныя и синія хрустальныя вазы-лампады. На столѣ виднѣлись просфоры и графины съ краснымъ виномъ и водою... Пахнуло потустороннею атмосферою...

За столомъ сидѣлъ самъ и писалъ. Передъ нимъ огромное Евангеліе въ старинномъ кожаномъ переплетѣ, съ серебряными наугольниками и за-

стежками, поставленное накось на подсвѣчникъ... На другомъ концѣ стола сидѣлъ Борисъ Зайцевъ и тоже писалъ... Передъ нимъ также стояла накось, на подсвѣчникѣ, огромная книга въ голубомъ тисненомъ переплетѣ съ серебрянными наугольниками и такими же застежками, повидимому Библія.

Я шепотомъ обратился съ привѣтствіемъ къ Анатолію Каменскому.

Я. Вы сюда зачѣмъ попали?

А. Каменскій (*показывая на горло*) Авансъ нуженъ былъ до зарѣзу... Предложили написать что-нибудь изъ Псалтыря... Плюнулъ, ну ихъ къ черту!.. (*Онъ быстро исчезъ*).

Степанъ. Вотъ такъ и всѣ, придутъ, а потомъ плюнутъ и уходятъ...

Самъ (*изъ кабинета не отрываясь отъ письма*). Тише!..

(*Степанъ поторопился задернуть портьеру кабинета*).

Безвременно скончался огромный талантъ и погребенъ въ „Представленіи въ 5 картинахъ", именуемомъ „Жизнью Человѣка"...

. . . .

XII.

Августъ 1907 г.

Въ редакціи „Оръ". Меня встрѣтила почтеннаго возраста и комплекціи дама, сѣдая, стриженая, въ стеганомъ на ватѣ, англійскаго покроя сюртукѣ, но въ дамской юбкѣ... Дама была загримирована бритымъ мужчиною...

Дама мужскаго пола. Чѣмъ могу служить?..

Я. (*Ничего не слышно—кто-то кричитъ ужаснымъ раздирающимъ душу голосомъ: Нѣтъ больше половъ!.. Нѣтъ больше половъ!.. Все въ одномъ мнѣ, все въ одномъ мнѣ*"...

Дама мужского пола. Замолчи Покъ!.. Замолчи же Покушка!.. Будешъ битъ!.. (*Покъ не унимался—говоритъ было невозможно*)..

Дама пригласила меня въ пріемную, гдѣ „царствуетъ тишина", по выраженію дамы, оказавшейся секретаремъ редакціи... Вошли въ пріемную. Въ пріемной было сравнительно тихо, но замѣтна была какая-то суета... Странная смѣсь положеній, костюмовъ и лицъ... Суетились сторожа, нѣкоторые почти юноши, но густо намалеванные, что меня поразило до крайности. Нѣкоторые изъ нихъ были въ коротенькихъ юбочкахъ, безъ брюкъ, въ тѣлеснаго цвѣта чулкахъ и въ дамскихъ высокихъ ботинкахъ... Виднѣлись и женщины въ полумужскихъ костюмахъ... Не успѣлъ я хорошенько оглянуться кругомъ, какъ дама мужскаго пола снова задала мнѣ вопросъ:

— Чѣмъ могу служить?..

Я. Да мнѣ собственно насчетъ... интервью...

Дама м. п. Прекрасно! Прекрасно!.. Нами весь свѣтъ теперь интере-

суется.. Но не знаю, что васъ больше всего интересуетъ?.. Мистическіе анархисты или просто анархисты, стилизаторы, символизаторы, мистическіе уранисты, анархо-мистистисты, просто уранисты, декаденты-педерасты или уранисто-символизаторы, уранисты-стилизаторы, эротисты, или анархо-эротико-уранисты, или...

У меня закружилась даже голова...

Я. Да мнѣ бы какого-нибудь, попросту бульварнаго человѣчка, который все это соединялъ бы въ одной персонѣ...

Дама м. п. Фи!.. У насъ такихъ нѣтъ!.. Бульварныхъ вы сказали... Какъ это вульгарно!..

Я. Pardon!.. Я хотѣлъ сказать только, что мнѣ бы больше улыбался. не сухой какой-нибудь декадентъ, а обладающій нѣкоторою легкостью порывовъ...

Дама м. п. Вы смѣшной!.. Пожалуй лучше бы всего вамъ познакомиться съ Вячеславомъ Ивановымъ... Но онъ сейчасъ занятъ репетиціей мистеріи, которую ставитъ г-жа (*дама оглянулась въ страхѣ по сторонамъ и искусственно-напряженно закашляла... Затѣмъ шепотомъ*: „*Она не любитъ... она не госпожа и не господинъ... я ошиблась... мнѣ можетъ за это влетѣть*)," которую ставитъ мистико-стилисто-символисто-эротисто-содомисто-анархисто-антиполисто... художникъ, и поэтъ, и драматургъ, и... и...

Я. Боже!.. Неужели же мнѣ нельзя будетъ присутствовать па репетиціи... Вѣроятно вся редакція приметъ участіе въ репетиціи... Устройте добрая моя, дорогая... Давайте я буду цѣловать въ порывѣ безумія, отъ наплыва исключительно безполовыхъ чувствъ, ваши ручки...

Дама м. п. (*жеманясь*). Вы мужчина... Вы еще я вижу далеко не отрѣшились отъ пола... пребываете въ заблужденіи и покрыты плѣсенью рутины вѣковъ...

Я. Честное слово, у меня нѣтъ уже никакого пола... Я самъ по себѣ!..

Дама м. п. Хорошо я доложу Вяч. Иванову... Если онъ позволитъ — я съ своей стороны очень рада... Только отрѣшитесь, хоть на время отъ пола...

Я. Да я уже давнымъ давно отрѣшился!.. Увѣряю васъ!..

Мнѣ разрѣшили присутствовать на мистеріи. Дали мнѣ афишку — рваный кусокъ пергамента, который издавалъ запахъ дохлятины. Въ афишкѣ было напечатано: „Редакція Ор. Посвященная Вяч. Иванову Мистерия „Безполые или Козлиный Восторгъ". Подражаніе Шекспиру, Гете, Данте Петраркѣ и Другимъ „Пѣснь о безполіи" и „Пѣснь Козлинаго Восторга" написаны и будутъ пропѣты Вяч. Ивановымъ Ровно въ 12 часовъ Посолонь. Въ антрактахъ Мистеріи Алексѣй Ремизовъ и Блокъ покажутъ Первый свою „Панораму" Второй „Балаганчикъ".

Для меня репетиція мистеріи окончилась весьма трагически. Не знаю что тутъ было виною... Надо полагать, меня окончательно привелъ въ

какое-то бѣлогорячечное состояніе запахъ спецій, которыми окуривали пріемную сторожа въ юбкахъ... Но разскажу все попорядку...

Мистерія началась прологомъ, въ которомъ побѣдившая полъ поэтесса, въ стихахъ излагала свою точку зрѣнія на безполіе. Понемногу она стала входить въ экстазъ и своими отбивными ногами, тихоходкою, начала спотыкливо бѣгать, посолонь по пріемной. Вяч. Ивановъ трагическимъ полушепотомъ пѣлъ, ходючи вслѣдъ за поэтессою „Пѣснь о безполіи“ и „Пѣснь Козлинаго Восторга“... Мало по малу и всѣ участники мистеріи, находившіеся въ пріемной затоптались, не сходя съ мѣста... Изрѣдка не своимъ голосомъ кричалъ Покъ, да Блокъ визгливо выкрикивалъ: „Іо! Іо! Іо..., Го! Го! Го“!.. Ал. Ремизовъ стоялъ около своей панорамы, и плавно переваливаясь съ ноги на ногу, приговаривалъ: „Кувалды, булды! Кувалды булды! Кувалды, булды“!..

Вдругъ пробили часы... Прокричалъ филинъ... Всѣ въ страхѣ куда-то побѣжали... Въ пріемной осталась одна поэтесса и кричала: „Ой дохожу до безполія!.. Ойньки, родненькіе, дохожу!.. Грррр!..“

Опять всѣ возвратились въ пріемную, начали визжать, царапать другъ друга, хватать за юбки сторожей...

У меня, вдругъ, помутилась голова, — надо полагать, повторяю, съ непривычки къ специямъ, которыми окуривали всѣхъ присутствующихъ...

Не знаю, какъ это произошло, но мнѣ показалось, будто я превратился въ кота... Я выгнулъ спину, вытянулъ руки впередъ, скрючилъ пальцы на подобіе когтей, бросился на даму мужского пола и вцѣпился ногтями въ ея бритую гримировку... Дама, какъ мнѣ почудилось завизжала кошкой...

Надо думать, что режиссеръ, кажется Мейерхольдъ, вѣроятно замѣтилъ, что такого нумера, который продѣлалъ я, нѣтъ въ мистеріи и поэтому мистерія была прервана въ самомъ интересномъ мѣстѣ окончательнаго дохожденія поэтессы до „безполія“... Насъ бросились разнимать... Одинъ изъ сторожей вылилъ на меня и на даму мужского пола цѣлое ведро какой-то ледяной амброзіи.

Я моментально пришелъ въ себя и бросился прямо въ окно... Къ счастью редакція „Оръ“ помѣщается въ первомъ этажѣ и я, благополучно спрыгнувъ на тротуаръ, побѣжалъ, какъ угорѣлый, по улицѣ... Дворникъ сосѣдняго дома принявъ меня, вѣроятно, за экспропріатора, далъ свистокъ и погнался за мной!.. Стоявшіе на постахъ городовые приняли также участіе въ погонѣ и открыли по мнѣ огонь изъ браунинговъ и маузеровъ... Я вспомнилъ, что въ такихъ случаяхъ помогаютъ проходные дворы, бросился въ первые попавшіеся мнѣ на пути ворота — дворъ на мое счастье оказался именно проходнымъ. Перебѣжавъ дворъ, я взялъ извозщика и благополучно добрался домой. . . . .

. . . .

. . . .

XIII.

Сижу за письменнымъ столомъ и размышляю о превратности жизни... Вотъ ужъ, именно, вѣрно сказалъ Л. Андреевъ, что не узнаешь, что случится въ ту или другую секунду-минуту жизни твоей и въ какую секунду-минуту за невинныя начинанія твои тебя могутъ отправить въ потусторонность, не давши даже хорошенько поразмыслить передъ предстоящимъ путешествіемъ, что представлялъ ты въ сей юдоли земной и почитая тебя лишь за одно изъ разбитыхъ стеколъ при успокоеніи дорогого отечества... Пью усиленныя дозы валерьяны и брома... Собираюсь отправиться къ своему другу, англичанину и разсказать ему о всемъ случившемся со мною, затѣмъ устроимъ сеансъ общенія съ загробнымъ міромъ и сообщимъ обо всемъ случившемся тѣни Оскаря Уальда. Сидя въ Лондонѣ, Оскару Уальду приходилося, пожалуй, хлопотать о сюжетахъ, которыхъ не бываетъ въ дѣйствительности; но живя въ Россіи, можно изображать сюжеты изъ дѣйствительности, которые покажутся любому англичанину баснословнымъ и фантастическимъ вымысломъ...

Пока читаю газету... А вотъ, наконецъ, очень интересное сообщеніе: „Вчера въ 12 часовъ дня въ редакцію „Оръ“ забрался экспропріаторъ... Пользуясь общей суматохой въ редакціи онъ бросился на секретаршу редакціи г-жу Иллюзію и началъ ее душить. Ограбить редакцію экспропріатору не удалось, такъ какъ сотрудники „Оръ“ не потеряли присутствія духа и схватили экспропріатора, но послѣдній вырвался, бросился въ окно и скрылся. При преслѣдованіи экспропріатора, по неосторожности въ дѣйствіи залпами изъ маузеровъ, въ Александровскомъ саду, находящемся въ двухъ верстахъ отъ мѣста происшествія, были убиты двѣ бонны и дѣвочка, тяжело и легко ранены три няни и два мальчика, и кромѣ того контуженъ въ голову—проѣзжавшій въ каретѣ одинъ изъ сенаторовъ“...

XIV.

...Вы помните, конечно, героиню въ одномъ изъ произведеній парижанина Октава Мирбо, которая предлагала своему герою пощупать, какъ у нея набухли груди отъ прилива страсти подъ вліяніемъ зрѣлищъ смерти и предсмертныхъ страданій.—Вы помните, куда, послѣ такого рода зрѣлищъ, направилась героиня—въ притонъ разврата, но какого разврата! Притонъ, куда направилась героиня съ разбухшими грудями и въ припадочномъ состояніи, со всѣми подробностями обстановки, только и могъ такъ мастерски описать *парижанинъ* Октавъ Мирбо. Куда же нашимъ, пришибленнымъ отъ рожденія Кузьминымъ, Блокамъ, Ивановымъ и проч. и проч. и проч. и проч. (ибо сихъ геніевъ нынѣ наплодилось столько, что по перечисленіи

ихъ именъ самъ чертъ сломаетъ ногу) хоть приблизительно дать картину „бѣшенаго онанированія“, какую нарисовалъ Октавъ Мирбо. Да кромѣ того, у Октава Мирбо все какъ-будто у мѣста, а наши пришибленные декаденты стряпаютъ, пожалуй „почище“, но совсѣмъ изъ другой оперетки.

Мнѣ пришло все это въ голову вотъ по какому случаю. Сравнивая андреевскую полосу въ нашей литературѣ—съ описаніями на всякіе перепѣвы смерти, Потусторонности, предсмертной тоски и мученій—какъ-то незамѣтно наши притоны—„Вѣсы“, „Перевалы“, „Оры“ и пр. и пр., вдругъ перешли въ „полосу“ „бѣшенаго онанированія“. Какъ хотите,—а несомнѣнная, психологическая послѣдовательность тутъ есть...

Нѣкоторое попустительство со стороны критики, а отсюда весьма слабый отпоръ, который встрѣтили названные притоны со стороны литературныхъ журналовъ порядочнаго тона, хлесткая критика и ругань, равная по стильности ругани „дамъ съ Невскаго пр.“, а главное драппировка въ анархизмъ разныхъ марокъ, смутили литературные журналы и они посторонились и отчасти съ любопытствомъ, отчасти съ брезгливостью, пропустили на широкій просторъ притоны съ ихъ развязными героями, проповѣдующими „свободу, полную свободу“ половаго извращенія...

И наступила полоса „бѣшенаго онанированія“...

. . . .

XV.

...Въ дверь постучала саратовская барышня 17 лѣтъ... Въ рукахъ она держала 11 исписанныхъ страничекъ, въ которыхъ она наивно излагала свои идеи о „переоцѣнкѣ всѣхъ цѣнностей“ по половому вопросу... Она ищетъ чистой любви и выхода изъ цѣпей мѣщанской семьи, въ какія, быть можетъ, судьба вскорѣ опутаетъ и ее... Она въ поискахъ, мучительныхъ, томящихъ ея душу и палящихъ ея мозгъ... Шаги ея по новому, казалось ей, пути нетверды, хрупки, требуютъ поддержки...

Распахнулась дверь и саратовская барышня вошла въ „храмъ“... Въ „храмѣ“ она увидѣла молодого человѣка изъ Одессы Ашкинази... Воспаленные глаза его швыряли молніи въ сторону расположившихся въ „храмѣ“ „Корифеевъ“... На порогѣ „храма“ саратовскую барышню встрѣтилъ К. Чуковскій, нарумяненный, напудренный, съ длинною, завитою въ кудряшки, шевелюрою и увѣшанный рекламами... Анархистскій плащъ былъ сброшенъ и валялся въ пыли... Въ разныхъ углахъ его могучей груди и спины были росписаны рекламы: „Анатолій Каменскій передѣлываетъ свою „Леду“ въ трагедію. На дняхъ онъ уѣзжаетъ заграницу, гдѣ осмотритъ всѣ художественныя галлереи съ Венерами, съ цѣлью изученія женскихъ формъ“. „Всѣ изданія перваго тома произведеній С. Городецкаго уже расхватаны... На дняхъ поступаетъ въ продажу 33, 34 и 35 изданіе перваго тома“...

„Г. Бальмонтъ заканчиваетъ три трагедіи, двѣ драмы и романъ—все написано бѣлыми стихами“... „Пріѣхалъ въ Петербургъ извѣстный романистъ Прохвостовъ... Онъ болѣе 10 лѣтъ тому назадъ началъ писать романъ... Романъ былъ почти законченъ, но послѣдніе бурные годы общественной жизни заставили автора освѣжить его... Романъ—чудный, кружевной психологическій анализъ женской души. На дняхъ появится первый томъ, не менѣе 50 стр. Романъ носитъ оригинальнае заглавіе „Бѣшенство матки“... „Извѣстный драматургъ, модернистъ, Стервинъ написалъ драму подъ заглавіемъ „Трупные черви“... Драма, къ сожалѣнію, прежде чѣмъ появится на сценѣ Петербургскихъ театровъ, авторомъ будетъ поставлена на театрахъ Берлина и Парижа... А жаль, — драма производитъ глубокое, потрясающее впечатлѣніе... Кстати, мать Стервина урожденная графиня Х...ая; говорятъ Стервину обѣщали прибавить къ фамиліи фонъ“. . . . .

. . . .

Тутъ же рядомъ, гордо вскинувъ голову, стоялъ и П. Пильскій. На немъ красовался плащъ, собранный изъ лоскутковъ—мистицизма и реализма, соціализма и анархизма, индивидуализма и коллективизма, спиритуализма и спиритизма, садизма и безпоцѣлуйнаго Эроса, невѣрія и вѣры,—смѣсь лубка, бульвара и великаго искусства...

Бульварный, молодой критикъ К. Чуковскій беретъ изъ дрожащихъ рукъ саратовской барышни 11 исписанныхъ страничекъ и затѣмъ подводитъ ее къ „Корифеямъ“ новаго храма... Посреди храма, превыше всѣхъ были пьедесталы, на которыхъ красовалися въ костюмахъ Аполлона Бельведерскаго Вяч. Ивановъ и Валерій Брюсовъ... По бокамъ, на меньшаго размѣра пьедесталахъ, расположились „Корифеи“ изъ „Оръ“, „Вѣсовъ“, „Перевала“ и другихъ „новыхъ храмовъ“...

Вяч. Ивановъ. Къ намъ идетъ толпа!.. Намъ лестно, что впереди ея выступаетъ молодежь... Она вѣрный показатель, что мы стоимъ на дорогѣ, которая ведетъ къ безсмертію...

К. Чуковскій. (*просматривая рукопись*). Ха, ха, ха... Ахъ ты ходячая идеалогія!.. Даже запятыхъ не разставила, а туда же!..

Поэты и поэтессы. Тшшш!.. Ты пренелѣпъ, предовольно!..

К. Чуковскій. (*откашливаясь и икая, въ руку*). Вы насчетъ переоцѣнки?!. Туда же метнула!.. Занялась бы лучше всеобщимъ, равнымъ и тайнымъ... Г. Стокъ—ну это дѣло другое—этотъ понимаетъ... (*икаетъ*). Потому что... ежегодники гумра... гумарнитарныхъ обществъ, сотенъ, тысячъ... гумарнитарныхъ обществъ перечисляютъ (*икаетъ*) всѣхъ знаменитыхъ уранистовъ съ древнѣйшихъ временъ... Поняла?!.. Ахъ, барышня, изъ Саратова!.. Куда тебѣ, ходячая ты этакая, душа моя, идеалогія!.. Безъ запятыхъ (*икаетъ*). Да знаешь-ли ты даже, крошка моя, что такое уранизмъ?!.. (*Пьяно улыбается и икаетъ*). Напримѣръ, ежели мальченку... ну это просто педерастія... Да!.. Педерастія бываетъ трехъ сортовъ... Вотъ мальченку—ну это плевое дѣло, послѣдній сортъ (*икаетъ*).

Мужчина съ мужчиной, вообще — это тоже просто... педерастія (*сплевываетъ*). Да!.. А вотъ ежели шельмецъ-юноша, съ красивыми формами... ну тогда это и есть уранизмъ, или замѣна обожанія женской красоты, красотою юношеской... (*икаетъ*). Потомъ еще!.. Ну да чертъ съ нимъ, все равно!.. Уальдъ—онъ тоже уранистъ... Какъ же!.. Да ты знаешь, кто такой Оскаръ Уальдъ?!.. (*Заплетающимся языкомъ*) кри-ти-къ и худож-никъ, вмѣстѣ, какъ и я...! Онъ мой учитель, какъ же... и другъ! А Уольтъ Уитманъ—тоже! Я его перевелъ и по полтиннику продаю... И не зналъ!.. Вдругъ вчера г. Стокъ, спасибо, показалъ справочникъ всѣхъ уранистовъ, всѣхъ странъ, съ древнѣйшихъ временъ... Смотрю и глазамъ не вѣрю... тамъ!.. Честное слово!.. Корифей?!.. Ухъ вы, интеллигентишки, душонки жалкія!.. Умышки у васъ куриныя!.. Больше ничего!.. (*пошатывается и падаетъ на руки „Корифеевъ“*)...........

....

Собираюсь издавать капитальнѣйшій трактатъ: „Сто одинъ способъ полового извращенія“. Главы: 1. Китай. 2. Парижъ. 3. Вѣна. 4. „Оры“. 5. „Вѣсы“. 6. „Перевалъ“. 7. „Золотое Руно“. 8. Списокъ именъ и портреты знаменитыхъ уранистовъ съ древнѣйшихъ временъ до 1907 г. включительно (поэтовъ, художниковъ, ученыхъ, сановниковъ, полководцевъ и др.). Трактатъ будетъ посвященъ К. Чукокскому съ „Корифеями“.....

....

Ахъ! бѣдная, саратовская барышня. Она думала, что вошла въ храмъ, гдѣ, „переоцѣниваютъ цѣнности“ съ тою же мучительною тревогою и душевной тоской, съ какими она „переоцѣнивала цѣнности“, на самомъ же дѣлѣ она попала въ притонъ, гдѣ ее встрѣтили лошадинымъ смѣхомъ...

Если бы перечислить имена лицъ и названія ученыхъ обществъ, которыя посвятили свои труды изученію вопроса о проституціи, то для этого одного только перечня потребовался бы огромный томъ. И тѣмъ не менѣе, проституція—язва нашего времени... Правда, есть немало и защитниковъ проституціи... Но всѣ лучшіе умы смотрятъ на проституцію какъ на зло и причину зла усматриваютъ въ соціальной неурядицѣ нашего времени. Правда, многіе видятъ причины проституціи отчасти въ психическихъ мотивахъ и думаютъ поэтому, что и при измѣнившихся соціальныхъ условіяхъ, борьба съ проституціей будетъ на нѣкоторое время неизбѣжна...

Уранизмъ (я буду подразумѣвать подъ этимъ словомъ вообще половое извращеніе, предоставляя разбираться въ тонкостяхъ и оттѣнкахъ собственно уранизма и другихъ половыхъ извращеніяхъ гг. Чуковскимъ съ „Корифеями“) тоже язва нашего времени, проистекающая отчасти, также какъ и проституція, изъ соціальныхъ условій нашего времени, отчасти изъ побужденій психологическаго порядка (пресыщенность и извращеніе, любопытство, неудача въ личномъ счастьи и т. д.). Уранизмъ, распространенный среди юношества, понятенъ при ненормальныхъ условіяхъ нашей соціальной жизни. Что уранизмъ слишкомъ распространенъ, благодаря соціальнымъ неурядп-

цамъ—это не подлежитъ сомнѣнію. Какъ на яркій примѣръ я укажу на артели китайскихъ рабочихъ въ Европѣ. Артель избираетъ одного изъ своихъ членовъ кухаркою, кухарка одѣвается по женски и служитъ также за жену для всѣхъ остальныхъ членовъ артели. Устанавливается урано-полиандрія...

Проблема пола, проблема любви и семьи — великая проблема. Саратовская барышня и молодой человѣкъ Ашкинази изъ Одессы и всѣ молодые люди, иже съ вами! Вы ищете, навѣрное, свободной, здоровой и чистой любви, но въ жизни за нее приходится еще бороться, бороться и бороться... Здоровая, свободная любовь—это и есть „переоцѣнка цѣнностей"; но проблема такой любви еще не разрѣшена вовсе жизнью и ее приходится рѣшать каждый разъ, каждому въ отдѣльности, за свой рискъ и страхъ...

Храните же вашу „идеалогію", переоцѣнивайте цѣнности, но знайте, что жизнь поставитъ передъ вами проблему семьи во весь свой ростъ и вы рѣшите ее безошибочно только тогда, когда будете хранить завѣты чистой любви. Приходится бороться за новыя формы семьи, такъ какъ существующія формы отжили свое время и просятся въ архивъ. Бебель, проповѣдуетъ свободную любовь... Пока, свободная любовь существуетъ только въ идеалѣ, но она несомнѣнно придетъ, со временемъ, съ духовнымъ перерожденіемъ людей, съ измѣненіемъ правовыхъ нормъ жизни и ея соціальныхъ формъ. Въ настоящій же моментъ, при существующихъ правовыхъ нормахъ и соціальныхъ формахъ жизни и далеко несовершенномъ духовномъ складѣ людей (я говорю о массѣ, а не объ отдѣльныхъ личностяхъ), психологія свободной любви можетъ переродиться въ психологію флирта, а психологія флирта, на мой взглядъ,—психологія проституціи. Но гдѣ же выходъ? Утѣшаться тѣмъ, что въ будущемъ проблема пола рѣшиться нашими потомками какъ слѣдуетъ, по хорошему, а мы, молъ, ужъ „какъ-нибудь", лишь бы только не оставить совсѣмъ „будущее" безъ потомковъ — тоже нелѣпость. А жизнь на каждомъ шагу наталкиваетъ васъ на тысячи людей обоего пола, разбитыхъ, изломанныхъ, издрызганныхъ, благодаря лжи и рабскимъ цѣпямъ „мѣщанской семьи" и рядомъ, благодаря плохо расчитаннымъ шагамъ по пути новаго строительства „семьи"... Фурье съ Бебелемъ и Каутскимъ испаряются при столкновеніи съ дѣйствительностью... Первымъ этапомъ къ будущему, болѣе совершенному строительству семьи, можетъ быть только—свобода договора и расторжимости, хотя бы церковнаго брака, на основѣ правовыхъ нормъ. Марксъ, Энгельсъ, Лассаль и др. провидцы будущаго строительства жизни, но признающіе только твердую и реальную дорогу въ настоящемъ, не идутъ дальше указанныхъ пожеланій...

Постараюсь анализировать, какимъ логическимъ путемъ наши декаденты, часто воспѣвающіе въ стихахъ чистый, безпоцѣлуйный Эросъ, съ содроганіемъ относящіеся къ человѣку звѣрю, еще не сумѣвшему дойти до любви безъ грязнаго, животнаго, физіологическаго акта, съ ужасомъ

относящіеся къ „мѣщанской семьѣ“, угасающей душу и пр., пр. въ этомъ родѣ,—дошли до „безудержа“ и чуть-ли не до проповѣди практическаго „уранизма“... Часто, слишкомъ трудно проникнуть въ „бредовую идеалогію“ нашихъ декадентовъ, притомъ излагаемую своимъ особымъ „жаргономъ“, который нужно прежде изучить, чтобы съумѣть раскрыть настоящія „глубины“, таящіяся въ бредѣ и бредовыхъ идеяхъ...

По моему, реальныя идеи могутъ уложиться въ декаденской формѣ, и противъ формы я ничего не имѣю сказать... Но бредъ и бредовыя идеи, облеченныя въ какую угодно форму, имѣютъ одну и ту же цѣнность...

Мнѣ приходится нѣсколько отвлечься въ сторону, но я постараюсь быть краткимъ и не стану утомлять вниманіе читателя.

„Боевой“ анархизмъ, вмѣстѣ съ анархо-коммунизмомъ и максимализмомъ, выбитый изъ колеи болѣе его жизненнымъ и здоровымъ, и болѣе глубокимъ соціализмомъ, — перепутался съ „дномъ“, съ хулиганствомъ, тоже непріемлющимъ міра и не признающимъ никакихъ правовыхъ нормъ, и прокатился бурнымъ и грязнымъ потокомъ по нашей жизни, вылился въ маленькій, но зловонный и заражающій жизнь, ручеекъ и, конечно, здоровыми волнами будетъ смытъ, въ концѣ концовъ, безслѣдно изъ жизни...

Наши декаденты, пробавлявшіеся больше выработкою жаргона, чѣмъ идеями, попытались было въ „дни свободы“ облечься въ тогу анархистовъ, но, какъ это было ни заманчиво приходилось признать, что это обязываетъ и съуживаетъ идеи до слишкомъ реальнаго, низменнаго. Остаться при одной половой части — тоже казалось, какъ будто, маловато. Какъ ореолъ—анархизмъ заманчивъ, но, быть можетъ, и съ горечью въ сердцѣ, все же пришлось красивый и блестящій анархистскій плащъ повѣсить обратно на гвоздикъ. На сцену былъ выдвинутъ мистическій анархизмъ — онъ ни къ чему собственно не обязывалъ. Багажъ бредовыхъ идей его не великъ и сводится къ тремъ крупнымъ проблемамъ — Потусторонность, Непріемлимость Міра и Эросъ разныхъ марокъ, на основѣ сумбурнаго индивидуализма, въ духѣ папы нашихъ декадентонъ, Оскара Уальда. Въ хаосѣ спутанныхъ между собою указанныхъ проблемъ и виситъ во всемъ „цѣломудріи“ и чистотѣ идеалогія и догма непорочнаго декаденства...

Я выдѣлю отсюда только Эросъ съ маркою „полъ“, дабы подойти къ конечному выводу. Что мѣшаетъ достиженію чистаго непорочнаго Эроса? Несовершенство духа, тяготѣющаго къ грязному и животному. Безпоцѣлуйный Эросъ и Эросъ съ чистыми, незагрязненными поцѣлуями — вотъ высшее къ чему должны стремиться люди, и этимъ разрѣшается все — Потусторонность сливается съ Нирваною, осуществляется Непріемлемость Міра, и сами собою, разлетаются, какъ карточный домикъ, „мѣщанская семья“ и прочія „мѣщанскія“ формы жизни...

Разъ признано, что Эросъ — подлинная и настоящая чистая любовь,

а то, что мы считали любовью подлинною—„низменная любовь“, то нужно культъ «половой любви» низвергнуть, швырнуть его въ грязь и растоптать...

А отсюда только одинъ шагъ и мы находимся въ полосѣ «бѣшенаго онанированія»...

Левъ Толстой, такъ снисходительно относящійся къ порокамъ людей, говоритъ, что если вы чувствуете душевную пустоту и хотите ее заполнить развратомъ, то флиртуйте, испейте отъ чаши разврата, пока не выпьете ее до дна и не почувствуете еще большую горечь и пустоту душевную; при такомъ естественнномъ развратѣ — вы не потеряете все же совершенно образъ Божескій, и можете стать на путь исканія правды и смысла жизни, чѣмъ и заполните вашу душу и вашъ умъ. Но не впадайте же въ противоестественный развратъ, ибо при этомъ вы теряете образъ Божескій и угасаете совершенно вашъ духъ и умъ и дѣлаете ваше тѣло дряблымъ и старческимъ и уже нѣтъ вамъ возврата на путь праведной жизни...

XVI.

„Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ радзумій о судьбахъ моей родины,—ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о, великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ!“, сказалъ Тургеневъ; но во что превратили тебя, о, русскій языкъ, и какъ надругались надъ тобой наши декаденты, подмѣнившіе тебя жаргономъ, понятнымъ и доступнымъ только для людей ихъ круга, какъ жаргонъ жуликовъ изъ Вяземской лавры, доступенъ и понятенъ только для людей ихъ круга. Языкъ художниковъ, раскрывавшихъ передъ нами цѣлыя огромныя полосы общественныхъ теченій, рисовавшихъ захватывающія и заставляющія тревожно трепетать душу и умъ настроенія, анализировавшихъ самыя потайныя душевныя движенія,—былъ всегда простымъ, яснымъ и понятнымъ всѣмъ: и людямъ высокообразованнымъ и людямъ едва грамотнымъ. И чѣмъ предъ нами выше духовно разростался художникъ, чѣмъ пытливѣе его умственный взоръ и его трепетная, глубокая и страдающая душа проникала въ глубь жизни съ ея ужасами и радостями, съ ея сложной борьбой, тѣмъ проще, протокольнѣе, даже я скажу „приказнѣе“ становился ихъ языкъ (Левъ Толстой, Достоевскій)... Я буду говорить научно, сказалъ какъ то Лассаль, начиная свою лекцію, поэтому то, что я буду говорить, будетъ понятно всѣмъ. Но развѣ можно бредовыя идеи излагать простымъ, яснымъ и отчетливымъ языкомъ— для ихъ выраженія нужно было, я скажу даже, нельзя было не создать жаргона, иначе выраженный простымъ и яснымъ языкомъ, весь бредовый міръ идеалогіи, догматовъ и идей нашихъ декадентовъ показался бы чудовищно нелѣпымъ, безсмысленнымъ и для самихъ художниковъ... Я позволю

себѣ возвратиться къ этому же предмету, когда буду разсматривать „Тьму“ Леонида Андреева. Заговорилъ же я объ этотъ сейчасъ вотъ по какому поводу.

Недавно въ „Образованіи“ появилось беллетристическое произведеніе Башкина „Красные Маки“. Откровенно признаюсь, что произведеній Башкина, кромѣ „Красныхъ Маковъ“—я совершенно не знаю, писалъ-ли онъ что-нибудь и что именно, тоже мнѣ неизвѣстно; „перваго“ же тома полнаго собранія его произведеній я что-то не слыхалъ вовсе. Башкинъ живописуетъ намъ въ своихъ „Красныхъ Макахъ“ жизнь писателей—не душевную, не умственную, не со стороны ихъ идейной борьбы за проповѣдуемыя ими идеи, а только интимную ихъ жизнь, и притомъ обнаженно-откровенную. Краски сгущены—тутъ и взятки критика за отзывы о произведеніяхъ довольно грязныхъ субъековъ (поэтовъ, романистовъ, драматурговъ и др.) въ смыслѣ нравственныхъ поступковъ, тутъ и пьяный угаръ въ отдѣльныхъ кабинетахъ и публичныхъ домахъ, тутъ и упроченіе своего бюджета путемъ займа денегъ съ тѣмъ, чтобы ихъ не отдавать... Тутъ и инстинкты почти близкіе къ психологіи „Дю-лю“... Словомъ жизнь обывателей изъ подонковъ „дѣлового Петербурга“... Стоя совершенно въ сторонѣ отъ писательскаго круга, совершенно не зная интимной жизни писателей и совершенно ею не интересуясь, я привыкъ знать писателей только по ихъ „писаніямъ“ и по проводимымъ ими идеямъ, да по ихъ общественной дѣятельности, извѣстной всѣмъ, конечно, по газетамъ. Прочитавши о писателяхъ, которыхъ живописуетъ Башкинъ, я рѣшилъ что Башкинъ рисуетъ тѣхъ писателей, которыхъ онъ зналъ, былъ съ ними, быть можетъ, въ друзьяхъ или просто состоялъ съ ними въ знакомствѣ; очевидно Башкинъ, какъ писатель, находилъ точки соприкосновенія съ этими писателями и духовно и идейно, а затѣмъ уже, отряхнувъ прахъ отъ ногъ своихъ, бѣжалъ и пришелъ разсказать объ этой жизни на другомъ берегу... Но на этомъ другомъ берегу, раньше, не встрѣчали мы писателей съ „жаргономъ“ и безъ „подлежащихъ“, не встрѣчали мы смутныхъ, бредовыхъ настроеній, такъ присущихъ декаденскимъ писателямъ, не встрѣчали писателей, которые рисуютъ грязь, только, чтобы потревожить васъ грязью, а давали и ясно выраженныя психологическія настроенія, ясно выраженныя идеи и ясно выраженный смыслъ того, что они пишутъ и ясное указаніе, зачѣмъ они это пишутъ... Очевидно самъ Башкинъ духовно и умственно еще не совсѣмъ очистился отъ полосы, въ какую онъ попалъ и изъ которой бѣжалъ... Такъ я думалъ, когда читалъ „Красные Маки“ Башкина. Но думалось мнѣ также, что широкая читающая публика можетъ оцѣнить „Красныя Маки“ и иначе,—она начнетъ обобщать и скажетъ—вотъ какъ они живутъ, а вотъ что они пишутъ и проповѣдуютъ и въ этомъ смыслѣ со стороны редакторовъ „Образованія“ была сдѣлана крупная ошибка...

Вдругъ совершенно неожиданный—пассажъ!.. То, что мнѣ казалось яснымъ и опредѣленнымъ послѣ нѣкотораго психологическаго анализа—сдѣ-

лалось совершенно яркимъ и выпуклымъ въ освѣщеніи (откровенно говоря довольно наивномъ и легкомысленномъ) молодого критика Петра Пильскаго. Петръ Пильскій увѣряетъ, что Башкинъ въ „Красныхъ Макахъ“ изобразилъ не вымыселъ, а подлинную жизнь живыхъ писателей, которыхъ узнаютъ „всѣ“ и псевдонимы которыхъ онъ, Петръ Пильскій, можетъ раскрыть... Охотно ему вѣрю на слово. Причемъ, тутъ же Петръ Пильскій пролилъ нѣсколько слезинокъ, и заговорилъ о „литературныхъ завѣтахъ“ (не „Пройдовскихъ ли“? А?) и заявилъ (и по-моему совершенно правильно), что незачѣмъ было увертываться Башкину, а ужъ коли описывать „теплую компанію“, такъ не напоминать собою чтеніе письма у гоголевскаго городничаго,—захотѣлъ покаянія—такъ кайся и въ своихъ грѣхахъ. Охотно вѣрю Петру Пильскому и тутъ на слово. Весь этотъ пассажъ еще болѣе характеренъ потому, что молодой критикъ Петръ Пильскій до нѣкоторой степени лицо оффиціозное и можетъ быть названъ отчасти „нашимъ критикомъ“... Но почему Петръ Пильскій не заговорилъ о „литературныхъ завѣтахъ“ и не ронялъ слезъ, когда недавно, на фонѣ „литературныхъ нравовъ“ современности былъ разыгранъ весьма любопытный литературный фарсъ въ такомъ „стилѣ“.

Давали представленіе, для широкой публики, въ одной изъ московскихъ газетъ, литературныхъ дѣлъ мастера Васьки Глоткины. Герой фарса—широкоплечій дѣтина, съ кудрями на головѣ, съ жалкой мѣщанской душенкой, обслуживаемой твердокаменнымъ, предѣльнымъ умственнымъ горизонтомъ и мышленіемъ.

— Кого ты, нынче, казать-то будешь, спрашиваютъ Ваську Глоткина другіе Васьки, предвкушая напередъ пикантность „сюжета“ и похлопывая Ваську Глоткина по плечу... Опять кадета?..

— Что кадетъ!.. Нынче съ нихъ и взять нечего... Все нутро ихнее давно вывернуто на изнанку... Только и осталось, что сблевать!..

Васьки Глоткины покатываются со смѣха и надрываютъ животы. Нашъ герой покатывается и самъ со смѣха...

— Я нынче вамъ покажу во какую Матрену!.. Васька Глоткинъ тряхнулъ кудрями, набралъ воздуху въ могучую свою грудь и самодовольно осклабился... Гляди сюда!.. Видали?.. Наихарактернѣйшій мѣщанишко и буржуйчикъ!..

Васьки Глоткины замерли и насторожились.., Предъ ними предсталъ образъ Льва Толстаго, великаго художника съ глубокою, страдавшею и горѣвшею какъ во огнѣ душой, и пытливымъ умомъ искавшаго всю свою долгую жизнь только одну, какъ ему казалось, правду... Пусть дороги, которыя онъ намъ указывалъ къ правдѣ—невѣрны... Онъ ошибался... Признаемъ и это...

— А скажи-ка намъ, господинъ сіятельный, сколько у тебя тысячъ десятинокъ? А?.. пытаетъ Васька Глоткинъ... И домикъ въ Москвѣ? Такъ,

такъ... Только келейку одну маленькую оставилъ для собственнаго обихода... Угу!.. Такъ...

Васьки Глоткины настораживаются еще больше...

— На велосипедикѣ катаешься, верхомъ на лошадушкѣ... По имѣньицу... А между прочимъ, пашешь только одну полоску—для души, хомутики починяешь... Такъ, такъ!.. Убоинки не кушаешь, а только кофеи со сливочками отъ непринадлежащихъ тебѣ коровушекъ кушаешь.. Оченно великолѣпно!..

Васьки Глоткины начинаютъ понемногу пырскать отъ смѣха... „Катай его, пынай, побольнѣе, чего тамъ!“

— За правду, которую ты проповѣдуешь—деньги не берешь... Печатай, кто хошъ и продавай, почемъ знаешь... Такъ-то. Превысокій подвигъ... А между прочимъ, сочиненьица, которыя поцѣннѣй, передалъ супругѣ съ дѣтками... Такъ!.. А мы, между прочимъ, только построчно... Съ хлѣба на квасъ, и за подвигъ не почитаемъ!..

Одобрительный смѣхъ со стороны Васекъ Глоткиныхъ.

— А сказать, вамъ, православные, кто онъ такой есть!.. По настоящему, значитъ!..

— Говори, говори!... Чего тамъ, дуй его подъ хвостъ, даромъ что графъ!..

И разыскиваетъ въ своей мѣщанской душенкѣ Васька Глоткинъ оскорбленіе побольнѣй, похлеще... И мелькаетъ у него молніей въ головѣ картина изъ его дѣтства... Его тятенька выпивали со своимъ другомъ и бесѣдовали о своихъ „мѣщанскихъ дѣлишкахъ“ и дошли до драки... Тятенька оскорбили друга самымъ ужаснымъ въ мѣщанскомъ обиходѣ словечкомъ—назвали „банкротомъ“. И другъ за это распечаталъ тятенькѣ морду въ кровь... Не осталися и тятенька въ долгу, потомъ, все же, долго вздыхали и скорбѣли за „смертельную обиду“, которую зря нанесли другу.—И вспомнивши эту картинку, Васька Глоткинъ даже просіялъ весь, встряхнулся, вздрогнулъ, и крикнулъ, обращаясь къ Льву Толстому:

— Банкротъ ты земли русской!.. Вотъ ты кто!!...

— Ха, ха, ха, го, го, го!.. Покатились отъ смѣха Васьки Глоткины.

Ясно, какъ день, что Петръ Пильскій пролилъ слезы и заговорилъ о „завѣтахъ“, потому что задѣли „нашихъ“...............

Два слова въ сторону... Какая-то Зинаида Гиппіусъ,—во весь ея ростъ, художественный, философскій и общественный—я ее совершенно не представляю,—въ „Рѣчи“ написала тоже о Л. Толстомъ, сообщая фактъ изъ интимной жизни его—онъ не принялъ какого-то матроса. У Гиппіусъ, въ ея поэтической головкѣ мелькнула маленькая, бредовая идейка. Что такое счастье? О какомъ счастьѣ люди говорятъ? Нѣтъ никакого счастья! Глупость все это!—восклицаетъ она. Но нужно же міру повѣдать о такой куриной идейкѣ... Въ безграмотномъ фельетонѣ она наноситъ оскорбленіе великому

художнику, извѣстному всему міру, великому мыслителю и философу, труды котораго по вопросамъ философіи и морали знаетъ опять-таки весь міръ. Да знаетъ-ли Гиппіусъ, что Толстой, быть можетъ, не одну страницу своихъ писаній облилъ слезами... Толстой писалъ для *всего человѣчества*... Читай его, и, или соглашайся, или отбрось. Но не можетъ же онъ принимать всѣхъ, кто бы не пришелъ къ нему... . . . .

Вы помните, конечно, у Доде картинку изъ интимной жизни писателей. Помните драматурга, пользовавшагося извѣстностью... Онъ не смѣлъ даже и покутить съ друзьями, такъ какъ его интимная половина держала его подъ строжайшимъ башмакомъ .. Новая пьеса драматурга прошла блестяще въ театрѣ. Съ друзьями онъ рѣшилъ кутнуть въ домашнемъ кругу... Приходятъ въ квартиру—ихъ обдаетъ чадомъ подгорѣвшаго лука и масла... На столѣ бутылка краснаго вина... Интимная половина, съ лоснящимся жиромъ лицомъ, вытирая объ фартукъ жирные, толстые пальцы, не спросила даже объ успѣхѣ своего возлюбленнаго драматурга, ибо она никогда не читала никакихъ драмъ и смѣшивала всегда драмы своего возлюбленнаго съ франками. Она заговорила о штуфатахъ и лукѣ—и то и другое подгорѣло... И о штуфатахъ и лукѣ вынуждены были говорить друзья и самъ драматургъ...

Представьте себѣ теперь того же драматурга, вздумавшаго возвести штуфатно-кухарковскій культъ интимной жизни въ идеалогію и приглашающаго всѣхъ преклониться передъ такою идеалогіею... Это было бы мальчишество... Не правда ли?..

Но какъ назвать поведеніе нашихъ декадентовъ, втащившихъ алказарно-буффный культъ въ литературу, правда, подъ соусомъ зефирнаго индивидуализма Оскара Уальда, и приглашающихъ всѣхъ преклониться передъ этимъ культомъ и почитать его идеалогіей? И далѣе, какъ назвать посредниковъ между читателями и декаденскими художествами, посредниковъ, въ родѣ П. Пильскихъ и К. Чуковскихъ, которые обдавали грязью и ядовитою слюною всѣхъ, кто не хотѣлъ признать такого культа за сдвигъ и новую полосу, а почиталъ его лишь какъ „притонную идеалогію“... Пусть читатели сами придумаютъ названіе...

XVII.

…„Вотъ она—открытая тайна, тайна поэзіи, жизни, любви! Вотъ оно, вотъ оно, безсмертіе! Другого безсмертія нѣтъ—и не надо… Въ это мгновеніе ты безсмертна.

Оно пройдетъ—и ты снова щепотка пепла, женщина, дитя… Но что тебѣ за дѣло!—Въ это мгновеніе — ты стала выше, ты стала внѣ всего преходящаго, временнаго. — Это твое мгновеніе не кончится никогда.

Стой! И дай мнѣ быть участникомъ твоего безсмертія, урони въ душу мою отблескъ твоей вѣчности!“

(*Тургеневъ*).

…„И оглянулся кругомъ пророкъ Мейерхольдъ и нашелъ, что все кругомъ такъ прекрасно, какъ прекрасна сама жизнь и не доставало только „стилизаціи“. И началась на святой Руси стилизація. И пошелъ Мейерхольдъ искать учениковъ и пришелъ въ офицерскую пустынь и обрѣлъ тамъ учениковъ своихъ. И вышла къ нему навстрѣчу пророчица, директрисса и актриса Коммиссаржевская и поглядѣла на пророка и пала передъ нимъ на колѣни, растегнула ему пуговички на ботинкахъ, сняла шелковые носочки, омыла духами и одеколономъ и облобызала. И застилизовалъ ее пророкъ, а съ нею и всѣхъ учениковъ ея. И разбѣжались Васьки Репортеровы и зачали въ народѣ кричать: „Иди народъ въ офицерскую пустынь и застилизовывайся и обрѣтешь правду и счастіе на землѣ“. И пошелъ народъ толпами въ офицерскую пустынь и застилизовывался. И молва создала легенду о пророкѣ Мейерхольдѣ,—со всѣхъ концовъ святой Руси повалилъ народъ и пророки и какъ въ священное мѣсто шелъ въ офицерскую пустынь и застилизовывался… И казалось навѣчно онъ застилизованъ“. (*Изъ лѣтописей*).

Бѣленькій, маленькій и скромный зрительный залъ на Офицерской. „Пробужденіе весны“ Ведекинда. Занавѣсъ взвился. Небольшой уголокъ въ два квадратныхъ аршина. Застилизованная актриса стоитъ на одномъ мѣстѣ и плавно покачивается съ платьемъ въ рукахъ. Актриса изображаетъ 12-лѣтнюю дѣвочку. Другая застилизованная актриса изображаетъ мать, сидитъ неподвижно на маленькой табуреточкѣ съ сидѣньемъ неболѣе двухъ квадратныхъ вершковъ. Говорятъ. О платьѣ. Скучно. Начинаю присматриваться къ остальной обстановкѣ. Маленькая кроватка — думаю, можно-ли уложить двѣ огромныхъ икры съ ногъ застилизованной актрисы на такую кроватку. Рѣшилъ, что болѣе 1½ никакъ не уложится… Вдругъ визгъ. Очнулся Изступленно визжала застилизованная актриса и вертѣла платьемъ надъ головою другой застилизованной актрисы. Растрепалась прическа. Полетѣли

гребешки и шпильки, прямо въ публику. Одна шпилька попала въ лысину стилизитомана (говорятъ ему пришлось ампутировать часть лысины).

Поднимался и опускался занавѣсъ. Выходили застилизованные актеры, изображавшіе мальчиковъ, съ выпяченными грудьми впередъ, съ скрюченными руками и выгнутыми ногами, точно на шарнирахъ. Брякались объ палатки. Каряжились. Выходили застилизованныя актрисы и тоже брякались объ палатки. Изступленно смѣялись каменнымъ смѣхомъ. Каряжились...

Думалъ свою думу... Какъ часто, геніи въ разныхъ концахъ міра могутъ одинаково мыслить. Ведекиндъ въ Берлинѣ додумался до легенды съ аистомъ, приносящимъ дѣтокъ папашамъ съ мамашами, а Л. Андреевъ — въ Петербургѣ... Потомъ думалъ, что если бы застилизовать артистовъ Варламова, Давыдова, Аполонскаго, Варламову и другихъ, кто погрузнѣе и заставить ихъ брякаться объ палатки — выдержали бы палатки, или грохнулись... Вспомнилъ, наконецъ у Гейне одну нѣмецкую буржуазную мамашу и объясненія ея съ своею дочкою. „Пора“ думала мамаша, когда увидѣла, что молодые люди стали щипать дочку за икры, нечаянно.

— Душенька! (*поцѣлуй*). Я нашла тебѣ женишка (*поцѣлуй*), сказала мамаша.

— Кто-же мамочка?

— Банкиръ Зильбергрошъ.

— Мамочка! Ужасъ! Что же это такое. Да у него же носъ ужасный... Я не могу полюбить такого... Ни за что!..

— Дорогая, душенька моя (*поцѣлуй*)! Когда выйдешь замужъ, ты узнаешь, что для любви у него найдется кое-что поинтереснѣе носа...

Снова я вхожу въ бѣленькій зрительный залъ, на Офицерской... Я пробираюсь къ своему креслу... Боже! Я готовъ былъ обратиться въ бѣгство или на мгновенье исчезнуть, какъ докторъ Фаустъ, и принять образъ кого угодно, хоть самого черта... Но было уже поздно... Я пожимаю протянутую руку и обмѣниваюсь обычными привѣтствіями съ знакомою дамою, которая всегда находитъ въ себѣ обиліе слезъ и всегда находитъ причины проливать слезы, какъ горькій пьяница находитъ въ своей душѣ обиліе обидъ и горя и старается угашать ихъ алкоголемъ... Я вспомнилъ, что послѣдній разъ видѣлъ ее на передвижной выставкѣ, всю въ слезахъ... Я утѣшалъ ее, какъ могъ... Причиной ея рыданій оказалась маленькая картинка.—Уголокъ южнаго берега Крыма. На берегу, на коврикѣ, павшій ницъ молящійся мусульманинъ. Море. Закатъ солнца... Вотъ и все... Но слезы, откуда онѣ?.. Горе, радость, воспоминанія?.. Нѣтъ... Мнѣ всегда казалось, что у нея слезы исходили изъ полноты ея внутренняго равновѣсія... У нея была хорошая фигура, недурное лицо, всегда свѣжее и жизнерадостное, красивыя, выхоленныя руки, простой но всегда свѣжій и къ лицу костюмъ, прекрасный аппетитъ и желудокъ... И она находила въ себѣ такъ много слезъ... Кресла наши оказались рядомъ...

— И вы захотѣли пережить, лишній разъ трогательную исторію любви Ромео и Джульеты, начала дама и на глазахъ ея блеснули уже слезы... Насъ стариковъ—это особенно должно трогать...

— Помилуйте, если всѣ такіе, какъ мы съ вами, запишутся въ старики, тогда человѣчество сдѣлается юнымъ, а мы все же предпочитаемъ считать его зрѣлымъ... Но мнѣ казалось, что сегодня идетъ „Пеллеасъ и Мелезанда", а не „Принцесса Маленъ", которую я привыкъ отождествлять съ „Ромео и Джульетой"...

— Вы проповѣдуете какую-то ересь!.. *Всѣ* привыкли отождествлять именно „Пеллеаса и Мелезанду" съ „Ромео и Джульетой"...

— Ооо!.. это проклятое—*всѣ* подумалъ я, но не посмѣлъ возразить... Но зачѣмъ у васъ два ридикюльчика?... Одинъ кожаный?..

— Тутъ платки... Въ мягкомъ, запасные... А сюда—я буду складывать мокрые... отъ слезъ... О! мнѣ сегодня предстоитъ ихъ пролить много...

— Вы практическая... женщина, однако... А у меня, дома, тоже произошла трогательная драма... Мою Мелезанду, горничную, бросилъ ея Пеллеасъ... Они земляки... Онъ—въ какомъ-то гвардейскомъ полку...

— Но безъ особыхъ послѣдствій?.. Какъ вамъ, кажется?.. Нѣтъ, ужъ простите! Я этого никогда не допускаю... Сейчасъ же вонъ!..

— Да... я тоже придерживаюсь того же правила... Но, какъ-то, по разсѣянности не замѣтилъ... За послѣдствія не могу вамъ поручиться...

Звонокъ...

— Бросимъ земное и начнемъ настраиваться на небесное, произнесла моя сосѣдка.

— Да оставимъ земное и улетимъ на небо... хоть на время!.. вздохнулъ я...

Взвился занавѣсъ.

— Вы чувствуете приближеніе трагедіи загорающейся чистой любви и надъ ней дыханіе смерти, тлѣніе жизни, у меня уже текутъ слезы...

— У меня тоже готовы брызнуть слезы... Я вижу какъ плачетъ самъ Мейерхольдъ. Вы видите Мейерхольда?..

— О, милая крошка, ты точно съ неба свалившееся дитя, тайна любви и вѣчности... Дама высморкалась въ платокъ...

— О, бѣдная, директриса, какъ сломалъ тебѣ спинной хребетъ Мейерхольдъ... Ты не можешь его уже выпрямить въ этой картинѣ...

— Бѣдные, бѣдные... Они ищутъ таинственнаго уголка, гдѣ бы они могли впервые почувствовать разгорающееся въ ихъ душахъ пламя чистой, какъ само ясное небо, любви... Кругомъ голодъ, болѣзни, смерть... Эти трупы голодныхъ нищихъ... Я готова рыдать...

— Бѣдные, нищіе, голодные, быть можетъ, они уже трупы, жертвы голода и равнодушія... О, несчастная крошка, дитя неба, тайна любви и вѣчности!.. Я готовъ разрыдаться отъ ея наивныхъ вопросовъ, произно-

симыхъ тѣми чудными губками, лепетъ которыхъ подобенъ тихому лепету ручейка съ кристальной водой, бѣгущаго въ горныхъ каменныхъ пустыняхъ... Бѣдные дѣти!.. Трупы голодныхъ нищихъ стали какимъ-то непонятнымъ укоромъ для ихъ чистой, полной наивной трогательности, любви... Вы слышите?.. Она говоритъ—мнѣ страшно!.. Зачѣмъ они здѣсь?.. Кто они?.. Она наивно удивляется, почему же не кормятъ ихъ дичью и тартинками...

— Несчастные!—всхлыпывала моя сосѣдка—они вынуждены идти къ ручью и къ пропасти, гдѣ они будутъ шалить кольцомъ, эмблемой рабской любви... Она подброситъ его высоко, высоко, и очищенное самымъ солнцемъ и небомъ, самою вѣчностью, какъ вѣчна любовь, оно рокомъ будетъ низринуто въ бурный потокъ временъ для погибели и для освобожденія... Надъ ними уже сгустился мракъ гибели, прорѣзываемый лучами свѣта и возрожденія къ вѣчной правдѣ...

Антрактъ... Я одѣваю калоши, такъ какъ приходится шлепать по мокрому отъ слезъ полу, точно послѣ дождя...

Звонокъ. Взвился занавѣсъ.

— О, несчастные!.. Онъ цѣлуетъ ея свѣсявшіеся волосы... Онъ вытянулъ свои губы для поцѣлуя... Бѣдное дитя!.. Она тоже вытянула свои губки!.. Крошка!.. Сосѣдка вздохнула и достала изъ ридикюля третій платокъ...

— О, несчастная! Она свѣсилась и застилизована въ такомъ неподвижномъ положеніи! Бѣдная! У нея скоро выскочатъ глаза изъ орбитъ... Ооо! Она вытянула губы на цѣлую четверть!.. Всѣ рыдаютъ... Я готовъ рыдать!.. Голо!.. Голо!.. Ооооо!!!

— Голо! Голо! шептала сосѣдка... У меня текутъ не слезы, а ледяныя кристаллы...

— Вы видите носъ Мейерхольда?... Несчастный онъ тоже плачетъ!.. Но некому облегчить его слезъ и утереть ихъ...

— Его глаза искрятся точно двѣ электрическія лампочки...

— О, это несомнѣнно электрическія лампочки... Онъ направилъ ихъ на носъ Мейрхольда—онъ рыдаетъ, а Мейерхольдъ совершенно безпомощенъ .. Его носъ на сценѣ, а самъ онъ весь, съ своими руками, за кулисами.. . . . .

— Нѣтъ!.. Я боюсь даже и подумать, какъ пройдетъ у меня послѣдній актъ... Я боюсь, что взвою бѣлугою, расхохоталась сосѣдка, сквозь слезы.

Я взялъ ея руку, началъ гладить и успокаивать...

— Прошу васъ не дѣлайте такого безумнаго шага, говорилъ я. Если вы не возьмете себя въ руки, не сдержите своихъ порывовъ и начнете выть бѣлугою, то я не ручаюсь за себя—я буду вопить крокодиломъ... .

. . . .

„И разстилизовалась, вдругъ, пророчица, директриса и актриса Ком-

миссаржевская съ учениками своими, а съ ними и народъ. И начали избивать пророка Мейерхольда каменьями. И отряхнулъ прахъ Офицерской Пустыни съ ногъ своихъ пророкъ и пошелъ проповѣдывать по Пустынямъ—исходилъ Пустыни Тенишевскія, Пустыни Соляногородскія и пришелъ въ Пустыни Дворянскія, но тамъ сказали пророку, что и своихъ пророковъ хоть отбавляй... И пошелъ пророкъ по всѣмъ городамъ и вѣсямъ, и разбѣгался отъ него народъ"... (*Изъ лѣтописей*). . . . .

Говорятъ, что Мейерхольды прокладываютъ новыя пути для будущаго „всенароднаго театра"... Но „всенародъ" не знаетъ совсѣмъ и старыхъ дорогъ и путей... Къ всенародному театру ведутъ другія дороги и пути и Мейерхольды тутъ ровно не причемъ... Дороги Мейерхольдовъ нужны для тѣхъ, кто уже пресыщенъ старыми путями и кого можно поразить, тронуть только извращеніемъ въ искусствѣ. А „всенародъ"... неизвѣстно усыпетъ-ли онъ цвѣтами эти „новыя" дороги, или засыпетъ муссоромъ, я склоняюсь къ послѣднему. Да наконецъ, пути Мейерхольдовъ требуютъ и особаго матеріала, на реальномъ искусствѣ тутъ ничего не подѣлаешь—получится только жалкій балаганъ; ну, а бредовое искусство еще пока не вытѣснило реальнаго, бытового, прекрасно вмѣщающаго въ себѣ и символизмъ и лирику, да и не вытѣснитъ никогда. Намъ нуженъ, раньше всего и послѣ всего, свободный театръ, а слѣдовательно и свободная конкурренція, и тогда декаденская драма окончитъ свое существованіе маразмомъ. Георгій Чулковъ въ своихъ возрѣніяхъ на театръ слѣпо придерживается толкованіямъ Оскара Уальда, изъ котораго и переписываетъ для русской публики, но переписываетъ, не потрудившись хоть разжевать хорошенько мыслей своего учителя, довольно безграмотно... Къ этимъ вопросамъ я еще возвращусь въ свое время...

„...И сказалъ старикъ Суворинъ: „хочу каяться"!.. И внесли гробъ и раскрыли крышку гроба... Одѣлся старецъ во власяницу, посыпалъ главу свою пепломъ и сталъ прѣть животомъ своимъ со смертію... И трясся всѣмъ тѣломъ своимъ, стукалъ зубами, брада колыхалася и завопилъ, пуще голоднаго волка... И прибѣжали Малюта Буренинъ, да Іуда Меньшиковъ, заглянули въ горницу къ старику,—духъ изъ горницы шелъ тяжкій... Переглянулся тутъ Малюта Буренинъ съ Іудою Меньшиковымъ и сказалъ. „Кажись, каяться захотѣлъ старикъ, смерти запужался... Что предпринять, и ума не приложу?.." „Что-жъ... коли каяться прикажетъ, зачнемъ каяться"... изрекъ Іуда. И хотѣлъ уже Іуда, затрястись всѣмъ тѣломъ, застукать зубами, завыть голоднымъ волкомъ и начать биться о гробовую крышку... Да умнѣй его былъ Буренинъ, кивнулъ пальцемъ Меньшикову и шепнулъ на ухо: „Очумѣлъ, что ли, сразу кидаться, зря, захотѣлъ... Видишь, старикъ смерти запужался... Надо Братца покликать, да съ нимъ посовѣтоваться"... И прибѣжалъ Братецъ и пошли всѣ трое въ горницу къ старику и стало въ

горницѣ еще душнѣй и тяжелѣе. Поглядѣли, а старикъ пуще трясется и зачалъ биться о крышку гробовую...

— Кается старикъ!.. прошепталъ Іуда Меньшиковъ и поглядѣлъ на Малюту Буренина, да на Братца... Не почать-ли и намъ?!.

И поглядѣлъ Малюта Буренинъ на Братца и прошепталъ:

— Что-жъ, каяться, что-ли?.. Какъ ты?.. А?..

Какъ крикнулъ тутъ на нихъ Братецъ: „Ухъ рожи чертовы, козлиныя бороды, души вонючія!.. Уже и каяться сейчасъ!.. Запужались!.. Отогнать смерти отъ старика не могли; не придумали какъ и чѣмъ... Прѣть заставили животомъ съ поганою!.. Морды бычачьи!..

— Что-жъ лаешься, козелъ вонючій!.. Отъ самого небось смердитъ, какъ у козла подъ... Такъ и лаяться нечего!.. А лучше дѣло говори, кажетъ тутъ тихо Малюта Буренинъ.

— Лай, сколь хочешь, морда поганая твоя, кусокъ дохлячей шкуры, да только совѣтъ настоящій подай, еще тише сказалъ Іуда Меньшиковъ...

— Сзывать надоть скомороховъ, да лицедѣйскихъ и критическихъ дѣлъ мастеровъ... Пущай отчитываютъ старика .. Ухмылнулся тутъ сладко Іуда Меньшиковъ, и того слаще осклабился Малюта Буренинъ и побѣжали скорымъ бѣгомъ и зачали сгонять скомороховъ, да лицедѣйскихъ и критическихъ дѣлъ мастеровъ...

И прибѣжалъ бѣгомъ, запыхавшись, Евтишка Карповъ, а за нимъ вслѣдъ Алешка Ремизовъ. И тихимъ шагомъ, крадучись и оглядаясь кругомъ, вошелъ критическихъ дѣлъ мастеръ К. Чуковскій, власы гладко елеемъ примазавши и главу пепломъ посыпавши, въ сюртучкѣ стрюцкомъ, на локтяхъ продранномъ, и привелъ съ собою лицедѣевъ—нѣмца Евреинова, да русскаго барона Дризена. И пошелъ по горницѣ духъ смрадный и зловонный. И зачали старца отчитывать... И оживать сталъ старецъ, пересталъ ляскать зубами, да трястись тѣломъ, да биться о гробовую крышку. Затихъ, волкомъ не сталъ выть, а только легонечко заскулилъ и вовсе подъ конецъ примолкъ... Покаяніе значитъ кончилъ — попрѣлъ животомъ со смертью мало, а ее поганую отогнали, отчитали; а и лучше всѣхъ отчитывалъ старца Алешка Ремизовъ, а и тому научился онъ въ дьячковской школѣ по „Домострою". И сказали тутъ всѣ, обрадовавшись: „Будь Алешенька Ремизовъ, промежду насъ, пророкомъ, и пророчествуй". И возрадовался Алешка Ремизовъ, и возрадовались всѣ. И старецъ снялъ власяницу, и пынулъ гробъ, и началъ плести кнутища; а Малюта Буренинъ на радостяхъ побѣжалъ по застѣнкамъ и сразу троихъ писателишекъ изъ радикальствующей кружковщины прикончилъ; и того болѣе радостный Іуда Меньшиковъ побѣжалъ писать доносы, да ковыряться въ душахъ служилыхъ, да боярскихъ, да воеводскихъ, да въ смердовскихъ, да и во всѣхъ другихъ, прочихъ... А критическихъ дѣлъ мастеръ К. Чуковскій, пришедъ домой, сюртучекъ стрюцкій вычистилъ, на рукава заплаточки положилъ,

да гуще елеемъ власы умазалъ и главу пепломъ посыпалъ, да сверхъ того пудретомъ, и началъ сочинять по аглицкому мистеріи...

И пошелъ пророкъ Алешка Ремизовъ пророчествовать. И пришелъ въ Офицерскую Пустынь. И вышла къ нему пророчица, директриса и актриса Коммиссаржевская, и поглядѣвъ мало почуяла въ Алешенькѣ пророка, пала передъ нимъ на колѣни, сняла ему съ ноги сапожекъ, размотала онученьки, власы свои омочила репейнымъ масломъ, и власами ноженьку обмывъ, облобызала. И замистерилизовалъ ее Алешенька, а съ ней и учениковъ ея и народъ. Тако зачалась на св. Руси мистерилизація. И началось Дѣйство превеликое, и началось прѣніе животовъ со смертію препоганое... Примѣчать сталъ Алешенька пророкъ, какъ будто народъ бѣжитъ отъ него, отворачивается, а пророчица, директриса и актриса со учениками, въ Алешкины пророчества и Дѣйства вѣру терять начала. Тогда сталъ Алешенька скликать Васекъ Глоткиныхъ, да зачалъ ихъ науськивать, чтобъ ходили онп въ народѣ, на торжкахъ и торжищахъ, да смутьянили, да кричали: „Превеликое Дѣйство, пренія живота со смертію, пророка Алешки Ремизова, краше бъ было, да дьяки цензорскіе его испортили, да повырвали цѣлые куски, да позамазали изъ Дѣйства половину, что было"... И повѣрилъ народъ, валомъ повалилъ въ Офицерскую Пустынь, да сталъ кричать всюду—„Хорошее дѣйство было бы, да дьяки цензорскіе испортили". И пришелъ дьякъ, да всенародно сталъ лаятъ Алешку и выговаривать ему: „Брешетъ Алешка, что дьяки ему Дѣйство испортили. Дьяки и всего то въ дѣйствѣ матерныя слова замазали, да гдѣ дѣвки непотребныя лаялись погано повырвали кусокъ малый..." И посрамили пророка Алешку Ремизова...

А въ како время будутъ Алешку Ремизова избивать каменьемъ—пророчица, директриса и актриса Коммиссаржевская со учениками, да съ ними и народъ, то еще невѣдомо!.. (*Изъ лѣтописей*)...

И такъ наступила полоса мистерій. Кто же можетъ имѣть что-нибудь противъ того, чтобы познакомить общество съ театромъ въ его прошломъ. Въ нынѣшнемъ сезонѣ насъ знакомили съ старинною музыкою на старинныхъ инструментахъ. Но музыка всегда была свободна и великіе творцы музыки, игравшіе на старинномъ роялѣ нашимъ прабабушкамъ и зажигавшіе въ нихъ божественный огонь, чаруютъ насъ и сейчасъ. Отражалъ-ли средневѣковый театръ и его вдохновители всю полноту тогдашней жизни— подлежитъ большому сомнѣнію. Тѣмъ не менѣе, какъ иллюстрація, яркая и живая при изученіи исторіи художественной литературы и въ частности драмы и театра—постановка средневѣковыхъ мистерій дѣло, хотя и маленькое, но очень, несомнѣнно, полезное и для любителей археологіи можетъ доставить не мало пріятныхъ минутъ эстетическаго наслажденія. А если бы старинный театръ пошелъ бы и дальше, и далъ намъ рядъ яркихъ послѣдовательныхъ иллюстрацій возрожденія драмы и театра въ дальнѣйшемъ ихъ развитіи—то это была бы крупная заслуга. Казалось бы тутъ слѣдуетъ уже поставить и точку, если не встать на другіе рельсы—рельсы, которые должны

привести къ правовѣрному, согласно Оскару Уальду и Гюисмансу, стуканью лбомъ объ средневѣковаго мистическаго истукана... Но это такъ можетъ казаться намъ съ вами читатель. На самомъ дѣлѣ тутъ только и начинается самый интересный фарсъ.

На сценѣ профессоръ отъ „красоты" и „пола" Аничковъ. Онъ беретъ подъ свое особое покровительство мистеріи, красоту и полъ и, ставъ въ главѣ Блоковъ, Вяч. Ивановыхъ, Серг. Городецкихъ и прочихъ отъ декаденства рожденныхъ паяцевъ, наступаетъ на русское общество, уличаетъ его въ непониманіи истинной красоты, въ аскетизмѣ, выискиваетъ въ историческомъ прошломъ русскаго общества мотивы къ поклоненію только какой-то дикой, разнузданной красотѣ, каковое поклоненіе даже въ крови русскаго народа, и что такъ ярко отразилъ въ своихъ „Дѣйствахъ" Вяч. Ивановъ (который и самъ едва-ли можетъ дать ясный отчетъ, что онъ понимаетъ подъ бредомъ въ своихъ художествепыхъ красотахъ, излагаемыхъ, правда, довольно хорошими и музыкальными стихами), призываетъ въ свидѣтели Льва Толстого сдавшаго, кстати, послѣ своей статьи объ искусствѣ— „Власть тьмы", „Воскресеніе", „Плоды просвѣщенія", „Крейцерову сонату" и нѣсколько мелкихъ художественныхъ вещей, что профессоръ отъ красоты и пола, опять таки, кстати сказать, позабылъ совсѣмъ, повторяя общераспространенный взглядъ, что Левъ Толстой вычеркиваетъ совсѣмъ искусство изъ жизни и не придаетъ ему никакого значенія; съ Львомъ Толстымъ можно не соглашаться, но съ его взглядами все же слѣдуетъ считаться,—и я совѣтывалъ бы Аничкову прочесть повнимательнѣе Льва Толстого объ искусствѣ), и, наконецъ, началъ разбивать себѣ лобъ объ Мадоннъ. Мадонны—штука довольно заѣзженная. Но вотъ, нарисованная картинка объ аскетѣ монахѣ, который даже при всемъ своемъ аскетизмѣ, вынужденъ предъ образомъ Мадонны, написаннымъ какимъ-нибудь этакимъ художникомъ, вдохновляемымъ только величіемъ красоты, поклоняться и возноситься до красоты,—требуетъ нѣкоторыхъ поясненій. „Вдохновляется высокимъ, этакимъ, можно сказать... чѣмъ жилъ, того... западъ... гдѣ въ нѣкоторомъ родѣ конституція... того... искусства... и гдѣ, можно сказать, куда ни пошелъ... тутъ и величіе красоты и Мадонны разбросаны всюду... и не только теперь, а... того... и всегда такъ было".—бормочетъ Аничковъ. Простите—это одна пустая болтовня—ничего больше! Гдѣ Аничковъ въ древнихъ монастыряхъ Франціи, Бельгіи и даже Италіи видѣлъ разбросанныхъ Мадоннъ... представляющихъ высокохудожественные шедевры?

Это разъ. А затѣмъ неугодно-ли вамъ Аничковъ пройтись по картиннымъ галлереямъ западно-европейскихъ Вавилоновъ. Вотъ вамъ картина, вотъ другая, третья, да это цѣлая полоса, гнетущая, давящая васъ...

Я остановлюсь на одномъ крупномъ полотнѣ.[1]) „Христосъ"—бритая

---

[1]) Шаржъ.

физіономія, сухаго, безжизненнаго инквизитора, въ мантіи папы, въ папской шапкѣ и въ прочихъ папскихъ доспѣхахъ. Кругомъ него апостолы и ученики въ монашескихъ мантіяхъ съ капюшонами, съ круглыми жирными, бритыми рожами и жирными, отвислыми, бритыми подбородками... Тутъ же костеръ, на которомъ сжигаютъ, прощенную по евангелію Христомъ грѣшницу, а тутъ же стоитъ и Мадонна въ костюмѣ экономки (дабы въ современномъ художнику обществѣ зря не сплетничали про земного Христа), съ ключами отъ буфетовъ и прочихъ хозяйственныхъ апартаментовъ папы— онъ же земной Христосъ... Внизу, надпись, по латыни „Христосъ и его апостолы"—дабы не было явныхъ кривотолковъ. Вотъ теперь и раскиньте, Аничковъ вашимъ профессорскимъ умомъ. Откуда взялась такая уродливая полоса творчества? Каждый изъ вашихъ учениковъ вамъ растолкуетъ, откуда она взялась... И русское общество никогда не забывало и не забудетъ, какія огромныя творческія силы были задушены въ немъ тѣмъ, что онѣ всегда были сдавлены въ извѣстныхъ ограниченныхъ рамкахъ... И не забудетъ также русское общество никогда и того, что есть десятки тысячъ довольно населенныхъ мѣстъ въ Россіи, гдѣ страстно ожидаютъ пріобщиться къ культурнымъ благамъ и просятъ „хлѣба и зрѣлищъ"—и получаютъ гурковскій хлѣбъ и такія зрѣлища, отъ которыхъ стынетъ кровь въ жилахъ... Профессоръ отъ красоты и пола, вѣроятно, всхрапнулъ гдѣ-нибудь лѣтъ пять въ З. Европѣ, а проснувшись плохо разбирается въ окружающемъ и все только и видитъ спросонковъ Мадоннъ... Въ утѣшеніе я могу сказать ему, что теперь нѣтъ ни одной интеллигентной семьи, въ жильѣ которой вы не найдете на стѣнахъ олеографіи Мадоннъ, а то и копіи масляными красками, глядя по карману. Да умиротворится его, смятенный Мадоннами, духъ!

А вотъ русское общество не хочетъ закрыть себѣ глаза и заткнуть уши на всякія политическія и общественныя злобы нашего времени, и не хочетъ, по приглашенію профессоровъ Аничковыхъ, ставшихъ во главѣ процессіи призывающихъ только къ поклоненію красотѣ и половой части, слѣпо плестись за процессіей—такъ это болѣе чѣмъ вѣрно. И это хорошо, что не хочетъ... Вспомнимъ восьмидесятые годы въ Парижѣ, когда шумною толпой по бульварамъ Парижа пронеслись тамошніе декаденты въ такихъ же шутовскихъ анархическихъ плащахъ, въ какіе облеклись и наши декаденты... Пронеслись, насмрадили исчезли безслѣдно... И пусть Блоки, Серг. Городецкіе, Вяч. Ивановы и прочіе изъ ихъ братіи будутъ благодарны русскому обществу и за то, что оно при публичныхъ ихъ выступленіяхъ, встрѣчаетъ и провожаетъ ихъ только добродушнымъ смѣхомъ... И пусть профессоръ отъ красоты и пола не клянетъ русское общество за то, что оно на его призывныхъ лекціяхъ, ломаетъ себѣ челюсти отъ зѣвоты и пожалѣетъ хорошенькихъ барынь, у которыхъ отъ такого неосторожнаго выраженія сочувствія профессору отъ красоты и пола, могутъ иногда вы-

летѣть изо рта хорошенькіе зубки и расшибить лысину какому-нибудь правовѣрному поклоннику красоты...

Ахъ и забылъ! Еще аскетизмъ по половой части... Ну, что же вы профессоръ отъ красоты и пола не договорили до конца, что вы разумѣете подъ аскетизмомъ, гдѣ онъ вамъ приснился сейчасъ въ окружающей васъ жизни и о какой особой полосѣ тутъ вы хотите распространиться? если о флиртѣ и уранизмѣ, то лучше увольте!.. Тошнитъ...

И не могу я удержаться и не сказать нѣсколько словъ Горнфельду... О немъ я еще поговорю ниже... Пока, только въ связи съ Аничковымъ, пара словъ... Горнфельдъ, побывавшій уже въ декадентской запряжкѣ, идетъ съ проф. Аничковымъ въ качествѣ „кореннаго", Аничковъ запаривает „пристяжкой". Горнфельдъ, хоть и впрягся кореннымъ, но все какъ-то скачетъ бокомъ, а Аничковъ весьма добросовѣстно, согнувши шею, легкимъ алюромъ мчится и зритъ только Мадоннъ и ничего кругомъ не видитъ, такъ страстна его скачка... И вмѣсто того, чтобы сдерживать пристяжную, коренной все напираетъ да напираетъ на нее... И не замѣтилъ профессоръ, какъ со всѣхъ ногъ бухнулся прямо въ грязную канаву... А умный и талантливый Горнфельдъ только слегка запачкалъ ботинки и брюки—ихъ всегда можно привести въ порядокъ... Если бы Горнфельдъ влѣзъ въ шкуру Травниковыхъ, которые жизнью наталкиваются на ужасающія противорѣчія, противорѣчія поклоненія высокой красотѣ и варварству въ одно и тоже время, то онъ понялъ бы какъ можетъ издрызгаться душа человѣка и къ какимъ безсмысленнымъ выводамъ онъ можетъ придти... Вотъ помпадуръ, поклоняющійся и Мадоннамъ, и классической пластикѣ Дунканъ и чему угодно высокому въ искусствѣ, въ тоже время показываетъ Травниковымъ собственную пластику, ставши во главѣ пластическихъ картинъ, выполняемыхъ стражниками и прочими ему подвѣдомственными артистами... И видѣлъ это Чеховъ въ жизни на каждомъ шагу, въ разныхъ проявленіяхъ ея... Съ грустью и тоской, и въ тоже время съ любовью, онъ всматривался въ жизнь и живописалъ ее, и въ его писаніяхъ нѣтъ лжи, а только одна искренность и правда... Горнфельдъ выхватилъ изъ Чехова то, что ему казалось нужнымъ для его, Горнфельда, выводовъ, и да проститъ мнѣ Горнфельдъ, въ его писаніи пропала Чеховская правда...

И кричали и выли Петры Пильскіе, и К. Чуковскіе, а съ ними легіонъ, что нужно изгнать политику, изгнать общественныя злобы изъ художнической части, что довольно вся эта канитель надоѣла всѣмъ, опостылѣла, отупила всѣхъ. И стали изгонять политику и злобы дня, и довели это изгнаніе до единаго обнаженія голаго тѣла, до исключительно одной половой части и до обнюхиванія трупиковъ, труповъ и трупищевъ, и притомъ самаго безсмысленнаго обнюхиванія...

Но всему есть предѣлъ и всему бываетъ конецъ. Дошли и какъ быстро

дошли до того, о чемъ я писалъ въ маѣ—до тупика, на коемъ начертано „Наплевать!“. Дошли и сами ужаснулись своей мерзости..' И потащили снова политику и злобы дня въ художественную часть... И пока тащатъ ее учителя—дышать еще можно, но за учителями потащутъ ее и ученики, ихъ же легіонъ, и снова доведутъ художество до притона... И на массовкахъ будутъ снимать штаны и поднимать юбки, и на собраніяхъ въ темныхъ уголкахъ корчится съ хрипотой... Да минуетъ нашу литературу чаша сія, и я буду радъ первый, самымъ искреннѣйшимъ образомъ буду радъ, что я ошибаюсь... Маленькій фарсъ и я навсегда распрощаюсь съ тѣми, кто занялъ на время мое вниманіе и кто тревожилъ меня назойливымъ, гнетущимъ и раздражающимъ торжествомъ откровеннаго невѣжества и цинизма...

Главное дѣйствующее лицо въ фарсѣ П. Пильскій. Фарсъ озаглавленъ: „Онъ одумался“. Содержаніе фарса довольно не сложное. П. Пильскій пришелъ таки, наконецъ, къ сознанію, что онъ затесался по самыя уши въ болото, и вотъ, вотъ казалось, захлебнется и пойдетъ ко дну... Кругомъ П. Пильскаго барахтались въ зловонномъ же болотѣ, его крестники и ученики, которыхъ онъ толкалъ въ болото, или тащилъ за собою... И напала тоска на П. Пильскаго и сталъ онъ въ тоскѣ своей еще злобнѣе... Оглянулся кругомъ и сорвалъ свою злобу на подвернувшихся подъ злую руку невдалекѣ проходившихъ мимо и весело болтавшихъ литераторахъ—Муйжелѣ, Рукавишниковѣ, Арцыбашевѣ и Башкинѣ... И какъ будто легче стало на душѣ и захотѣлось каяться. „Хочется писать о Короленкѣ и Глѣбѣ Успенскомъ, о Гаршинѣ и Чеховѣ“, вздохнулъ П. Пильскій. Да, правда, хочется... Сейчасъ и я вздыхаю, г. Пильскій. Но, чтобы написать объ этихъ писателяхъ что-нибудь путное,—нужно подтянутся въ собственномъ невѣжествѣ и хоть немного пообчистить налипшую грязь... И думаетъ дальше Мольтке отъ литературы, что необходимо подумать, наконецъ, и объ исторіи, нельзя же всю жизнь только и заниматься исторіями въ ковычкахъ... „Изъ современныхъ авторовъ въ будущую исторію литературы войдутъ очень не многіе и ихъ уже можно намѣтить. Бальмонтъ, Брюсовъ и Вяч. Ивановъ, Леонидъ Андреевъ, Сологубъ и Купринъ“... На мой взглядъ какъ-будто и того... хоть и раздѣлено союзомъ „и“, но, тѣмъ не менѣе, я несогласенъ. . Въ исторію-то всѣ попадутъ и даже П. Пильскій, но только одни по-моему въ исторію просто, а другіе въ исторію въ скобкахъ...

И началось избіеніе младенцевъ... П. Пильскій раздѣлилъ всѣхъ остальныхъ беллетристовъ, на двѣ группы. Въ первую группу попали—„Городецкій, Андрей Бѣлый, Блокъ и Зайцевъ (Борисъ?)—имъ казнь рѣшено отсрочить и П. Пильскій расшвыряль ихъ по болоту какъ щенять,—пусть-де побарахтаются;—потопятся, ну и чертъ съ ними, а выплывутъ—ихъ счастье...

Во-вторую группу попали всѣ остальные беллетристы и беллетристки и были приговорены къ немедленному потопленію... Боже, что тутъ сталось!..

Поднялся визгъ, крикъ, плачъ, истерика, вопли, стоны .. Боже, кого только не пихалъ въ мѣшокъ П. Пильскій для потопленія: тутъ были и молодые и среднихъ лѣтъ, и даже пожилые, обоего пола — поэты, драматурги и романисты, разсказчики и мистеристы, всякихъ настроеній и направленій — и мистическаго, и индивидуалистическаго, спиритуалистическаго и просто спиритическаго, символическаго и импрессіонистскаго, уранистическаго и содомическаго и просто садическаго, анархо-мистическаго и бульварно-анархическаго и разныхъ другихъ.

Взялъ мѣшокъ, опустилъ его въ болото, всталъ ногами на мѣшокъ и произнесъ:

«Намъ не о чемъ разговаривать съ этими людьми, все больше и больше утрачивающими съ каждымъ днемъ свои права даже на незамѣтное существованіе въ русской литературѣ, которая безъ нихъ обойдется, жила и проживетъ. Миръ праху ихъ!»

И поднялся П. Пильскій къ небу на цѣлый каблукъ...

И хочется мнѣ сказать, на прощанье, о художественной красотѣ и порнографіи при отсутствіи политики и общественныхъ злобъ, о политикѣ и злобахъ дня, не мѣшающихъ художественной красотѣ, и о политикѣ и злобахъ дня, не мѣшающихъ художественному безобразію и порнографіи.

Почему мы считаемъ, что „Леда“ Анат. Каменскаго, въ смыслѣ красоты, безобразное и порнографическое произведеніе? Не потому, что голая Леда въ однѣхъ туфелькахъ выходитъ къ незнакомому инженеру, садится на стулъ, кладетъ между ногъ виноградъ, щиплетъ его по ягодкѣ и кладетъ спокойно въ ротъ, кушаетъ и предлагаетъ любоваться своимъ мясомъ; а потому, что Леда, пустая, глупенькая и взбалмошенная барынька, хотя и говорящая о какихъ-то высокихъ отношеніяхъ людей, при которыхъ не будетъ нужды стѣсняться другъ передъ другомъ своимъ голымъ тѣломъ, о тѣхъ высокихъ отношеніяхъ, по поводу которыхъ, навѣрное, у самого автора сложилось самое сумбурное и безтолковое представленіе,— является въ нашихъ глазахъ только родною сестрою андреевской барыньки, развращавшей подростка гимназистика любованіемъ ея мясомъ. И однако, никто же не станетъ уличать Л. Андреева въ порнографіи. Вы помните у Мопасана, чудную по художественной красотѣ, и глубокую по психологическому анализу, картинку. Въ вагонѣ молодая женщина, страдающая отъ избытка молока въ грудяхъ— ребенка при ней нѣтъ. Противъ женщины — молодой рабочій, безъ гроша денегъ въ карманѣ и неѣвшій чуть не двое сутокъ. Они объяснились и рабочій припалъ къ ея груди и началъ жадно глотать теплое, сладковатое молоко... Но, представьте себѣ „художество“ съ какою нибудь Ледою, которая исходя изъ того, что груди женщины можно разсматривать какъ эмблему „вѣчности, и безконечности съ предвѣчностью“, начала бы вываливать ихъ передъ всякимъ мужчиною и предлагала бы „пососать“ для выраженія своего преклоненія передъ „вѣчностью, безконечностью и предвѣчностью“... Получилось бы нѣчто безобразное въ смыслѣ художественной красоты, и безсмы-

сленное и порнографическое, по содержанію... Ан. Каменскій несомнѣнный ученикъ Мопасана, но не глубокій (нужно побольше думать и присматриваться къ жизни) и пока очень плохой его ученикъ...

Гармонія тѣлесной и духовной красоты—вотъ къ чему должны стремиться люди и вотъ чѣмъ нужно любоваться и что слѣдуетъ боготворить... Азбука. Совершенно вѣрно. Но азбука вѣчна...

Далѣе. Не потому „Крылья“ Кузмина безобразное, въ смыслѣ художественной красоты, произведеніе, что тамъ выведены патологическія непотребства, а потому, что авторъ разрисовывая, смакуетъ эти непотребства. И произведеніе Кузмина было бы художественно-красивымъ, если бы онъ нарисовалъ намъ психику героевъ, доведшую ихъ до патологическихъ поступковъ... „Хороводъ“ Шницлера, въ смыслѣ художественной красоты, я ставлю выше „Санина“ Арцыбушева потому, что въ „Хороводѣ“ глубокая сатира на самообманъ флирта, психологія котораго оказалась такъ близкой психологіи проституціи, что Шницлеръ не нашелъ рѣзкихъ граней, въ хороводѣ разврата, между „порядочной женщиной“ и „проституткой“,

Флиртъ—самообманъ, какъ самообманъ—пудра ,краска и прочая косметика... „Санинъ“—это плохо продуманная психологія свободной любви, не находящей граней между флиртомъ, а потому авторъ „Санина“, пустившійся въ бѣшенную пляску съ флиртомъ въ хаосѣ философскихъ, анархическихъ, соціалистическихъ, религіозныхъ и всякихъ другихъ высокихъ проблемъ, которыя, кстати сказать, онъ самъ очень и очень плохо усвоилъ и переварилъ — далъ, въ смыслѣ художественной красоты, безобразное и безсмысленное твореніе...

Немножко въ сторону... Только для одного небольшаго очерка...

Многіе изъ нынѣшнихъ молодыхъ художниковъ въ своихъ автобіографіяхъ говорятъ, что они „любятъ женщинъ“... Это хорошо!.. Прежде говорили: „Люблю женщинъ, лошадей и вино“, или „Люблю женщинъ, собакъ, карты и вино“... Это — плохо, конечно!.. Что же однако заключаетъ въ себѣ формула — „люблю женщинъ“... По увѣренію нашего великаго сатирика Щедрина, одинъ изъ его помпадуровъ всецѣло подпалъ вліянію женщинъ, и объяснялось это явленіе, „ежемгновенною потребностью помпадура въ женскомъ полѣ“... Но я далекъ отъ мысли сравнивать съ Щедринскимъ помпадуромъ людей молодыхъ, призванныхъ воспѣвать и изображать высокія чувства... Я убѣжденъ, что подъ такою формулой слѣдуетъ подразумѣвать нѣчто „санинское“, высшій, съ оттѣнкомъ благородства и эстетически-тонкій, флиртъ... Вотъ я и хочу разсказать одинъ эпизодъ изъ области флирта, случайнымъ, невольнымъ и близкимъ участникомъ въ которомъ мнѣ пришлось быть въ качествѣ третьяго лица, душеприкащика... О, это проклятое душеприкащество! Оно испортило мнѣ столько крови въ молодости... Меня почему-то всегда дарили довѣріемъ и предлагали быть третьимъ лицомъ, въ качествѣ душеприкащика... По молодости лѣтъ, я

такою ролью даже гордился, ибо и самъ любилъ проповѣдывать свободныя чувства и свободную любовь... Присмотрѣвшись къ жизни и людямъ, я началъ съ озлобленіемъ отказываться отъ такой роли, такъ какъ убѣдился, что во многихъ случаяхъ сто Полей Бурже могли бы сломать ноги и не добрались бы до правды—кто правъ, кто виноватъ и нужно-ли взаправду ломать жизнь и создавать нѣчто туманно-неопредѣленное, но заманчивое только по новизнѣ... Помню—это былъ послѣдній случай изъ моего душеприкащества—какъ я, во имя принципа свободной любви, совершилъ прямо-таки преступленіе передъ моимъ другомъ, къ которому относился съ глубокимъ уваженіемъ, за его умъ, честность, искренность. Она, моя довѣрительница, буквально не имѣла и сотой доли его достоинствъ... Но я обманулся.. У меня она плакала на груди и говорила о сотняхъ мелочей, придиркахъ, грязныхъ, некрасивыхъ со стороны моего друга... Она устала, изнемогла душой, избита, какъ жалкая собаченка... И я поколебался... Когда я заговорилъ съ нимъ, съ моимъ другомъ — онъ пришелъ буквально въ бѣшенство... „Я не позволю переступить ей порога моего дома!.. Я ее убью!.. Слышите вы это!.. А если она убѣжитъ — я ее сыщу и убью!..“ задыхался онъ... Потомъ упавъ на диванъ, зарылся въ подушки и зарыдалъ... Разрывъ былъ неизбѣженъ... Въ воздухѣ запахло трагедіей... Былъ устроенъ побѣгъ... Мы воспользовались отсутствіемъ моего друга (мнѣ казалось, что я дѣлаю хорошее дѣло, спасаю своего друга отъ неизбѣжнаго, безпрерывнаго семейнаго ада)... Помню—одна мелочь, какъ-будто раскрыла мнѣ на мгновеніе глаза и я почувствовалъ, что дѣлаю какое-то нелѣпое, глупое дѣло... Ей хотѣлось забрать побольше всякихъ тряпокъ..

Въ одномъ сундукѣ было сложено все лучшее,—тутъ были дорогія шубки, лучшія платья, роскошныя, кружевныя пеньюары, но она натаскала ихъ такую гору, что крышка сундука никакъ не закрывалась... Я вдохновился... Подставилъ стулъ, прыгнулъ въ сундукъ и началъ утаптывать добро ногами...

— Вы съ ума сошли!.. вскрикнула она и готова была расплакаться. Въ моей душѣ вспыхнулъ огонекъ бѣшенства, но я сдержался и спокойно замѣтилъ, что въ такую минуту не стоитъ даже и говорить о мелочахъ...

Она спохватилась и попыталась улыбнуться... Я расхохотался...

Сундуки были сложены на ломового извощика и отправлены на Варшавскій вокзалъ. Боясь слежки со стороны его, устроили переодѣванье—она одѣлась въ костюмъ простой женщины и ушла черезъ черный ходъ... Встрѣтились мы гдѣ то на Невскомъ пр. и я увезъ ее на вокзалъ... Того другого—я не зналъ вовсе—мы должны были познакомиться на вокзалѣ... Я понялъ все... Я зналъ его близко... Это былъ умный прохвость, нечистоплотный въ денежныхъ дѣлахъ, въ отношеніяхъ къ женщинамъ... Начиналась новая драма... Я съ грустью и тоской вернулся домой... Возвращаюсь, однако, въ случайному эпизоду...

Оборотная сторона флирта [1])

(Психологическій очеркъ).

Это было лучшее время въ моей жизни. . Я былъ молодъ, свободенъ, какъ птица, радовался жизни, грустилъ, тосковалъ... Трудъ меня не тяготилъ, но отнималъ всѣ мои будни. Мнѣ приходилось работать, для заработка, иногда до 11—12 часовъ ночи, чуть-ли не съ 9—10 утра... За то праздники были для меня прямо таки чѣмъ-то священнымъ, я отдыхалъ во всю... О, какъ правъ Шопенгауеръ!.. Въ праздники я вставалъ поздно—часовъ въ 10—11, умывался и одѣвался на скорую руку, и ничего не пивши и не ѣвши, бѣжалъ на Захарьевскую... Меня тянуло въ семью... Пріятно идти къ друзьямъ, когда вы чувствуете, что васъ ждутъ и встрѣтятъ съ искреннею радостью... Былъ ноябрь, но уже установился санный путь... Пріятно было пробѣжаться, вдыхая свѣжій морозный воздухъ... Вотъ я надавилъ кнопку звонка... За дверями топотъ ногъ, визгъ... Дверь съ шумомъ распахивается и меня рвутъ на части...

— Вѣчно опоздаетъ, — обычно говоритъ Федоръ Ильичъ, — мы цѣлуемся...

— Да, любитъ поспать праздничками,—тоже каждый разъ говоритъ Софья Павловна, прижимая подолгу свою руку къ моимъ губамъ...

Потомки—Соня 10 лѣтъ и два мальчика 8 и 7 лѣтъ, Федя и Женя, уже стащили съ меня фуражку, перчатки, разстегнули и тащили за рукава пальто... Часто мы валились тутъ же на полъ и начинали наши шалости... Бѣдная Сонечка — она умерла 13 лѣтъ отъ скарлатины, — но я не забуду этого дорогого, милаго личика, хотя часто мнѣ и не удается представить его себѣ, а ручонки ея, съ бородавочками на пальцахъ, у меня встаютъ передъ глазами, какъ живыя—я много и часто цѣловалъ эти милыя, розовыя ручонки...

Федоръ Ильичъ начиналъ торопиться... У него въ праздники было всегда много неотложныхъ, своихъ, личныхъ дѣлъ... У Софьи Павловны тоже почему-то въ праздники была куча неотложныхъ дѣлъ... Оба уходили, но всегда въ разное время, порознь... Бона француженка по праздникамъ пользовалась отдыхомъ и я рѣдко заставалъ ее дома—она изчезала обыкновенно до моего прихода; няня-горничная смотрѣла на меня любовными глазами и тихо заявляла, что если я прогощу у нихъ цѣлый день, такъ она бы хотѣла сходить къ сестрѣ... Дѣвочку-судомойку экономка, она же кухарка Маланья, старуха лѣтъ 60, тихая и ласковая старая дѣва, отпускала къ матери... Каждый разъ чувствовалось, что потомки связываютъ всѣхъ по рукамъ и я развязывалъ всѣмъ руки давалъ возможность отдохнуть...

---

[1]) Шаржъ на „Санина“.

Это-то и укрѣпляло во мнѣ чувство самой глубокой привязанности и любви къ потомкамъ...

Торжественно меня тащили въ столовую, кормили и поили... Затѣмъ мы шли въ Таврическій садъ и катались съ горъ до обѣда... Послѣ обѣда наступала оргія и содомъ... На дверяхъ вывѣшивался аншлагъ „Нѣтъ дома“ ... Въ гостинную тащили одѣяла, подушки, игрушки, книжки...

Маланья, убравшись съ своими кухонными дѣлами, появлялась къ намъ и вскорѣ храпѣла гдѣ-нибудь въ уголкѣ... Я переодѣвался въ „мамину“ кофту. Переодѣванье было шумное... Меня пудрили, обливали духами... Помню, одна изъ оргій окончилась для меня весьма печально... Играли въ „жмурки“ со связанными назадъ руками... Я запутался въ одѣялѣ и подушкахъ, и грохнулся переносицей объ рояль... Крови потерялъ массу... Потомки были буквально потрясены, и когда я лежалъ на диванѣ въ состояніи близкомъ къ обморочному, всѣ трое стояли на колѣняхъ около дивана, обнимали меня и готовы были плакать... На мою переносицу положили въ платкѣ снѣгу, по совѣту Маланьи я засунулъ подъ языкъ кусочекъ смятой газетной бумаги, отъ чего у меня и пріостановилось кровотеченіе, по увѣренью Маланьи...

По воскресеньямъ, иногда, я уходилъ съ Захарьевской рано, около 8 часовъ вечера, такъ какъ я не пропускалъ ни одного почти балета, въ которомъ принимала участіе Цукки... Кто видѣлъ Цукки, тотъ согласится со мной, что она выше, жизненнѣе и идейнѣе Дунканъ... Цукки заставляла васъ смѣяться или плакать... Дунканъ суше — ни смѣха, ни слезъ ей не вызвать!.. Хотя Дунканъ такъ же, какъ и Цукки, убѣждаютъ пессимистовъ балета—они должны сознаться, что глубоко ошибаются... Теперь я предпочитаю бывать по субботамъ въ циркѣ Чинизелли, чѣмъ по воскресеньямъ въ балетѣ; пластика кобылъ, прыгающихъ черезъ препятствія, меня трогаетъ больше, чѣмъ пластика балеринъ, перепрыгивающихъ черезъ всю сцену и становящихся на одномъ большомъ пальцѣ...

Видѣться съ предками мнѣ приходилось весьма рѣдко... Но вечера, когда мы сходились, проходили у насъ тепло и далеко не скучно. Софья Павловна чудно играла на роялѣ... У нея былъ недурной голосъ, небольшое, гостинное сопрано... Она никогда не отказывала мнѣ въ удовольствіи поиграть и спѣть, вѣроятно потому, что чувствовала, что я съ искреннимъ удовольствіемъ слушалъ ея игру и пѣніе... Въ то время моимъ любимцемъ былъ Шопенъ, особенно, нравились мнѣ его мазурки... Она тоже любила Шопена... Мнѣ кажется, что Бетховена начинаешь понимать только въ зрѣломъ возрастѣ...

Бесѣды велись самыя оживленныя, но не знаю, почему, всегда какъ-то, въ гостинныхъ бесѣды быстро переходили на тему о свободныхъ чувствахъ, о свободной любви, и эта тема особенно оживляла всѣхъ... Федоръ Ильичъ, красивый блондинъ, съ вьющими волосами, цвѣтущій здоровьемъ, съ бѣлыми чудными зубами, умный, образованный и знавшій

жизнь, часто ласково обращаясь къ Софьѣ Павловнѣ, говорилъ, что они нашли секретъ семейнаго счастья...

— Мы предоставляемъ полную свободу другъ другъ, въ этомъ нашъ секретъ... Не правда ли, Сонечка?...

— Конечно, мой дорогой, ласково отвѣчала Софья Павловна, мы не унижаемъ другъ другъ ни ревностью, ни назойловостью... Мы уважаемъ другъ другъ, прежде всего...

Красивой Софью Павловну назвать было нельзя, но она имѣла много внѣшнихъ достоинствъ. У нея была классическая фигура—средняго роста, съ легкими плечами и грудью, съ таліею женщины, но съ ясно очерченными закругленными бедрами. Руки у нея были красивыя, но нѣсколько суховатыя. Не сильная брюнетка, съ низкимъ и широкимъ лбомъ, правильнымъ, тонкимъ, но укороченнымъ носомъ, съ матовымъ цвѣтомъ лица. Если прибавить къ этому роскошные волосы, большіе глаза съ ласковымъ взглядомъ, пріятную улыбку, то можно было назвать ее очень привлекательной женщиной. Федору Ильичу было 32 года, Софьѣ Павловнѣ 28. Сонечка была нѣсколько похожа на мать, но физически она скорѣе была въ отца—рослая, сильная дѣвочка... Въ кабинетѣ, среди мужчинъ, Федоръ Ильичъ какъ то странно мѣнялся... Онъ былъ немножко циниченъ... Вытаскивались альбомы, и груды, заграничнаго издѣлія, фотографій и олеграфій довольно откровеннаго содержанія... Смаковалось... Все это мнѣ въ немъ не нравилось и я обыкновенно старался улизнуть изъ кабинета...

Становилось нестерпимо жаль Сонечку, и какъ будто я начиналъ обнимать, что предки далеко не могутъ похвалиться прочностью и теплотою своихъ семейныхъ отношеній...

Какъ-то разъ я освободился въ 9 часовъ вечера отъ работы и конечно направился на Захарьевскую... Потомки уже спали... Я не отказалъ себѣ въ удовольствіи ихъ перецѣловать... Федора Ильича не было дома и его ожидали только къ утру.. Я былъ весело настроенъ, но Софья Павловна была кисла и грустила.. Настроеніе начало пропадать и у меня... Я подумалъ, что попалъ не во время, и рѣшилъ послѣ чая поскорѣе удрать...

Захотѣлось вдругъ спать... Раза два—три зѣвнулъ... Разговоръ все время плохо клеился... Софья Павловна смотрѣла на меня какимъ-то страннымъ, загадочнымъ взглядомъ. Наконецъ, собрался уходить...

— О, нѣтъ! Не уходите... Я васъ не пущу... Все равно, если вы уйдете, пойду на Невскій, встрѣчу кого-нибудь, даже незнакомаго... чтобы только отвести душу... разогнать тоску...

Я, наконецъ, догадался... Опять, подумалъ я, придется попасть въ душеприкащики...

— Вы поссорились съ Федоромъ Ильичемъ?..

— Мы никогда не ссоримся... Мы разстались, какъ всегда, тепло и ласково... Онъ ушелъ развлекаться... Я его такъ понимаю, и даже рада...

— Софья Павловна, вы не совсѣмъ здоровы, кажется, — у васъ странный взглядъ, и вы какъ-то быстро мѣняетесь въ лицѣ; когда вы говорили — у васъ сразу осунулось лицо и на немъ появилась нездоровая блѣдность...

— Да, пожалуй... мнѣ немного нездоровиться... Пройдемъ ко мнѣ — я прилягу, а вы посидите, поболтаемъ...

Мы перешли въ будуаръ... Софья Павловна прилегла на кушеткѣ, я сѣлъ у маленькаго письменнаго столика, зажегъ лампочку и началъ разсматривать альбомъ...

— Бросьте... на меня наводитъ тоску, когда перелистываютъ эти скучные альбомы... Достаньте лучше... внизу, въ правомъ ящичкѣ... Откройте...

Открываю ящикъ и вынимаю оттуда перламутровый альбомъ, довольно массивный...

— Смотрите!..

Взглянулъ на Софью Павловну—лицо ея какъ-будто еще больше осунулось и поблѣднѣло... Это было другое лицо, я не узнавалъ его... И какая-то странная, не ея улыбка... Открываю альбомъ.. Кровь бросилась мнѣ въ голову, я весь вспыхнулъ, руки у меня начали дрожать... Съ каждой страницей волненіе мое росло...

— Посмотрите десятый нумеръ—это шедевръ!..

Съ ноги у нея свалилась туфелька... Совершенно растерянный, закидываю альбомъ подъ руку и бросаюсь поднимать туфельку...

— Одѣньте... у меня зябнетъ нога...

Неловко какъ-то началъ пихать ея ногу въ туфельку... Она сжала пальцы и слегка подбросила ногу... Въ глазахъ мелькнули кружева...

Встрѣтились взглядами...

Глаза ея горѣли лихорадочнымъ огнемъ, на мертвенно-блѣдномъ лицѣ показались красныя пятна, она кривила дрожавшія губы въ улыбку...

У меня вдругъ промелькнулъ образъ Сонечки, какъ я видѣлъ его недавно въ кроваткѣ, съ рученками на груди и съ разбросанными по подушкѣ кудрями...

Швырнулъ на полъ альбомъ и туфельку, и задыхаясь, почти выбѣжалъ изъ будуара... Въ передней била лихорадка... Едва попадалъ въ рукава пальто... Казалось, въ поискахъ калошъ и шапки прошла цѣлая вѣчность... Слышалъ, какъ гдѣ-то съ грохотомъ закрылась дверь, раздался трескъ разбиваемой посуды...

При сильныхъ душевныхъ потрясеніяхъ, я всегда для равновѣсія прибѣгалъ къ прогулкамъ... Ночь была чудная, морозная... Вотъ и Александровскій паркъ... Перешелъ уже два моста по Каменноостровскому, въ то время глухому и утопавшему во паркахъ... Началась глушь пустырей и огородовъ... Открылась необъятная даль... Надо мною звѣздное небо во всемъ своемъ молчаливомъ величіи и красотѣ...

Присѣлъ отдохнуть и вдругъ остро, до боли почувствовалъ всю горечь нанесеннаго мнѣ оскорбленія,—топтали мою душу... Разрыдался. .

На другой день я послалъ записку Софьѣ Павловнѣ, въ которой извинялся за свой грубый и необдуманный поступокъ, къ которому она не подавала никакого повода...

Получилъ отвѣтъ на мое посланіе... Мнѣ писали, что виной всему было легкомысленное сумасбродство...

Будемъ думать, что ничего и не было, и забудемъ о томъ вечерѣ навсегда... Меня приглашали бывать по прежнему, и дарили тѣми же дружескими отношеніями, какія были и раньше...

На Захарьевской я бывалъ по прежнему... Съ Софьей Павловной не приходилось встрѣчаться совсѣмъ, она обыкновенно исчезала до моего прихода...

Былъ конецъ января. Получаю коротенькую записочку отъ Федора Ильича, въ которой онъ просилъ меня навѣстить его по самому неотложному дѣлу.

Я былъ свободенъ и отправился на Захарьевскую сейчасъ же по полученіи записки. Въ передней меня встрѣтила Маланья съ какимъ-то суровымъ, молчаливымъ видомъ...

— А гдѣ же дѣти?

— Увезли... У барина дифтеритъ, и у барыни тоже... А другъ съ дружкой общенія не имѣютъ... нельзя.

— Куда же увезли дѣтей? Отчего не ко мнѣ?..

— Ну гдѣ же вамъ... съ ними... Увезли къ Глотинымъ...

Супруговъ Глотиныхъ я зналъ. Оба толстые и точно всю жизнь никакъ не могли какъ слѣдуетъ проснуться... Бѣдныя дѣти, подумалъ я... Бѣдная Сонечка...

Переступаю порогъ кабинета Федора Ильича и хочу подойти поздороваться съ нимъ.

— Не подходите! Здравствуйте, я душевно радъ и благодаренъ, что вы пришли... Но сядьте подальше.

Я хотѣлъ сказать, что дифтеритъ меня не пугаетъ вовсе, но взглянувши на Федора Ильича, не произнесъ ни одного слова. Онъ сидѣлъ, понуря голову. Землистый цвѣтъ лица, и какая-то безнадежность во всей фигурѣ.

— Федоръ Ильичъ, вамъ нужно прилечь... лежать...

— Мерзавецъ, негодяй и подлецъ — вотъ кто я, вдругъ произнесъ Федоръ Ильичъ, схватился съ кресла и началъ бѣгать по кабинету... Что я надѣлалъ, что я надѣлалъ!.. Федоръ Ильичъ стоялъ у окна и рвалъ на себѣ волосы.

— Федоръ Ильичъ, успокойтесь... Въ чемъ дѣло наконецъ, простите за нескромность?..

Онъ упалъ на диванъ, зарылся въ подушки и разрыдался... Молча

курю папиросу. Слова успокоенія излишни, пока не пройдетъ бурная душевная волна. Вскорѣ онъ затихъ, быстро вскочилъ и сѣлъ на диванѣ.

— Долой малодушіе!.. Будемъ говорить серьезно и спокойно, сказалъ Федоръ Ильичъ. Возьмите записку подъ голой бабой, тамъ на столѣ...

Поднимаю изъ слоновой кости японскаго издѣлія, пресъ-папье и достаю записку. На запискѣ значилось: „Прошу въ моей смерти никого не винить“. Подпись. Молча, медленно, глядя на Федора Ильича, изорвалъ записку и бросилъ клочки на полъ.

— Вы этого не могли и не должны были дѣлать...

— Да... меня остановили дѣти... отъ такого шага... Я заразился сифилисомъ, почти шепотомъ произнесъ послѣднія слова Федоръ Ильичъ и снова поникъ головою, и какъ-то весь съежился. Мы помолчали. „Вотъ такъ пиковое положеніе“, подумалъ я, „при свободныхъ чуствахъ и на основѣ свободной любви“...

— Но быть можетъ діагнозъ врачей невѣренъ?..

— Тарновскій сказалъ... Мнѣ нужно уѣзжать куда-нибудь... Заграницу, или на Кавказъ... Но какъ быть съ Соней, съ Софьей Павловной... Надо же ей сказать, вы понимаете... У нея и взаправду сейчасъ дифтеритъ... Мы не видѣлись уже три дня...

Вспомнилъ про потомковъ, про Сонечку и рѣшилъ посвятить себя цѣликомъ этой заварившейся, нелѣпой кашѣ.

— Федоръ Ильичъ, будемъ говорить серьезно и не скрывая ничего... Софью Павловну вы не могли заразить?

— Нѣтъ... Мы съ ней не живемъ уже давно, по молчаливому соглашенію... Она знаетъ, съ кѣмъ я жилъ... Но я и эту женщину заразилъ— для меня это самое тяжкое, самое ужасное... Она замужняя... Ей нужно лечиться... Мужъ ничего пока не знаетъ, и не долженъ знать... А можетъ быть и онъ заразился...

— Ну и каша, подумалъ я...

— Вы мнѣ позволите переговорить откровенно съ Софьей Павловной...

— Я хотѣлъ именно объ этомъ васъ просить... Я могъ и тутъ устроиться, въ Петербургѣ, но я долженъ увезти Катерину Львовну...

— Катерину Львовну??!! Да—это задача... Если принять во вниманіе ея супруга...

Переступаю порогъ будуара Софьи Павловны... Она сидѣла на кушеткѣ... Непричесанныя волосы разбросались по подушкѣ, на которой покоилась ея голова. Темный цвѣтъ лица, угасшій взоръ и складки страданій на лицѣ. Подхожу и хочу взять ея руку. Она сложила руки на груди и прошептала: „Нельзя, я чумливая“. „Неужели“?.. мелькнуло у меня въ головѣ. Потомъ схватилась за волосы и начала запутываться пальцами въ волосахъ—женщины никогда не рвутъ себя за волосы... И зарыдала... наклонился къ ней, сталъ гладить ея голову и поцѣловалъ ея волосы.

— Софья Павловна, успокойтесь... Будь это хоть сама чума—вы

не потеряли вашей души... Я взялъ ея за руку поднесъ къ губамъ и сталъ осыпать поцѣлуями...

Она порывисто обняла меня и поцѣловала...

— Истрепала я свою душу въ грязи... Зачѣмъ?.. Что я нашла?...

Она вскочила въ какомъ-то ужасѣ и прошептала: Зачѣмъ я васъ цѣловала?.. У меня сифилисъ!

— Я это зналъ, я догадывался... Федоръ Ильичъ болѣнъ тою же болѣзнью...

— И онъ!?..

Федоръ Ильичъ появился въ будуарѣ... Онъ сѣлъ на маленькую отоманку и опустилъ голову на руки... При его появленіи Софья Павловна начала снова рыдать...

— Не нужно, Соня! спокойно сказалъ Федоръ Ильичъ...

— А Катерина, тоже? сморкаясь въ платокъ, но не поднимая головы отъ подушки, прошептала Софья Павловна.

— Да... А Евгеній, тоже? въ свою очередь спросилъ Федоръ Ильичъ.

— Да...

Евгенія я зналъ... Онъ часто и съ благодарностью повторялъ формулу: „люблю женщинъ", ибо они дарили его тоже любовью. Въ душѣ моей поднималась буря бѣшенаго смѣха. „Ну хороводецъ", подумалъ я. Вѣроятно онъ имѣлъ свои естественныя границы тамъ, гдѣ начинались уже милые, холостые юнцы . . . .

Послѣ долгихъ переговоровъ и хлопотъ предки разъѣхались въ разныя стороны. Федоръ Ильичъ съ Катериною Львовною за границу, Софья Павловна съ Евгеніемъ на Кавказъ. Я чувствовалъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ. Потомки остались на моихъ рукахъ и главное съ Сонею я могъ общаться душами цѣлыхъ три мѣсяца... Соню я безумно любилъ — она наполняла всю душевную пустоту моего одиночества.

Какъ это все устроилось—коротко разскажу.

Я долженъ былъ перебраться на квартиру къ предкамъ. Но что это могло значить, когда я цѣлые дни былъ занятъ. Потомковъ нужно было учить. Я вывихнулъ себѣ ногу и опирался на палку, потерялъ зрѣніе и одѣлъ по этому поводу черные очки и наконецъ получилъ хроническій катаръ горла, доказательствомъ чего былъ платокъ, обвязанный вокругъ шеи... Мнѣ дали отпускъ на три мѣсяца, но безъ содержанія... Свобода—съ пустымъ желудкомъ... Только-что привелъ свой бюджетъ въ нормальное положеніе... Ни одному министру финансовъ не приходилось затрачивать столько энергіи, сколько приходилось тратить мнѣ, изворачиваясь, то погашая долги и проценты по долгамъ, то занимая вновь; часто случалось мнѣ по нѣсколько дней питаться только обрѣзками ситнаго и колбасы, да чаемъ... И все же наступилъ моментъ—кризисъ и банкротство были неизбѣжны... Плохо спалъ ночи... Едва ли хоть одинъ министръ финансовъ проводилъ такъ плохо ночи, обдумывая послѣдній, по его мнѣнію, заемъ для приведенія финан-

соваго бюджета къ нормѣ... Ресурсомъ у меня оставались только золотые часы, массивные, съ репетиціей... Я долго колеблюсь, но разъ рѣшаюсь на какой-нибудь шагъ—о сдѣланномъ никогда не жалѣю... Часы были спущены для возстановленія равновѣсія въ бюджетѣ... За приведеніемъ бюджета къ нормѣ у меня оставалось еще двадцать пять рублей свободной наличности... Ежемѣсячно я имѣлъ свободныхъ суммъ, не обремененныхъ никакими долгами и процентами по долгамъ, пятьдесятъ рублей... От свободной наличности на другой день у меня почти ничего не осталось, за то я сидѣлъ въ первомъ ряду креселъ на Цукки и имѣлъ въ своемъ кошелькѣ билетъ на хорошее мѣсто въ партерѣ въ оперѣ, усыпанный мелкими серебряными монетами...

Предки мнѣ предложили все готовое содержаніе и пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ... Я наотрѣзъ отказался отъ денегъ и сдѣлалъ у нихъ заемъ, въ счетъ будущихъ благъ...

Мы чудно зажили... Слабенькій Женя захворалъ коклюшемъ... Забухикали и Соня съ Федей... Списался съ предками, и рѣшилъ по совѣту врачей увезти ихъ въ Финляндію... Чеки на банкъ сыпались на насъ, какъ изъ рога изобилія... Предки хоть этимъ хотѣли загладить свою вину передъ потомками... Мы объѣздили Финляндію, побывали въ Норвегіи и Швеціи... Катались на конькахъ, лыжахъ, санкахъ... Потомки поправились... Отпускъ подходилъ къ концу—я увезъ потомковъ къ бабушкѣ, на югъ... Самъ возвратился въ Петербургъ и снова началъ свою лямку въ душномъ, вонючемъ Петербургѣ—наступало лѣто . . . .

Послѣ смерти Сони я сталъ понемногу терять изъ виду предковъ... Уже давно ихъ нѣтъ въ живыхъ . . . .

Но каждый разъ, когда въ гостинныхъ при мнѣ начинали говорить о свободныхъ чувствахъ и свободной любви, и когда я видѣлъ разгоравшіеся въ глазахъ огоньки флирта, я вспоминалъ о моемъ хороводѣ и въ моей душѣ поднимался бѣшеный смѣхъ. Я старался сказать какой-нибудь каламбуръ, или съострить... Мои остроты часто были и неудачны, но самъ я хохоталъ бѣшенымъ смѣхомъ...

Возвращаюсь снова къ „художественной красотѣ“.

Можно говорить, пожалуй, до безконечности на такую тему и я какъ-нибудь, на досугѣ, постараюсь написать рядъ фельетоновъ и назову ихъ „Параллели“, въ которыхъ читатели безъ труда поймутъ мою точку зрѣнія, но за то имъ много придется потратить времени, чтобы разыскать мои „Параллели“.

Маленькая „Параллель“ и я поставлю точку въ концѣ этой главы и перейду къ „новой полосѣ“—къ полосѣ религіозныхъ исканій... Читатель напуганъ—я тоже напуганъ!.. Когда же кончатся „полосы“? Никогда не

кончатся... Каждые два-три мѣсяца будутъ все „новыя полосы"... Итакъ, до безконечности?.. Въ жизни да, до безконечности, въ особенности въ періоды безвременья, а въ моемъ памфлетѣ будетъ еще одна глава съ „новой полосой" и въ концѣ ея я поставлю послѣднюю точку, а можетъ быть и многоточіе, не знаю, глядя по обстоятельствамъ, и затѣмъ окутанный Тьмою и Навьими Чарами, и сбросивши съ себя Трансъ, исчезну съ глазъ читателя...

Говорятъ, что одно и тоже музыкальное произведеніе, въ одномъ и томъ же исполненіи, производитъ на васъ неодинаковое впечатлѣніе—все зависитъ отъ вашего настроенія. Я испыталъ тоже и самъ. Критикъ Философовъ пошелъ еще дальше въ своихъ наблюденіяхъ и, не смотря на свое. въ прошломъ, явное декадентство, вставъ на экспериментально-натуралистическій путь, увѣряетъ, что симпатіи или антипатіи критиковъ къ тому или другому литературному теченію, зависятъ исключительно отъ состоянія желудка, печени, селезенки, почекъ и другихъ внутреннихъ органовъ у критиковъ.. Идея блестящая, и само собой напрашивается желаніе разработать проэкт устройства Экспериментальнаго Критическаго Института, памятуя при семъ. Наполеона Великаго, который проигралъ одно изъ сраженій, только благодаря разстройству желудка..

Для той параллели, о которой я поведу рѣчь, обстоятельства сложились чрезвычайно благопріятно. Настроеніе у меня было почти одинаковое, когда я читалъ „Мать" Максима Горькаго, „Тьму" Леонида Андреева и „Навьи Чары" Федора Сологуба... Судите сами. Когда я писалъ „Мать", у меня болѣлъ зубъ и назрѣвалъ флюсъ. Кто изъ художниковъ слова, такъ или иначе не воспѣлъ зубной боли? Перебирая мысленно произведенія нашихъ декадентскихъ поэтовъ,—я крайне былъ пораженъ, что этому фактору приближенія насъ къ смерти было посвящено всего только нѣсколько штукъ стихотвореній... Правда, Федоръ Сологубъ, взялъ на себя обязательство пополнить этотъ пробѣлъ, но сюжетъ и у него, по-моему, плохо разработанъ, вскользь... Я совѣтывалъ бы блестящей плеядѣ нашихъ декадентовъ отправиться въ зубную лечебницу и попробовать вырвать штукъ десять зубныхъ нервовъ, и притомъ, по дешевому тарифу... О!.. они тогда почувствуютъ, какъ ихъ будутъ швырять прямо въ объятія смерти... и воспоютъ неумирающее настроеніе... Я очень сожалѣю, что у меня не повторяются флюсы два раза въ недѣлю—тогда я навѣрное началъ бы постепенно сливаться со смертью, и, оставаясь живымъ, умеръ бы...

Флюсъ началъ спадать... Читалъ „Тьму" Л. Андреева... Врачъ сказалъ, что у меня „разыгрывается" инфлюэнца... Прописалъ модное средство, химическаго состава котораго я не зналъ... Почувствовавъ „изжогу" и признавая лишь усиленно-алеопатическій методъ леченія, я хватилъ двѣ

чайныхъ ложки „сверхомъ" соды... Вскорѣ меня посѣтилъ врачъ. Сообщаю ему о моемъ состояніи. Упомянулъ, конечно, и о содѣ... Но, Боже, что произошло. Разыгралась цѣлая трагическая мистерія!.. Врачъ вскочилъ съ дивана, всплеснулъ руками и бросился на меня чуть-ли не съ сжатыми кулаками... Началось литургійное Дѣйство...

— Боже мой, когда же вы, наконецъ, бросите ваше невѣжественно-легкомысленное отношеніе къ наукѣ!.. Вѣдь у васъ, внутри, отъ смѣси моего лекарства и соды, можетъ произойти прямо-таки взрывъ!.. Ну, и паціентъ, доложу вамъ!..

Съ женою сдѣлалась истерика... Рыдали потомки кругомъ... Завылъ нашъ песъ Темирка... Котъ Васька съ испугу бросился съ моей кровати на ночной столикъ, повалилъ его... Раздался трескъ битой посуды, микстуръ, мазей...

У меня на лбу выступилъ холодный потъ... Похолодѣли ноги и руки и я почувствовалъ, что начинаю медленно, медленно сливаться съ Таинственною...

— Я изучалъ химію пять лѣтъ, докторъ... Три года я работалъ въ лабораторіи,—бормоталъ я виновато...—Но откуда же мнѣ знать химическій составъ новыхъ вашихъ лекарствъ, чертъ бы ихъ дралъ! Всѣ эти бензо-салицпро-ангело - гидро - керосино - анилино - парафино - спермино - натролино-дельфино-алколоидо-гедростино...

— Не мелите, вздора, голубчикъ!..—болѣе спокойно перебилъ меня докторъ.

Онъ успокоилъ всѣхъ насъ... Нѣсколько погорячился и только. Наука должна была меня вырвать изъ объятій Таинственной. Ручательствомъ тому была прописанная новая микстура и ледъ, который я обязался глотать маленькими кусочками...

Вскорѣ животъ мой вздулся, какъ барабанъ... Приступы рѣжущей боли снова бросали меня въ единеніе со смертью...

Я читалъ „Навьи Чары" Федора Сологуба и вдругъ почувствовалъ во лбу тяжесть, что-то точно душило тамъ... Тяжесть все болѣе и болѣе усиливалась... Докторъ сказалъ, что мой насморкъ началъ прогулку въ какой-то лобной пазухѣ и что лучше бросить чтеніе... Но я упрямо дочиталъ „Навьи Чары" до конца... Температура поднялась до 40° и я заснулъ съ ощущеніемъ привязанной пудовой гири ко лбу...

И снилось мнѣ, что я въ Парижѣ. Живу въ улицѣ Монтескье, въ отелѣ m-me Португаль, очень милой старушки, преданной республиканки и преданной въ тоже время Наполеону III, въ концѣ имперіи котораго прошла первая пора ея любви и молодыхъ мечтаній. Тихій и молчаливый супругъ ея, старичекъ Португаль, былъ лишь ея жалкой тѣнью. И воспоминанія о разгромѣ Парижа и истребленіи коммунаровъ у старичковъ какъ-то сводилось исключительно къ тому, что они, то прятались подъ кроватью, то сидѣли нѣсколько сутокъ въ погребѣ... Старикъ Дюшело, отецъ m-me

Португаль, былъ въ то время чиновникомъ и бѣжалъ въ Версаль, поручивъ молодому Португалю беречь дочь и жену...

Я вышелъ изъ отеля, сѣлъ у Пале-Рояля въ подземный трамъ, быстро промчался нѣсколько станцій, оставилъ подземелье, проплутался по нѣсколькимъ улицамъ и вошелъ въ Пантеонъ... Но то былъ необыкновенный Пантеонъ, который знаютъ всѣ, кто бывалъ въ Парижѣ и заглядывалъ туда. Внутри казалось не было стѣнъ, и картины вырисовывались, точно окутанныя дымчатыми облаками. Куполъ тоже исчезалъ въ туманѣ, прорѣзываемомъ яркими лучами солнца, игравшими на гобеленахъ, чудной работы, устланныхъ, какъ мнѣ чудилось, на полу... И высилась посрединѣ гробница Наполеона Великаго—на самомъ дѣлѣ ея нѣтъ въ Пантеонѣ—и изъ-за гробницы начали выходить изъ подземелья тѣни мертвецовъ...

Меня обступили кругомъ... Много женщинъ... Между ними были и мужчины... Всѣ, наперерывъ перебивая другъ друга, говорили, обращаясь ко мнѣ, и совали мнѣ билетики разныхъ цвѣтовъ... „Дайте премію намъ!"... „Нѣтъ, дайте премію намъ!"... Я началъ всматриваться пытливо въ лица... Вотъ цѣлая группа лицъ, похожихъ другъ на друга... Странная группа... Знакомая женщина, но образъ ея точно колыхается въ туманѣ, онъ не ясенъ, не ярокъ, не глубокъ, и вся она, точно оторванная отъ жизни, виситъ въ пустомъ пространствѣ... Я всматриваюсь и узнаю—товарищъ Мать! И за ней колыхалось точно въ туманѣ много, много товарищей и всѣ они были похожи другъ на друга, и говорили однимъ языкомъ, жили одними думами... Много, много было ихъ, и они колыхались точно въ пустомъ пространствѣ и исчезали гдѣ-то далеко далеко... въ открывшейся мнѣ панорамѣ, въ которой ярко вырисовывался Перъ-ла-Шезъ... И я взялъ руку товарища-матери, поцѣловалъ ее и сказалъ: „Товарищъ „Мать", васъ будутъ читать съ захватывающимъ интересомъ, въ васъ столько чистоты. на васъ нѣтъ капли грязной, полной ужаса, полной кошмаровъ жизни... Блаженны вѣрующіе, огородившіеся каменными стѣнами отъ широкой жизни, и думающіе, что они побѣдятъ! И такіе вѣрующіе найдутъ въ васъ художественную красоту и правду... На самомъ дѣлѣ, въ васъ ея нѣтъ... Ваши образы блѣдны и начертаны протокольно, ваша душевная жизнь неясно очерчена, и нѣтъ у васъ яркихъ картинъ, широкой, неукладывающейся въ каменные мѣшки, жизни"... И краснаго билетика для преміи и на „Мать" я не взялъ... Группа заколыхалась, запѣла: „Вы жертвою пали" и исчезла...

Передо мною, сразу какъ-то, вырисовался странной, никогда мною невиданной, архитектуры замокъ... Отъ него вѣяло холодомъ могилы; высокія, заплеснѣвевшія стѣны позволяли видѣть только верхушку крыши, на которой яркимъ огнемъ горѣлъ драконъ, простирая кругомъ скелетоподобныя лапы. Вотъ и ржавая калитка... Вотъ и пуговка звонка, точно такая же, какъ въ отелѣ m-me Португаль... Я нажалъ пуговку... Заскрипѣли ржавыя петли и калитка открылась... Я вошелъ въ узенькій дворикъ... Калитка

сама собой захлопнулась, я отнесся къ этому совершенно спокойно,—точно также калитка запиралась сама - собою въ отелѣ m-me Португаль... На меня бросили откуда-то снопъ электрическаго свѣта... Ахъ да! 72-лѣтній консьержъ, m-lle Розали, освѣтила меня своимъ электрическимъ фонарикомъ, она всегда такъ дѣлала, чтобы знать, кто вошелъ во дворъ отеля... Однако, мелькнуло у меня въ головѣ, какой знаменитый архитекторъ Федоръ Сологубъ... какъ онъ быстро передѣлалъ отель m-me Португаль въ замокъ... Но замокъ, повидимому, не отель. . Оттуда вышелъ странный господинъ, съ каменнымъ, застывшимъ лицомъ... Онъ вперилъ въ меня глаза... И я началъ отступать назадъ, шагъ за шагомъ... Снова передо мною гробница Наполеона и изъ-за нея, изъ подземелья Пантеона выходятъ мертвецы—Гюго, Зола, Карно въ русской лентѣ и со звѣздой, и много другихъ... Господинъ съ каменнымъ лицомъ, жезломъ зачертилъ кругъ и мертвецы наклонили головы и перестали двигаться... И рядомъ съ господиномъ вырисовалась тонкая, тонкая фигура голой Алкиной, она била себя хлыстомъ и протянула мнѣ билетикъ, усыпанный трупными червями, на премію за „Навьи Чары"...

И вспомнилъ я Метерлинка, Уальда, Гюисманса, вспомнилъ монографіи знаменитыхъ авантюристовъ шарлатановъ, вызывавшихъ тѣни мертвыхъ и показывавшихъ знаменитымъ красавицамъ зеркала, дѣлавшія ихъ старухами, и продѣлывавшихъ фокусы, граничившіе съ уголовщиной, авантюристовъ шарлатановъ, развлекавшихъ знать въ XVII, XVIII и даже въ началѣ XX столѣтій, и вспомнилъ я Шерлока Холмса и Ната Пинкертона, и вспомнилъ я знаменитое чернокнижіе, называвшееся „Алхимо-біософическо-пенизо-вульфическія пути Человѣка", или еще „Астроле-теософическая наука"... И стало мнѣ стыдно, передъ тѣнями знаменитыхъ мертвецовъ, за Федора Сологуба... Ко мнѣ близко придвинулъ свое бритое, щетинистое лицо Островъ...

— Послушайте Островъ, вѣдь это все фокусы и балаганъ...

— Да, сударь, пожалуй, что и такъ...

Каменное лицо господина начало оживать... Я вижу, что предъ мною стоитъ только жалкій фигляръ, съ печатью художественнаго атавизма на лицѣ...

И весь фонъ, на которомъ разрисованы „Навьи Чары", съ его дубовытымъ, гнетущимъ, семинарско-декаденскимъ жаргономъ, мѣстами раздражающимъ васъ, точно приставшая къ рукамъ липкая жидкость, отъ которой никакъ не избавиться, или точно скрипучее колесо, и вся картина разрисованная на этомъ фонѣ, казались мнѣ чѣмъ-то нелѣпо-безобразнымъ, безжизненнымъ, лживымъ и вдобавокъ размазаннымъ безконечными повтореніями одного и того же настроенія, которое подъ конецъ приводитъ васъ тоже только въ раздраженіе... И я отвернулся отъ Алкиной и не взялъ изъ ея рукъ билетика на премію... И потянулись всѣ изъ „Навьихъ Чаръ", по Навьимъ тропамъ, и казалось Навьи тропы исчезали далеко,

далеко на горизонтѣ, гдѣ въ золотистомъ туманѣ вырисовывались деревья Итальянскаго бульвара...

И новая группа... Впереди улыбающаяся Люба... Она держала за руку Алексѣя или Семена, который вперилъ въ неопредѣленную высь свое мучительно-безстрастное лицо... И слѣды послѣдней, ненужной, кошмарной, безсмысленной борьбы—въ одной ноздрѣ окурокъ отъ папиросы охранника, которую тотъ счелъ нужнымъ погасить именно въ ноздрѣ, а въ другой ноздрѣ окурокъ сигары пристава, который нашелъ, что охранникъ поступилъ остроумно...

— Миленькій ты мой, возьми билетикъ... Вѣдь, правда же, стыдно быть хорошимъ, когда я плохая... Да!.. Какъ же ты-то можешь быть хорошимъ, когда я плохая...

Я поцѣловалъ руку Любѣ и она не плюнула мнѣ въ лицо. Такъ-то оно такъ, да только, если бы всѣ были хорошими, тогда бы не было плохихъ... И если бы стали всѣ плохими, тогда бы не существовало и слова „хорошій"... Тутъ-то и царитъ тьма, въ которой человѣчество ищетъ путей къ свѣту... И мнѣ казалось, что патронъ Любы переживаетъ вторую молодость... Ни одно изъ нарисованныхъ имъ полотенъ не блистало такимъ дивнымъ мастерствомъ, такою яркостью душевныхъ красокъ, такою силою творчества, какъ „Тьма"... Мѣстами—это дивныя скульптурныя группы. Мѣстами захватывающій реализмъ образомъ, хотя вы чувствуете, что художникъ хотѣлъ лишь дать символъ бѣшенаго, стихійнаго кошмара жизни... Чарующая красатой, правдой и потрясающимъ трагизмомъ жизни, картина...

— Миленькая Люба! Впереди я еще скажу много, быть можетъ, и непріятнаго, твоему патрону, но скажу то, что будетъ казаться мнѣ правдой... Говорятъ, что тѣ, кого хоронятъ при жизни, долго живутъ... Я похоронилъ огромный талантъ Л. Андреева... Я радъ, что онъ ожилъ и притомъ тою своею стороною, передъ которою я преклоняюсь...

Я взялъ у Любы билетикъ, неопредѣленнаго цвѣта, перевязанный накрестъ густымъ крепомъ, съ висящими по угламъ бѣлыми шелковыми лентами и бросилъ его вверхъ...

Билетикъ медленно, медленно поднимался, кружился и исчезалъ...

Вотъ онъ попалъ въ полосу яркаго солнечнаго луча, запылалъ и скрылся изъ глазъ...

Я проснулся...

XVIII.

Я уже указывалъ, что въ нашемъ „обществѣ" идетъ чрезвычайно быстро смѣна различныхъ психологическихъ переживаній... Чуть-ли не каждые 2—3 мѣсяца появляются „новыя полосы"... Одной изъ такихъ „полосъ" я посвящаю настоящую главу,—эта полоса „исканіе самихъ себя" и „путей жизни" на почвѣ религіозныхъ проблемъ...

Я вынужденъ подойти къ „современности“ нѣсколько издалека. Но пусть читатель особенно не пугается — я не заведу его въ какой-нибудь туманный лабиринтъ, изъ котораго уже затѣмъ и самъ не съумѣю выбраться, и запутаю довѣрчиваго читателя.

Что такое религія?...

На этотъ вопросъ каждый можетъ отвѣтить только про себя...

Исканіе „самихъ себя“ и „путей жизни“ обыкновенно начинается неудовлетворенностью окружающей дѣйствительностью и не только дѣйствительностью, сопровождаемой всѣми ужасами жизни, но и дѣйствительностью, открывающей перспективы къ возможнымъ радостямъ и гармоніи земной жизни...

Мы ищемъ „самихъ себя“ въ безсмертіи и ищемъ „пути жизни“, ведущіе къ вѣчности...

Достоевскій сказалъ гдѣ-то (къ сожалѣнію, я не могу разыскать сейчасъ этого мѣста въ его безсмертныхъ, обширныхъ литературныхъ памятникахъ и привести полностью), что ужасы земной жизни — нищеты, порабощенія, надругательства жизни надъ человѣкомъ — кажутся *намъ, посторонним зрителямъ*, чѣмъ-то потрясающимъ, великимъ, требующимъ и подвиговъ и самопожертвованій для облегченія всего этого путемъ переустройства самой земной жизни... Все это ложь!.. Не понимаютъ заблуждающіеся люди, что *такой человѣкъ* въ самой нищетѣ, и въ самомъ порабощеніи и надругательствѣ надъ нимъ жизни — видитъ лишь великую радость, если онъ своею страдающею душою, сможетъ возвыситься до воспріятія небеснаго, до вѣчной, высшей, величественной правды, которая ему раскроется въ вѣчной жизни, послѣ кратковременнаго путешествія въ земной юдоли...

„Буди, буди“, — шепталъ Достоевскій...

Внесъ-ли что-нибудь новое въ эту формулу Вл. Соловьевъ? Онъ но ваго не внесъ ничего... Онъ раздвинулъ только рамки... Онъ хотѣлъ связать небесное съ земнымъ, онъ хотѣлъ въ земномъ найти высшую, вѣчную справедливость, которой небесное величіе, небесная вѣчная жизнь, съ ея могущественной правдой и справедливостью, были бы только продолженіемъ... Онъ раздвинулъ рамки міровой проблемы славянства, какъ носителя въ земной юдоли началъ вѣчной справедливости на основѣ православія, или лучше — христіанскихъ началъ, не испорченныхъ западничествомъ, и въ тоже время не отрицавшихъ и высшей культуры. Но такая идея не была чужда, хотя и смутно рисовалась Достоевскому... Мрачная эпоха безвременья душила страшнымъ кошмаромъ и трагизмомъ эти великія, надрывавшіяся безплоднымъ мученичествомъ, души...

Но въ какой же мѣшокъ прикажете спрятать всю современную, интернаціональную, людскую борьбу и безконечныя мучительныя поиски общаго счастья и общаго умиротворенія всѣхъ поголовно человѣческихъ душъ?..

Левъ Толстой растопталъ навсегда идею славянства и *западни-*

ческаго славянофильства на основѣ православія... Онъ по своему распуталъ клубокъ общечеловѣческихъ исканій „себя“ и „путей жизни“, ибо человѣчество искало и мучилось, и въ прошломъ, и въ настоящемъ, и надолго обречено еще къ поискамъ въ будущемъ, не въ рамкахъ опредѣленныхъ національностей, а въ рамкахъ индивидуальнаго человѣка... Христіанскія начала въ ихъ чистомъ, кристаллическомъ видѣ—просты, совершенны, носятъ высшую правду и справедливость и не чужды другимъ не христіанскимъ религіямъ... Не отрицая спасенія и совершенствованія (даже и не совершенствованія, а лучше сказать закрѣпленія того, что въ душѣ каждаго человѣка уже теплится и можетъ всегда возсіять великимъ свѣтомъ) человѣчества въ Богѣ, Левъ Толстой въ тоже время отводитъ самое почетное мѣсто земному и думаетъ, что „Царство Божіе“ въ насъ, и у насъ же, живыхъ, можетъ создаться безсмертіе и вѣчная жизнь. Левъ Толстой несомнѣнный мистическій анархистъ, но въ высшемъ и лучшемъ смыслѣ этого слова. Тамъ, гдѣ онъ отрицаетъ и разрушаетъ—онъ реалистъ и стоитъ на прочномъ фундаментѣ конкретныхъ формъ жизни; тамъ же, гдѣ онъ пытается искать положительное и созидаетъ—онъ несомнѣннѣйшій утопистъ и мистикъ. И проповѣдуя для всего человѣчества, самъ онъ трагиченъ потому, что одинокъ, какъ путникъ въ пустынѣ...

Нѣсколько особнякомъ стоитъ Д. Мережковскій — но о немъ нельзя не упомянуть... Д. Мережковскій засѣлъ вплотную за разрѣшеніе тѣхъ же проклятыхъ вопросовъ, исканія „самихъ себя“ и „путей жизни“ и повидимому силится внести пробѣлъ въ недоговоренное, или туманно высказанное Достоевскимъ. И у Д. Мережковскаго это выходитъ немножко комично... Онъ заблудился въ прекрасныхъ, розовыхъ дебряхъ первыхъ вѣковъ христіанства, когда культъ христіанства представлялся единственно живымъ, яркимъ свѣточемъ, двигавшимъ народы по пути совершенствованія, не только въ духовномъ смыслѣ, но и въ общечеловѣчески *культурномъ* смыслѣ. И, стоявшіе во главѣ такого совершенствованія, святые сіяли, нужно отдать имъ справедливость, своею высокою духовною красотою; многіе изъ нихъ были совершенны... Но Д. Мережковскій, убаюканный всею поэтическою прелестью и красотою невозвратнаго прошлаго, проспалъ много историческихъ вѣковъ, а проснувшись и оглянувшись кругомъ, началъ съ грустью доказывать, что нынѣшніе святые его совсѣмъ не удовлетворяютъ... Да, Д. Мережковскій, кто же не знаетъ, чего стоятъ святые послѣдней фабрикаціи? Невѣжество, психозъ, признаніе всѣхъ заблужденій міра, преклоненіе (не только признаніе) передъ властью, богатствомъ и пр., и рядомъ—аскетизмъ, недоѣданіе, истязанія... Но на той почвѣ, на которой стоитъ Д. Мережковскій ровно ничего не создашь и не скажешь новаго, и если бы даже самъ Д. Мережковскій съ своими поклонниками сдѣлались святыми, все же человѣчество такимъ путемъ, не придетъ къ общему „миру“ и „счастью“...

Анархисты всякихъ степеней и марокъ несомнѣнно отрицаютъ и государственность, и правовыя нормы, и религію. Но никто съ такою пылкостью не стремится создавать заманчивые, идеалистически-романтическіе культы, культы, граничащіе по своему обману, съ культомъ откровенія, какъ анархисты!.. Пріятно, уютно и тепло жить въ розовой дымкѣ недосягаемаго индивидуалистическаго совершенствованія... Пока-то улита ѣхала!..

Ф. Ницше—одинъ изъ выдающихся геніевъ анархизма, анархизма оригинальнаго, не имѣвшаго связей съ прошлымъ, оторваннаго отъ текущей дѣйствительности и не имѣющаго никакихъ конкретныхъ перспективъ въ будущемъ... Съ непонятнымъ, совершенно свѣжимъ. остервенѣніемъ онъ набросился на начала христіанства и сталъ громить ихъ, какъ начала агрессивныя и задерживающія высшую культуру. Если вы чувствуете трагедію его души, такъ только потому, что вы ясно видите, какъ онъ вырываетъ глубоко вросшіеся въ немъ куски своихъ прежнихъ вѣрованій, вырываетъ ихъ съ мясомъ и кровью и топчетъ безъ колебаній... Но все же, нельзя закрыть глаза на то, что дверь, въ которую онъ ломится съ такою искреннею яростью давно уже не только открыта, а снята съ петель, разрублена на куски и сгорѣла въ каминѣ, около котораго грѣлся Вольтеръ съ энциклопедистами... Великая французская революція навсегда покончила съ мистическою поэзіею средневѣковаго культа и человѣчество возвратилось къ земной поэзіи, ею живетъ и ею движется, главнымъ образомъ... Обратная борьба, тренія, застой—это дѣло временное и преходящее... Но возврата къ прошлому нѣтъ. И не будетъ никогда!..

Растоптавши одинъ, какъ ему казалось, обманъ—Ф. Ницше началъ сооружать вмѣсто него другой обманъ. Человѣческое стадо не можетъ жить безъ авторитета, безъ культа, предъ которыми оно по своей натурѣ и нуждается преклоняться и благоговѣть. Ницше созидаетъ авторитетъ и культъ въ особой породѣ геніевъ — сверхъчеловѣковъ. Этотъ новый Олимпъ и долженъ служить высшимъ благомъ и утѣшеніемъ для стада просто человѣковъ... Въ своей наивной простотѣ Ф. Ницше забылъ, что самъ Богъ разрѣшаетъ людямъ сомнѣваться, ибо только одно сомнѣніе и приводитъ къ правдѣ... Онъ забылъ, что Богъ, окруженный ангелами, не истребилъ, а позволилъ жить, отпавшему изъ ангеловъ, сатанѣ и разрѣшилъ ему смущать людей своею проповѣдью ниспровергать авторитетъ самого Бога... Онъ забылъ, что человѣческое стадо рушило до тла авторитеты и Олимпы во имя высшей справедливости и равенства, и ничто не могло бы удержать стадо просто человѣковъ разгромить созданный Ф. Ницше Олимпъ сверхъчеловѣковъ... На что же оставалось опереться?.. Отвѣтъ ясенъ —прямо съ неба пришлось бы ринуться на землю, въ объятія желѣзныхъ кулаковъ своего земляка Бисмарка... Но тогда незачѣмъ было и вавилоны разводить...

В. Розановъ въ припрыжечку и пѣтушкомъ тоже гонится по стопамъ Ф. Ницше и гремитъ и трещитъ, что его, В. Розанова начала христіанства никакъ удовлетворить не могутъ, ибо они мѣшаютъ высшему возрожденію

человѣчества въ культурномъ смыслѣ. Но страннымъ образомъ, въ уголкахъ его души вы видите нѣчто другое—въ одномъ уголкѣ теплится, едва мерцая, лампадочка съ деревяннымъ маслицемъ, а въ другомъ — просфорочку съ воткнутою восковою свѣчечкою...

Нельзя обойти молчаніемъ и Оскара Уальда. Въ послѣднее время онъ являлся вдохновителемъ нашихъ декадентовъ не только въ художественномъ отношеніи, но и въ идейномъ. Анархистъ-ли Оскаръ Уальдъ? Несомнѣнно, ибо вы не найдете двухъ анархистовъ, которые были бы похожи другъ на друга. Область романтики и розовыхъ мечтаній—безгранична и гдѣ вздумаетъ остановиться одинъ анархистъ и куда унесется, превыше остановившагося, другой анархистъ—развѣ мы можемъ знать?..

Оскаръ Уальдъ весьма любопытный образчикъ анархическаго межеумства. Его выдвинулъ совершенно особый складъ англійской жизни... Анархистъ Оскаръ Уальдъ въ то же время и соціалистъ. Что подѣлаешь. Ультра-капитализмъ Англіи никакъ не располагаетъ къ возврату въ лоно пастушеской поэтической жизни...

Работать—фуй, восклицаетъ Уальдъ, на это машины есть и будетъ соціализмъ... Люди въ будущемъ только будутъ наслаждаться жизнью и никакихъ формъ государственности, правовыхъ нормъ и принужденія не должно быть... Всѣ будутъ одинаково мудры... На чемъ опереться въ настоящемъ?.. Безразлично!.. Ну хоть на христіанствѣ—оно прочный фундаментъ для совершенствованія въ индивидуализмѣ... Ну а соціализмъ? Безуміе—соціализмъ! Соціализмъ, чтобы не работать, и все бы только машинами.,. Вотъ и все!.. А если обязательная работа, 5—6 часовъ—слуга покорный! Никогда этому не бывать!... Все равно—кто бы вы ни были—ну пастухъ, рабочій, поэтъ, ученый... Созерцайте, будьте самимъ собою, охраняйте вашъ индивидуализмъ, совершенствуйтесь въ немъ... Больше ничего не нужно!.. Состраданіе, благотворительность—глупость, безсмыслица... Пусть борятся и отстаиваютъ—въ этомъ красота! Красивѣе, когда крадетъ, чѣмъ проситъ милостыню... А впрочемъ, теперь и воры какіе-то сѣренькіе, шаблонъ, никакой поэзіи и красоты!.. Христіанство вамъ представляется изувѣрствомъ въ среднихъ вѣкахъ? Да?.. Это правда... Христіанство не могло способствовать развитію индивидуализма, оно убивало личность!.. Но въ средневѣковомъ мистицизмѣ чувствуется все же чарующая прелесть!.. А какая чудная жизнь будетъ въ будущемъ—всѣ будутъ одинаково мудры, но не будутъ похожи другъ на друга,—каждый будетъ жить своимъ особымъ міромъ, не нужно будетъ обращаться къ прошлому, незачѣмъ заглядывать въ будущее, и только жить радостями и наслажденіями настоящаго... И не будетъ земли, и всѣ будутъ жить въ розовыхъ облакахъ подъ лазуревымъ небомъ и — творить, творить... И наступитъ безсмертіе и вѣчная жизнь!

Нужно-ли создавать особый культъ, культъ неизбѣжно романтическій, для соціалистовъ? Мнѣ представляется, что въ этомъ нѣтъ никакой нужды, ибо соціализмъ не есть культъ, а весьма конкретная и реальная форма

высшей справедливости экономическихъ отношеній. Соціализмъ не придетъ сразу—онъ явится въ результатѣ постепенной, будничной и сѣрой смѣны, все болѣе приближающихся къ высшей справедливости формъ жизни...

Не такъ думаетъ „нашъ" блестящій критикъ и публицистъ Луначарскій. Онъ силится начертать религію будущаго на фундаментѣ соціализма...

Религію создавали Руссо, Фурье, Сенъ-Симонъ, Робертъ Оуенъ и многіе другіе мыслители и философы. Но все это созиданіе осталось лишь пустымъ времяпрепровожденіемъ и, сдано, какъ хламъ, въ архивъ и не оказало на человѣческое развитіе никакого вліянія. Многіе соціалисты, если не ошибаюсь въ томъ числѣ Вейтлингъ и Меслеръ, пытались доказывать необходимость насильственнаго уничтоженія религій, но и эта затѣя была лишь ненужнымъ рискомъ, такъ какъ вносила раздоръ въ ряды своихъ же единомышленниковъ...

Луначарскій поражаетъ меня странною своею энциклопедичностью—онъ точно какая-то ходячая энциклопедія только и сыпетъ цитатами изъ разныхъ мыслителей. Такой-то мыслитель сказалъ то-то, другой—то-то и такъ безъ конца. Самъ же Луначарскій говоритъ отъ себя весьма мало... Мыслители говорили, ибо они думали, несомнѣнно... Въ итогѣ—будущая религія навела меня на мысль, что Луначарскій, сдѣлавши еще два—три взмаха крыльями—легко можетъ очутиться въ лонѣ розовыхъ облаковъ, подъ лазуревымъ небомъ, среди идеалистически-индивидуалистическаго Олимпа, ибо и его доняли уже наконецъ наши Люциферы—Л. Андреевъ и Ф. Сологубъ—и онъ началъ понемногу бредить и говорить объ одиночкахъ, каковыя намъ нужно сбросить съ себя и объ смертной тоскливости передъ сознаніемъ, что онъ, Луначарскій, лишь прахъ и отыдетъ въ прахъ *)...

Я вынужденъ отвлечься нѣсколько въ сторону...

...Вилась зигзагами и петлями дорога, мѣстами съ небольшими подъемами, мѣстами съ крутизнами и пропастями, и исчезала далеко, далеко на горизонтѣ, окутанномъ цвѣтнымъ закатомъ солнца, то вспыхивавшимъ туманнымъ пламенемъ пожара, то прорѣзываемымъ ярко-кровяными полосами. Шли толпы. Иныя медленнымъ ровнымъ шагомъ, не сворачивая съ пути и не сбиваясь съ него, подвигались къ туманной дали, другія съ непонятною, нервною торопливостью искали обходовъ, на прямикъ, и то и дѣло попадали—или въ топкое болото, захлестывавшее ихъ съ неумолимою безстрастностью и холодностью смерти, или обрывались въ пропасти, страшныя объятія которыхъ были равны для всего—умъ, талантъ, молодость, величіе правды и справедливости, могущество свободы—гибло все въ этихъ объятіяхъ... По дорогѣ двигались два человѣка, и тихо и любовно обмѣнивались своими мыслями о далекой туманной дали, въ которой исчезалъ ихъ путь... Одинъ изъ нихъ былъ итальянецъ синдикалистъ А. Лабріола, другой—русскій публицистъ, большевистскаго толка, А. Луначарскій... На

---

*) „Театръ". Нов. кн. о театрѣ.

дорогѣ они увидѣли скелетъ... Всѣ, кто проходилъ по дорогѣ, ведущей въ туманную даль, непремѣнно натыкались на этомъ скелетъ и подолго останавливались надъ нимъ и изучали его во всѣхъ подробностяхъ...

Скелетъ былъ мѣстами поисточенъ червями, и время успѣло наложить на него печать тлѣнія—не хватало иныхъ пальцевъ, отвалились и покрылись пылью нѣкоторыя части лицевыхъ костей, грудной клѣтки, не хватало и еще нѣсколькихъ костей изъ другихъ частей скелета... Но всѣ, кто изучалъ скелетъ, приходили къ заключенію, что скелетъ долженъ принадлежать гордому и величественному по красотѣ—своею духовною и физическою гармоніею - человѣку туманной дали... И пробовали многіе оживлять скелетъ... Многіе мыслители пытались облечь скелетъ въ живые мускулы, вкладывали въ его черепъ мозгъ въ его внутреннія полости—легкія, сердце, желудокъ, кишки и всѣ остальныя внутреннія органы, заставляли его дышать и жить—и онъ порожалъ всѣхъ своимъ величіемъ и красотой, и наполнялъ туманную даль прелестью и радостью жизни... Но такіе мыслители, какъ Бебель, Каутскій и даже Жоресъ—не спорили между собою о томъ, какой носъ долженъ быть у этого величаваго человѣка—римскій или картошкой, и слѣдуетъ ли придать его мускуламъ больше эластичности, или подбавить жирку,—они говорили, что тѣ, кто ближе насъ будетъ къ туманной дали, кто будетъ уже у порога ея—лучше будутъ знать какимъ носомъ—надѣлить человѣка, или какимъ носикомъ, грудью и бедрами его спутницу... И только тупые умомъ и убогіе душой спорятъ объ этомъ, впадая въ утопію и праздныя фантазіи...

И наклонились надъ скелетомъ итальянецъ А. Лабріола и русскій А. Луначарскій и начали переворачивать скелетъ во всѣ стороны... Итальянецъ предложилъ скелетъ передѣлать заново...

— Понюхайте! Затхлью такъ и несетъ, говоритъ Лабріола, доставая душистую сигаретку...

— Попахиваетъ здорово, покачалъ головою Луначарскій и закурилъ „Царскую"...

— Тащите мясо, внутренности, мозгъ, да захватите ведерки двѣ крови,—приказалъ итальянецъ русскому,—а я, тѣмъ временемъ, постараюсь освѣжить скелетъ и кое-что въ немъ передѣлаю...

— Прекрасная и геніальная идея, которая и могла только родиться въ головѣ того, кто имѣетъ среди своихъ предковъ честнаго народнаго трибуна Гарибальди, и честнаго трагическимъ мужествомъ Мацциниі, восторженно согласился Луначарскій...

Покуривая сигаретку и напѣвая французкую шансонетку, Лабріола началъ передѣлывать скелетъ—оторвалъ ноги, оторвалъ руки, оторвалъ черепъ, отломилъ тазовыя кости и задумался наконецъ, гдѣ бы еще что отломать и оторвать, но твердо сказалъ себѣ подъ носъ: „c'est fini"... Долго думалъ, и началъ складывать затѣмъ скелетъ заново...

Приколотилъ руки вмѣсто ногъ, приколотилъ ноги вмѣсто рукъ,

черепъ прилепилъ между ногами, тазовыя кости прибилъ между рукъ, весело улыбнулся и сталъ поджидать Луначарскаго...

А русскій Луначарскій, памятуя Шекспировскаго шута, весело напѣвалъ то изъ французской оперетки, то изъ русской, и попыхивая папироской натаскалъ всего — и мускуловъ и внутренностей, и мозга, и крови... Итальянецъ накладывалъ мускулы и сшивалъ ихъ бѣлыми нитками, а русскій обводилъ по швамъ тесемкой и приколачивалъ блестящими гвоздиками. Напихали вдвоемъ—желудокъ и кишки въ черепъ, мозгъ, въ тазовыя кости, напихали всѣ остальныя внутренности внутрь скелета... Вспрыснули кровью, налили крови внутрь и подняли человѣка, состряпаннаго для туманной дали... Человѣкъ прошелся нѣсколько шаговъ на рукахъ... Итальянецъ и русскій отъ радости даже протанцовали и пропѣли матчишъ... Человѣкъ остановился и началъ окаменѣвать... Но не замѣтили этого итальянецъ Лабріола и русскій Луначарскій. Веселясь, какъ дѣти, они обрядили его въ красный плащъ, одѣли на голову красный колпакъ, всунули въ руки красное знамя и стали звать проходившія толпы и отдѣльныхъ людей поклониться и увѣровать въ человѣка туманной дали... Луначарскій вспомнилъ, что еще чего-то не дастаетъ, щелкнулъ пальцами и куда-то исчезъ... Вскорѣ возвратился съ полными руками всякихъ предметовъ... Итальянецъ поглядѣлъ и одобрилъ... Русскій одѣлъ человѣку очки на животъ и подставилъ „Капиталъ“ Маркса; воткнулъ въ одно глазное яблоко вилку, а въ другое ножъ и подставилъ тарелку съ дымившимся бифштексомъ... И еще веселѣе стало и итальянцу, и русскому...

Проходилъ по той же дорогѣ русскій Шекспиръ Чириковъ, и подошелъ къ человѣку, увѣровалъ, и разбилъ себѣ лобъ о камень...

И проходилъ безъ пути, прямою дорогою, бездарнѣйшій русскій публицистъ Ленинъ, и съ нимъ толпа учениковъ... Подошелъ Ленинъ къ человѣку, долго осматривалъ его, качалъ головою и какъ-будто сомнѣвался, а потомъ понемножечку сталъ стукаться и разбивать себѣ лобъ о камень, а за нимъ ученики его бухались, уже безъ колебаній, объ человѣка и разламывали свои черепа о камень... И проходилъ тою же дорогою даровитый старикъ Г. Плехановъ, а съ нимъ толпа его учениковъ; остановился и онъ передъ человѣкомъ, состряпаннымъ Лабріолою и Лучанарскимъ, долго выщупывалъ у него мускулы и кости, и наконецъ спокойно и холодно сказалъ: „Господа, да вѣдь это не человѣкъ туманной дали, а только каменный истуканъ“... И въ доказательство онъ пнулъ человѣка ногой...

Человѣкъ упалъ и разсыпался на каменные куски, взвылось надъ нимъ небольшое облако пыли, и когда пыль разсѣялась—всѣ увидѣли опять тотъ же скелетъ, стройный, гармоничный, и мѣстами попорченный тлѣніемъ временъ...

Выругался, по итальянски, Лабріола и побѣжалъ тяпать новаго истукана, почесалъ затылокъ, по русски, Луначарскій и пошелъ искать будущую религію...

Долго онъ путался въ лабиринтѣ мыслей представителей разныхъ научныхъ дисциплинъ,—вся глубина геніальныхъ эксперименталистовъ, философовъ, представителей искусства, сводилась у него къ случайно выхваченнымъ пятнадцати, двадцати строкамъ, часто противорѣчившимъ и путавшимъ другъ друга,—но его зоркій умъ не упускалъ изъ виду, хотя бы случайныхъ намековъ, и вскользь брошенной мысли, и старался свести все это къ одному—всѣ дороги ведутъ въ Римъ—къ религіи будущаго, зародышемъ которой въ настоящемъ является идеалогія теоретическаго пролетаріата...

И вышелъ изъ лабиринта А. Луначарскій, напоминая собою шарманщика и вмѣстѣ барабанщика, который одной рукой игралъ на шарманкѣ, другой билъ въ барабанъ, одной ногою прижималъ педаль и раздавались звуки ударявшихся мѣдныхъ тарелокъ, другой ногой прижималъ педаль—и звенѣлъ проволочный треугольникъ, и мѣрно покачивалъ головой, на которой одѣтъ былъ колпакъ, унизанный всевозможными погремушками...

И вышелъ и прочелъ резолюцію будущей религіи:

Принимая во вниманіе, что къ моменту образованія будущей религіи останется въ живыхъ лишь одна раса сознательныхъ товарищей пролетаріевъ (а такая теоретическая проблема блестяще подтверждена практическимъ осуществленіемъ соціалистическаго строя на Марсѣ [1]), всѣ прочія же расы—буржуазная и мелкобуржуазныя (крестьянская раса и раса мелкаго городского мѣщанства), подверженныя нынѣ медленному вымиранію, къ тому моменту будутъ представлять собою лишь историческую справку,—нынѣ можно уже намѣтить этапы, по которымъ будетъ двигаться и развиваться религія будущаго. Этапы эти тѣсно связаны съ этапами роста сознательности нынѣ борющейся теоретической пролетарской расы. Въ этомъ смыслѣ теоретическая пролетарская раса можетъ быть раздѣлена на три части:

Къ первой части пролетарской расы относятся товарищи пролетаріи, которые думаютъ также, какъ думаетъ русскій публицистъ Луначарскій, итальянскій соціалистъ Лабріола, французскій соціалистъ Эрве, Ленинъ и вообще большевики—эту часть пролетаріата можно назвать религіозной.

Ко второй части пролетарской расы относятся товарищи пролетаріи, которые застряли на второмъ религіозномъ этапѣ, ибо они думаютъ какъ Плехановъ, Бебель и вообще меньшевики—поэтому они могутъ почитаться лишь полурелигіозными, и наконецъ:

Къ третьей части пролетарской расы относятся товарищи пролетаріи, которые ни о чемъ не думаютъ, и поэтому могутъ быть отнесены

---

[1]) Читатель объ этомъ узнаетъ изъ дальнѣйшаго.

къ самому послѣднему религіозному этапу—и отрѣшаются вовсе отъ религіи— они не религіозны...

Но что же дѣлать намъ, живымъ и ходячимъ остаткамъ, хотя бы и вымирающихъ рассъ?!.. Мы совершенно лишены религіи Луначарскаго, и это прямо-таки жестоко, если принять во вниманіе наше трагическое, медленное вымираніе... Нѣтъ даже проблеска утѣшенія!.. Во-первыхъ, о научныхъ дисциплинахъ. Къ чему понадобилось Луначарскому производить шумъ, трескъ, блескъ и бутафорію по поводу экспериментальныхъ знаній. Каждый знаетъ теперь, что глубины научныхъ изслѣдованій огромны—десятки тысячъ людей работаютъ медленно и съ скромнымъ упорствомъ надъ научными изслѣдованіями—въ лабораторіяхъ, экспериментальныхъ институтахъ, обсерваторіяхъ и кабинетахъ... И каждый знаетъ, что теперь генію *легче* работать по наукѣ, но безъ огромнаго, упорнаго труда, будничнаго и сѣраго—онъ съ неба звѣздъ не стащитъ и въ карманъ не положитъ, будь у него хоть 35 геніевъ, въ головѣ. И каждый знаетъ, что если изучавшій съ упорствомъ бактеріологію или экспериментальную физіологію и психологію, заговоритъ о философіи—Кантѣ, Гегелѣ (я говорю для примѣра, только)—онъ можетъ и спотыкаться въ этой области и нѣтъ въ этомъ ничего удивительнаго... Будетъ-ли въ будущемъ такая спеціализація въ научныхъ дисциплинахъ? Мнѣ представляется, что да—каждый по своей склонности будетъ изучать побольше тѣ научныя дисциплины, какія ему больше по душѣ... Мнѣ думается, что тоже можно сказать и по поводу искусства—искусство требуетъ огромнаго, будничнаго, сѣраго труда—для подготовки... И идеалогія искусства, которое создастъ теоретическій пролетаріатъ,—тупоумное заблужденіе и только. Нужно, чтобы трудящіяся массы и въ томъ числѣ пролетаріатъ, возвысились до общечеловѣческаго искусства... Далѣе. Опытныя знанія пока болѣе распространены среди привилегированнаго класса. Благодаря опытнымъ знаніямъ, главнымъ образомъ, вмѣсто культа откровенія — появилось невѣріе. Привилегированные классы давно поняли, что небесное въ туманѣ, а земное—подъ руками и пользуются имъ во всю. Культъ откровенія, съ небеснымъ туманомъ и со всѣми прелестями, которыя сулитъ этотъ туманъ—оставленъ въ удѣлъ тѣмъ, кто обдѣленъ земными благами, и привилегированные классы отстаиваютъ необходимость такого культа въ утѣшеніе для трудящихся массъ. Но опытныя знанія являются въ настоящее время основою богатства народовъ. Опытныя знанія нужны и крестьянину, и мелкому мастеру, и фабричному рабочему. Раціональная школа—это благо равное для всѣхъ. Пропасть между привилегированными классами и трудящимися массами, благодаря опытнымъ знаніямъ, мало-по-малу вовсе исчезнетъ. Но причемъ тутъ теоретическая пролетарская раса — для меня вовсе непонятно... И тѣмъ не менѣе привилегированные классы не удовлетворяются опытными знаніями и въ своемъ невѣріи не находятъ успокоенія... Они „ищутъ себя"... Луначарскій скажетъ, что теоретическій пролетаріатъ искать себя не будетъ—ложь!.. Лич-

ныя несчастья, физическое уродство, болѣзни, смерть, неудовлетворенность на почвѣ неизбѣжныхъ злыхъ случайностей жизни и масса другихъ причинъ заставятъ и отдѣльныхъ представителей пролетаріата пуститься въ „поиски себя“... Религія — вопросъ трудный для разрѣшенія, я бы сказалъ—вопросъ интимный... Вотъ почему Марксъ, имѣвшій маленькія уши генія, о немъ говорилъ сдержанно, ибо онъ вѣрилъ, что Дарвинъ или Пастеръ, были искренни, когда говорили, что они вѣрятъ въ Божество...

Но есть общечеловѣческое религіозное чувство — любовь, основа прошлаго, настоящаго и будущаго гуманитарнаго человѣка. Это религіозное чувство безконечно въ своемъ совершенствованіи... Это-то чувство, которое подмѣтилъ французскій соціалистъ Эрве у нѣмецкихъ соціалистовъ и которое ему, какъ нерелигіозному человѣку, показалось чѣмъ-то жалкимъ—„мѣщанскимъ добродушіемъ“, — какъ онъ выразился на съѣздѣ въ Штутгартѣ... Мерингъ, въ своей исторіи нѣмецкихъ соціалистовъ [1]) сводитъ это „мѣщанское добродушіе“ къ слѣдующему: „...Мы разумѣемъ—духъ общественности, благожелательность, снисходительность, трудолюбіе, умѣренность, скромность“. Черты истинной человѣчности, за которыми слѣдуетъ признать наличность громаднаго прогресса, имѣющаго для культуры человѣчества неизмѣримо большее значеніе, чѣмъ когда-либо имѣли для нея догматы всѣхъ религій и ученія всѣхъ философовъ...

Ошибался Л. Толстой, когда думалъ, что жить „по-Божьи“ можно только въ условіяхъ примитивнаго труда, ибо думалъ, что культура и прогрессъ должны совершенно извратить душу человѣка. Ошибаются глубоко и тѣ, кто думаетъ, что только теоретическій представитель пролетарской расы носитъ въ своей душѣ „искру Божью“ — любовь. Носятъ ее въ душѣ и другіе представители трудовыхъ массъ. Черты истинной человѣчности, я соглашаюсь съ этимъ, развиваются въ большей степени среди пролетаріата, благодаря особому складу его жизни, но такое признаніе не оправдываетъ созданія особой непогрѣшимой пролетарской догмы и идеалогіи, дальше которыхъ нѣтъ уже ничего, кромѣ пустыни и вымиранія...

Характеръ моего письма не позволяетъ мнѣ болѣе подробно остановиться на созданной Луначарскимъ религіи будущаго [2]), но тѣмъ не менѣе мнѣ показалось, что его религія какъ будто подтверждаетъ взглядъ Достоевскаго на соціализмъ, взглядъ, который я привелъ выше въ одной изъ главъ. Я думаю, что Луначарскій ошибается, какъ ошибался и Достоевскій—при свободѣ совѣсти существующія религіи отнюдь не мѣшаютъ проведенію соціализма въ жизнь...

Даже больше. Замѣна одного обмана другимъ обманомъ, по-моему, кромѣ зла ничего принести не можетъ, ибо вытѣснить религію, съ ея ми-

---

[1]) Ф. Мерингъ. Исторія Германской соціалъ-демократіи.

[2]) „Образованіе“. 1907 г. Обѣщанной книги „Религія и соціализмъ“ я еще не видѣлъ.

стической подкладкой, и подстановить вмѣсто нея будущую жизнь, изображенную въ бутафорскихъ и феерическихъ краскахъ,— это значитъ вырвать почву для ближайшихъ, реальныхъ шаговъ, понятныхъ и ясныхъ и безъ бутафоріи и феерій... А что желаніе создавать бутафорію и феерію весьма сильно среди нашихъ правовѣрныхъ догматиковъ и идеалоговъ теоретическаго пролетаріата, это подтверждается кромѣ уже указанной религіи Луначарскаго, еще однимъ довольно интереснымъ въ психологическомъ отношеніи документомъ. Документъ этотъ „Красная звѣзда", называемая авторомъ утопіей. „Красная звѣзда" написана съ удивительно убогой фантазіей, такъ какъ авторъ ея ни въ какомъ случаѣ не допускалъ и мысли отступить хоть на одинъ шагъ отъ Маркса и программы и тактики „большевиковъ" [1])

...Только-что закончилось одно изъ побѣдоноснѣйшихъ выступленій товарищей-большевиковъ вмѣстѣ съ теоретическимъ большевистскимъ пролетаріатомъ... Еще дымился кровавый туманъ... У товарищей Леонида и его сожительницы Анны сжималось тоской сердце, такъ какъ результатомъ побѣдоноснѣйшаго выступленія было полное пораженіе и разгромъ... Говорили о возобновленіи связей съ югомъ, сѣверомъ, востокомъ и западомъ... Отворилась дверь и на порогѣ появился товарищъ съ юга — Мени, стройный, съ интеллигентнымъ лицомъ, но съ загадочнымъ взглядомъ изъ-подъ темныхъ, даже почти черныхъ очковъ... Поговорили о положеніи дѣлъ на югѣ... Мени предложилъ товарищу Леониду побывать у него на квартирѣ... Загадочность Мени раскрылась—онъ оказался пріѣзжимъ съ Марса... Товарищъ Леонидъ прежде всего спросилъ у Мени, какая форма экономическихъ отношеній на Марсѣ? Оказалось, что на Марсѣ давно уже, чуть не тысячелѣтія тому назадъ, осуществленъ соціалистическій строй. Мени, сохраняя всѣ черты конспиратора, скрылъ настоящую причину своего пріѣзда на землю, и предложилъ земнымъ товарищамъ проѣхаться на Марсъ и ознакомиться съ тамошнею жизнью. Къ услугамъ имѣлся воздушный корабль, быстрота движенія котораго такъ велика, что земнымъ товарищамъ такую быстроту было трудно даже и представить.

Поѣздка на Марсъ земныхъ товарищей должна была носить интернаціональный характеръ. Рѣшили поэтому пригласить товарищей изъ западно-европейскихъ странъ. Но кого выбрать? Среди земныхъ товарищей царило сектанское броженіе. Къ счастью, товарищи съ Марса оказались по своему направленію ближе къ товарищамъ-большевикамъ. Безъ особыхъ треній состоялся выборъ. Въ экспедиціи приняли участіе: итальянецъ Лабріола, французъ Эрве, Ленинъ, Мадонна Роза Люксембургъ, Луначарскій и товарищъ Леонидъ. На воздушномъ кораблѣ товарищъ Мени познакомилъ земныхъ товарищей съ марсіанами Лени, Бени, Фени и Сени. Не теряя вре-

---

[1]) Я рѣшительно не знаю, къ какой партіи принадлежитъ авторъ „Красной звѣзды" А. Богдановъ, и если я позволяю называть вещи своими именами, то лишь на основаніи теоретическихъ положеній.

мени, пустились въ далекій путь... На воздушномъ кораблѣ—полный комфортъ. Чудное, мягкое и ласкающее освѣщеніе, мягкая, слегка покачивавшаяся мебель и прекрасное питаніе... Для Мадонны Розы Люксембургъ нашелся даже букетъ изъ красныхъ орхидей (какъ увидитъ ниже читатель, на Марсѣ вся флора окрашена только въ красный цвѣтъ)... Нашлась и бутылочка стараго бургонскаго въ утѣшеніе Луначарскаго... Въ пути на Ленина напалъ какой-то странный, атмосферный сплинъ... Тоскуя, Ленинъ справился у Мени, какъ обставлены предсказанія на Марсѣ. въ случаѣ потребуется выступленіе пролетаріата? Мени долго напрягалъ свой умъ, и наконецъ, улыбнувшись, отвѣтилъ, что уже полторы тысячи лѣтъ тому назадъ всѣ обсерваторіи такого рода уничтожены, за ненадобностью... Ленину почудилось, что изъ-подъ него вырвали почву и онъ очутился въ пустомъ пространствѣ... Онъ впалъ въ легкій обморокъ... Марсіане усадили его въ особое кресло, гдѣ онъ моментально заснулъ, а послѣ сна чувствовалъ полное обновленіе, бодрость и энергію... Въ пути не обошлось безъ трагедіи. По глупости товарищъ Леонидъ неосторожно повернулъ какой-то винтъ. Моментально Леонида перевернуло вверхъ ногами, затѣмъ снова вверхъ головою и онъ прилипъ къ стеклянной стѣнкѣ... Видѣвшій такой пассажъ, товарищъ Лени быстро отдернулъ отъ стѣны товарища Леонида и всталъ на его мѣсто, еще моментъ—онъ вскрикнулъ и поникъ головою; руки его повисли, какъ плети... На крикъ сбѣжались всѣ марсіяне — Бени, Фени, Сени и Мени... Они поняли происшедшую трагедію—спасая Леонида, Лени пожертвовалъ своею жизнью... Впрочемъ, безъ такой жертвы—гибель воздушнаго корабля была бы неминуема... Наконецъ-то показался и Марсъ... Корабль причалилъ къ Марсу. Туристовъ и туземцевъ окружили товарищи-марсіане—всѣ они носили упрощенныя имена, оканчивавшіяся на „ни"—для мужчинъ и на „ли"—для женщинъ—тутъ были Мели, Емели, Недѣли... Женщины по костюму почти не отличались отъ мужчинъ. Фигура у нихъ была такая же, грудь плоская, съ едва замѣтной выпуклостью, но бедра шире, чѣмъ у мужчинъ...

Марсъ — несомнѣнный земной шаръ... Фауны на немъ не оказалось вовсе. Флора состояла изъ низкорослыхъ, мясистыхъ растеній, окрашенныхъ въ красный цвѣтъ. Флору перекрасили товарищи-марсіане подборомъ,—какъ оказалось, на Марсѣ всѣ великія событія, вліявшія на ходъ преобразованія жизни, совершались подъ краснымъ пролетарскимъ флагомъ...

Населеніе состояло исключительно изъ сознательныхъ товарищей и притомъ, какъ явствовало изъ исторіи, къ моменту осуществленія соціалистическаго строя, всѣ расы, кромѣ пролетарской съ большевисткимъ направленіемъ, исчезли совершенно...

Земледѣлія не имѣлось вовсе, но существовала національзація земли. Фабрики были подъ землей. Машины работали безъ раздражающаго шума, напротивъ слышалась даже точно музыкальная мелодія; вентиляціи, свѣта—хоть отбавляй. Продукты питанія вырабатывались машиннымъ путемъ. Дѣтей

выкармливали искусственно. Искусственное выращиваніе дѣтей—былъ лишь вопросъ времени. Имѣлись музеи, театры, искусство, литература. Всюду преобладалъ машинный способъ—въ театрѣ, искусствѣ и даже въ литературѣ. Совершенствовались въ любви...

Но вскрылась, наконецъ, трагедія, которой современное человѣчество не знаетъ... На Марсѣ изсякли матеріалы для выработки энергіи...

Вотъ почему товарищи марсіане и рѣшили побывать на землѣ и, если это окажется возможнымъ, воспользоваться земными запасами для энергіи, необходимой Марсу... Они признались, что почти уже рѣшили истребить населеніе земного шара, казавшееся имъ варварскимъ, но при изученіи земли — они наткнулись на сознательныхъ товарищей большевиковъ и это удержало ихъ отъ немедленнаго истребленія населенія земли. Когда все это раскрылось, съ Луначарскимъ сдѣлалась легкая истерика и ему давали нюхать нашатырный спиртъ... Долго обсуждали положеніе дѣлъ. Наконецъ пришли къ такому заключенію. Земной пролетаріатъ несомнѣнно настолько подготовленъ къ осуществленію соціалистическаго строя, что съ нимъ можно еще жить на свѣтѣ, поэтому земные товарищи большевики вступаютъ въ формальный договоръ съ товарищами марсіанами и дѣлаютъ послѣднее побѣдоноснѣйшее выступленіе. На Мадонну Розу Люксенбургъ напала страшная грусть—ей все таки жалко стало, хотя и варварскихъ и обреченныхъ такъ или иначе на медленное вымираніе, но все же живыхъ человѣческихъ расъ...

Рѣшили, что товарищи Ленинъ, Луначарскій и Роза Люксембургъ съ товарищами Фени, Сени и Мели объѣздятъ мірозданіе и поизслѣдуютъ— нѣтъ-ли гдѣ свободныхъ и пригодныхъ къ заселенію земель, куда и можно было бы переселить наиболѣе многочисленную мелкобуржуазную крестьянскую расу... Товарищъ Ленинъ торжественно произнесъ: „Велика мудрость народная—Vox populi—vox Dei. Быть можетъ, въ млечныхъ путяхъ мы и разыщемъ богатыя и пригодныя къ заселенію земли-планеты“...

Часть товарищей направилась на землю, часть пустилась въ поиски въ неизмѣримыхъ небесныхъ пространствахъ... Проводы и прощанье были трогательны... Оба корабля были разцвѣчены красными флагами... Емели и Недѣли даже зарыдали...

Вотъ и земля... Закипѣла работа... Прочно скрѣплены были связи между сѣверомъ, югомъ, востокомъ и западомъ... Поджидали товарищей съ небесныхъ пространствъ... Вотъ и они вернулись, но съ пустыми руками: или на планетахъ оказывались горныя пустыни, или чудовищная растительность, съ которою мелкобуржуазной крестьянской расѣ было бы не подъ силу справиться, и только на одной Венерѣ имѣлись кое-какія пригодныя къ заселенію земли, но и то въ весьма ограниченномъ размѣрѣ... Жребій былъ брошенъ! . . . .

Кровавый кошмаръ... Истреблялись цѣлыя арміи... Никакая сила не могла сдержать напора земныхъ товари-

щей вмѣстѣ съ товарищами марсіянами... Въ небесныхъ пространствахъ двигались цѣлыя арміи, съ усовершенствованными орудіями истребленія, передъ которыми земныя орудія истребленія казались дѣтскими игрушками, хлопушками и петардами . . . .

... Корридоръ больницы. По бокамъ палаты, биткомъ набитыя больными. Кровати стояли даже въ корридорѣ. Въ кабинетѣ старшаго врача, съ раскрытыми въ корридоръ дверями, суетились сестры, фельдшера и фельдшерицы, забѣгали врачи... Одна изъ фельдшерицъ писала бланкъ... Передъ врачемъ стояла пожилая нѣмка и ломаннымъ языкомъ давала объясненія. Рядомъ съ нею дворникъ.

— Вы говорите, что она была совершенно здорова до вчерашняго утра и только вчера вы обратили вниманіе на то, что она задумчива и тосковала?.:

— Да... Она была всегда тихая, скромная и трудолюбивая... любила только лазить на чердакъ, когда были звѣздныя ночи и черезъ слуховое окно любовалась на звѣзды... А вчера цѣлый день бѣгала по комнатѣ, не хотѣла разговаривать... Сегодня утромъ стала точить ножъ... И говоритъ: „Амалія Карловна! Съ Марса къ намъ приближаются товарищи, но вы будете пощажены... Остальныхъ всѣхъ должны вырѣзать .. И забунтовала, ножемъ замаха... Я побѣжала за дворникомъ... Связали ее—я плакала, я ее очень любила, такая тихая, ласковая“ . . . .

— Странно... Это уже десятый случай заболѣваній на той же почвѣ. . Откуда взялась эта Марсова зараза? пробормоталъ врачъ. . . . . . .

Итакъ, увѣровавшій въ религію Луначарскаго, большевикъ, жизнью разбитый и расшибившій себѣ лобъ, на время затуманитъ себѣ голову фантазіями изъ надзвѣздныхъ міровъ, но надолго-ли хватитъ фантазій—жизнь не ждетъ, она душитъ его своимъ кошмаромъ, дѣйствительность ея далеко не располагаетъ жить пріятнымъ бредомъ и надеждами, что авось марсіане свалятся съ неба и заблеститъ заря... Большевикъ начинаетъ барахтаться въ пустомъ пространствѣ... Затѣмъ мало-по-малу катится подъ гору, раскрываетъ глаза и всматривается въ обреченныя имъ на вымираніе расы... Изъ тумана этихъ расъ вырисовывается во весь свой богатырскій ростъ Обыватель... Большевику онъ чуждъ... Въ его глазахъ Обыватель, правда, величина, но величина теоретическая и притомъ не живая, а лишь ходячая историческая справка... Но вотъ они встрѣтились—Обыватель и Большевикъ, а что произошло при такой встрѣчѣ, читатель узнаетъ изъ сказочки, которую я разскажу сейчасъ...

Обыватель и Большевикъ.

(Сказка-быль).

Жилъ былъ на свѣтѣ Обыватель... Кругомъ, куда не посмотри, на необозримыхъ пространствахъ жилъ все такой же Обыватель, а пролетарія и вовсе даже и признаковъ не было... И попалъ въ эти мѣста Большевикъ... Посмотрѣлъ кругомъ и говоритъ—быть не можетъ, чтобы тутъ не было пролетарія... Навѣрное да сыщется онъ гдѣ-нибудь, иначе мнѣ останется швырнуть въ печку и Маркса и Луначарскаго... и... и... запить, или умереть „безъ позы, безъ проклятій", какъ совѣтуетъ Луначарскій... И началъ опять разыскивать пролетарія... Нѣтъ — поиски трагически безплодны... Нашелся кой-какой завалящій пролетарій, но онъ далеко не располагалъ преклониться передъ нимъ, какъ передъ теоретической догмой и идеалогіей... И затосковалъ Большевикъ... Ему рѣшительно не къ чему было приложить своихъ силъ... И встрѣтился онъ на своемъ пути и при своихъ поискахъ съ страннымъ Обывателемъ... Заговорилъ съ нимъ Большевикъ и показалось ему, что точно онъ съ этимъ Обывателемъ давнымъ давно знакомъ и что они не чужды другъ другу... А Обыватель тоже какъ-будто почувствовалъ, что съ Большевикомъ онъ давнымъ-давно знакомъ и видитъ его насквозь, и почувствовалъ сразу, что Большевикъ въ ихнихъ обывательскихъ мѣстахъ заскулилъ... И пригласилъ Обыватель Большевика запросто побывать у него, откушать хлѣба соли, выпить водочки и позабавиться кофейкомъ съ ликерцами.

Въ одно изъ воскресеній Большевикъ пришелъ съ визитомъ къ Обывателю. Обѣдали. Ѣли пирогъ, пили водку. Обыватель любилъ хорошо покушать и выпить. Большевикъ, памятуя указаніе Луначарскаго на Шекспировскаго шута, тоже не отказалъ себѣ въ удовольствіи выпить и хорошо покушать. Обыватель вздохнулъ послѣ обѣда и разглаживалъ себя по животу. Большевикъ тоже повздыхалъ и погладилъ себя по животу. Начали пить кофе и ликеры. Горячо заговорили. Переговорили о многомъ. Большевикъ думаетъ—а пожалуй Обывателя можно окрестить и въ свою Большевистскую идеалогію. Выпили ликеру съ огонькомъ за Маркса. Обыватель проглотилъ рюмку ликера съ огонькомъ и даже глазомъ не моргнулъ, а Большевикъ, съ непривычки, не много расплескалъ ликеру, обжегъ себѣ губы, усы и бороду. Посмѣялись...

— Выпьемъ за пролетаріатъ, говоритъ Большевикъ. Въ немъ одномъ вся наша надежда—когда все спитъ кругомъ непробуднымъ сномъ, одинъ лишь пролетаріатъ бодрствуетъ и стоитъ на стражѣ великой революціи. Онъ революціоненъ, по существу... Обыватель усмѣхнулся.

— Пролетаріатъ—великая сила, замѣтилъ Обыватель. Но есть сила большая, чѣмъ онъ, загадочно и тихо пробормоталъ Обыватель... Выпьемъ за эту силу... А лучше выпьемъ на брудершафтъ...

Большевикъ пожалъ плечами... Выпили огненнаго ликера на брудершафтъ...

— Послушай Большевикъ... Положа руку на сердце,—ты въ нашихъ палестинахъ совсѣмъ заскулилъ... Правда?

— Да, Обыватель... Ты правъ... Я не нахожу здѣсь приложенія своимъ силамъ... Кругомъ нѣтъ совершенно теоретическаго пролетаріата... Пролетаріатъ!.. Онъ проникаетъ всюду своимъ умомъ и душой... Когда мы, интеллигенты ослабѣваемъ и падаемъ духомъ, когда мы бьемся и мучаемся надъ созданіемъ новой морали, искусства, науки—пролетаріатъ уже инстинктивно какъ-то, своею особою пролетарскою душою, рѣшаетъ всѣ проблемы жизни съ поразительною правдивостью.. Мы часто любовались на звѣздное небо... Пролетаріатъ съ необыкновенною прозорливостью низвергалъ всѣ авторитеты и проникалъ духомъ своимъ въ тайники мірозданія... А тутъ—мракъ, мракъ, и мелко-буржуазное, нищенское и пришибленное міровозрѣніе...

— Ахъ, Большевикъ, Большевикъ!.. Ты думаешь, что и тутъ всюду и у всѣхъ спитъ непробудно душа... Я тебя познакомлю съ здѣшними звѣздочетами, ихъ тутъ много... Они все смотрятъ на небо, всю ночь, до зари иной мальченка, а то и цѣлая компанія ихъ, на пастьбѣ любуются на звѣздное небо и если бы ты послушалъ, какія вопросы витаютъ въ ихъ юныхъ головахъ, какія тревоги испытываютъ ихъ юныя души—ты понялъ бы, что всюду, и у насъ, теплится въ душахъ искра Божія. Ей нужно только разгорѣться, и она разгорится отъ свѣта знанія.. Вотъ что Большевикъ!.. Давай я тебѣ буду задавать загадки—а ты отгадывай... Согласенъ?..

— Ну задавай, Обыватель!..

— Сыщи мнѣ, Большевикъ, *пролетарскую* науку. Если ты ее отыщешь, то я увѣрую въ твою идеалогію на четверть, а если ты ее не сыщешь,—тогда прости, я твоей догмы и твоего культа не могу пока понять...

Пришелъ Большевикъ домой и заскучалъ... „Охота, думаетъ, мнѣ задумываться надъ вопросомъ этого несомнѣннаго буржуйчика"... А все—нѣтъ, нѣтъ и начнетъ искать пролетарскую науку... И опять тоска... А какъ все, еще такъ недавно, было ясно... Придутъ они къ Большевихѣ... Тутъ же и теоретическій пролетаріатъ присутствуетъ... Большевиха заложитъ руки за спину, уставится въ окно на звѣздное небо и пропоетъ „Къ звѣздамъ"... Вспомнитъ Большевикъ Луначарскаго...

— А Лапласъ, между прочимъ, говоритъ, что солнце въ конечномъ счетѣ должно погаснуть и всѣ міры превратятся въ ледяныя глыбы, замѣтитъ Большевикъ... Грандіозная картина!..

— Ну, знаете, на этотъ счетъ Бебель говоритъ, а еще ранѣе его тоже утверждалъ и Марксъ, что объ этомъ не стоитъ даже и задумы-

ваться... Когда еще это все будетъ—пройдутъ десятки тысячъ лѣтъ!.. Ффю! Присвиснула Большевиха... Важнѣе вотъ что... Не съѣстъ ли буржуа всѣхъ земныхъ запасовъ энергіи—каменнаго угля и... вообще топлива, пока наконецъ пролетаріатъ возьметъ въ свои руки жизнь и начнетъ лѣпить изъ нея то, что подскажетъ ему его пролетарскій геній?.. Но и на этотъ счетъ мы въ безопасности... Каутскій говоритъ, что запасовъ энергіи хватитъ на долгія тысячелѣтія... Судьба не обдѣлитъ пролетаріатъ!.. Большевиха похлопала по плечу теоретическій пролетаріатъ...

— А любопытно, какъ это все исчисляется... Солнышко угасаетъ... Хитро!.. И какъ запасы въ землѣ, въ нутрѣ ея исчислить... Мудрено!.. замѣтилъ, задумчиво ухмыляясь, теоретическій пролетаріатъ.

— Ну... на этотъ счетъ... можно сказать, что для буржуевъ хоть немного выпало чести въ жизни поработать для пролетаріата... въ научномъ смыслѣ... Но когда пролетаріатъ возьметъ науку въ свои руки и когда вскроются всѣ потенціальныя силы, таящіяся въ немъ—о, тогда буржуа узнаетъ и пойметъ, что значитъ пролетарская наука, проговорила Большевиха и снова обратилась къ звѣздамъ и начала напѣвать.

А теоретическій пролетаріатъ слушаетъ и всѣ научныя, міровыя проблемы вокругъ пальца обматываетъ...

Ага! думаетъ Большевикъ—потенціальныя силы! . И пришелъ Большевикъ снова къ Обывателю. Пообѣдали. Стали кофе и ликеры пить... Большевикъ и говоритъ Обывателю—я загадку разгадалъ: хоть и нѣтъ пролетарской науки, за то пролетаріатъ хранитъ потенціальныя, научныя силы, и выдвинетъ онъ изъ своей среды множество геніевъ научныхъ, когда сброситъ съ себя рабскія цѣпи...

— Нѣтъ Большевикъ—не отгадалъ! Наука общечеловѣческая. Геніи потенціально не могутъ скрываться—а если судьба ихъ губитъ, лучше сказать коверкаетъ, (такъ какъ геній погибнуть не можетъ въ нашей теперешней жизни), такъ не въ одной пролетарской средѣ, а всюду, во всѣхъ трудовыхъ массахъ. Тоже можно сказать объ искусствѣ и морали—и они результатъ общечеловѣческаго творчества, а не пролетарскаго...

— А вотъ тебѣ, Большевикъ, и вторая загадка разгадай, гдѣ больше нужно свѣту—тамъ-ли гдѣ свѣтло, или тамъ гдѣ темно?

Большевикъ пожалъ плечами и иронически улыбнулся.

— Не понимаю, Обыватель, что ты хочешь сказать этою загадкою? недоумѣвалъ Большевикъ.

— Вотъ то то и есть, что не разгадаешь... Изволь скажу!.. Разъ ты считаешь, что пролетарская раса и безъ тебя уже сіяетъ всѣми цвѣтами радуги—страстнымъ и яснымъ сознаніемъ свободы, правды и справедливости—такъ въ твоемъ свѣтѣ она и ненуждается въ той степени, какъ окружающія насъ сейчасъ съ тобою другія расы, гдѣ царитъ тьма—а ты скулишь и уже задумываешься умереть „безъ позы и проклятій“...

И пришелъ къ Обывателю Эсеръ. Обыватель познакомилъ Большевика

съ Эсеромъ. Слово за слово и начался тутъ горячій и страстный споръ. Долго спорили—Большевикъ все больше налегалъ на Маркса, Бебеля, Каутскаго, Маслова, Ленина, на программы и постановленія съѣздовъ, конференцій и пленарныхъ засѣданій, а Эсеръ началъ чуть не съ Гакстгаузена, потомъ налегъ на Постникова, В. В., Каблукова, Орлова, Португалова, Качеровскаго, Вихляева и наконецъ сталъ тоже приводить мѣста изъ программъ и постановленій съѣздовъ, конференцій и пленарныхъ засѣданій.

— А Давидъ говоритъ, что и на небольшомъ клочкѣ земли можно выростить тысячу пудовъ пшеницы... Можно днемъ собирать солнечные лучи особыми приспособленіями, а ночью электрическимъ свѣтомъ поддерживать ростъ растенія, замѣтилъ Эсеръ и началъ противъ Большевика защищаться Давидомъ.

А Большевикъ кричитъ, что этого нельзя безъ „концентраціи" производства сдѣлать,—нужно выработать сначала сельскій пролетаріатъ!..

Обыватель все слушалъ... Наконецъ Обыватель говоритъ: смотрю я на васъ и думаю,—годы у васъ одни, оба вы пылкіе и оба стремитесь къ хорошему, ищете правды. Учились вы въ одной и той же школѣ, жили въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ жизни... Вотъ я и задамъ вамъ загадку—отчего между вами рознь и несогласіе?..

Большевикъ снова горячо сталъ доказывать, почему онъ правъ, а Эсеръ ошибается, а Эсеръ снова сталъ горячиться и указывать явныя на его взглядъ нелѣпости въ сужденіяхъ Большевика...

— Позвольте, господа, все это уже я слышалъ... Нѣтъ, я вижу, что вамъ не разгадать моей загадки... Причина вашей розни—различіе вашихъ темпераментовъ—вотъ и все! . . . .

XIX.

Къ «Тьмѣ» Л. Андреева.

...«Хотя, къ несчастью, не понимаютъ эти юноши, что жертва жизнію есть, можетъ быть, самая легчайшая изъ всѣхъ жертвъ...»

Достоевскій.

«...Мальчика генералъ велитъ раздѣть, ребеночка раздѣваютъ всего до нога, онъ дрожитъ, обезумѣвъ отъ страха, не смѣетъ пикнуть... «Гони его!» командуетъ генералъ, «бѣги, бѣги!» кричатъ ему псари, мальчикъ бѣжитъ... «Ату его», вопитъ генералъ и бросаетъ на него всю стаю борзыхъ собакъ. Затравилъ въ глазахъ матери и псы растерзали ребенка въ клочки!.. Генерала кажется въ опеку взяли. Ну... что же его? Разстрѣлять? Для удовлетворенія нравственнаго чувства разстрѣлять? Говори, Алешка!

— Разстрѣлять!—тихо проговорилъ Алеша, съ блѣдною, перекосившеюся какою-то улыбкой, поднявъ взоръ на брата.

— Браво!—завопилъ Иванъ въ какомъ-то восторгѣ, — ужъ коли ты сказалъ, значитъ... Ай да схимникъ! Такъ вотъ какой у тебя бѣсенокъ въ сердечкѣ сидитъ, Алешка Карамазовъ!

— Я сказалъ нелѣпость, но...

— То-то и есть, что но... — кричалъ Иванъ...»

Достоевскій.

Къ «Навьимъ Чарамъ» Ф. Сологуба.

«Если бы это былъ самъ чертяка, то и тогда я не побоюсь».

Тарасъ Бульба.

«За шесть лѣтъ моей жизни—я ручаюсь народнымъ представителямъ».

Бисмаркъ—рейхстагу.

Новая полоса... Исканіе путей къ будущему искусству...

...Мы шли впередъ... Насъ шло много... И у всѣхъ у насъ были завязаны глаза платкомъ, забиты паклею уши, и не осязали мы, и не ощущали запаха... Только души наши искали мысленнымъ взоромъ далекое будущее, покрытое дымкой возможностей, то розовыхъ, какъ первые проблески восхода, то ласковыхъ какъ первая улыбка ребенка, то мрачныхъ, какъ самъ адъ... Мы шли и не замѣчали волнующагося вокругъ насъ человѣческаго моря жизней, и не хотѣли думать о канувшихъ въ вѣчность — то бурнаго прилива моря, то чарующаго его спокойствія, такъ часто обманчиваго для обнадеженныхъ имъ путниковъ... И море шумѣло, и море волновалось—то было море отдѣльныхъ жизней, отдѣльныхъ душъ... И чуть ли не съ колыбели жизни человѣчества художники подходили къ волнующемуся морю, къ отдѣльнымъ жизнямъ и душамъ, раскрывали жизни и души, и показывали разнообразнѣйшіе ихъ оттѣнки и движенія, и казалось отдѣльнымъ художникамъ, что уже нѣтъ большаго, что дали они, что уже некуда идти, что жизнь отдѣльныхъ людей исчерпана и вылита въ образы, и все, что заключали ихъ души также вылито въ образы, и сказать больше нечего, и нарисовать нѣтъ красокъ, и никакой рѣзецъ не въ силахъ дать чего-нибудь новаго, что не дано было уже раньше... Но смѣнялись поколѣнія, и являлись новые художники, и они тревожили новыми образами и раскрывали новые тайники души,—ибо жизнь человѣческая, ибо движенія души человѣческой безконечно разнообразны,—они отраженіе мірозданія, вселенной, вѣчности и величія Божественнаго разума...

Но мы шли впередъ къ далекому будущему и не замѣчали волнующагося моря настоящей жизни... Я шелъ впереди и наконецъ стукнулся лбомъ... Стѣна... Повязку я сбросилъ съ глазъ... Не было видно, что дѣлается тамъ за стѣной и сквозь стѣну я также ничего не могъ разсмо-

трѣть... Я провелъ рукою по лбу—на лбу вскочила огромная шишка... Я посторонился и всѣ, кто шелъ за мной, стукались головою объ стѣну будущаго и у всѣхъ я видѣлъ, какъ выскакивала шишка на лбу... И послѣднимъ подошелъ Андрей Бѣлый... Онъ стукнулся объ стѣну разъ, но отступилъ на шагъ и съ разгона стукнулся еще разъ... И увидѣли мы на его лбу двѣ шишки. Но когда мы сказали ему, что у него двѣ шишки на лбу—онъ потеръ лобъ и отвѣтилъ намъ, что никакихъ шишекъ у него на лбу нѣтъ, что мы уже за соціальною чертою и что соціализмъ у насъ у всѣхъ въ карманѣ и что это не стѣна, а наша некультурность... Въ доказательство онъ еще десять разъ стукнулся лбомъ объ стѣну, потеръ лобъ и сказалъ: „Какъ видите, ничего нѣтъ, чисто, и только я своимъ взоромъ провижу возможности будущаго искусства"... И увидѣли мы на его лбу двѣнадцать шишекъ... Мы попросили его раскрыть передъ нами возможности будущаго искусства. Онъ началъ раскрывать намъ возможности будущаго искусства. И мы почувствовали, какъ исчезало медленно, медленно, прошлое, еще мигъ и его уже не было передъ умственнымъ нашимъ взоромъ...

Намъ стало легко, мы вдыхали полною грудью воздухъ горъ, созерцали небеса, радовался жизни, и плакали, и восторгалися... Ибо зачѣмъ намъ прошлое? Андрей Бѣлый продолжалъ раскрыватъ возможности будущаго искусства...

И стало уплывать отъ насъ настоящее, и не стало воздуха, и не было въ настоящемъ ни радостей и ласки, ни страданій и борьбы, и наступилъ хаосъ, и смѣшались звѣзды съ бриллiантами Тета, и луна плясала съ рѣшетомъ, и не было жизней, и не было живыхъ людей, и не было ихъ душъ... Исчезло все... Мракъ... Тьма... Нѣтъ даже солнца и нѣтъ надежды, чтобы лучъ его когда-нибудь освѣтилъ и согрѣлъ насъ... И плясалъ монизмъ съ гносеологіей, психозъ съ физіологіей, нервъ съ энергетикой, Шекспиръ съ дамской ботинкою, Метерлинкъ съ вѣдомой въ ступѣ, классицизмъ съ романтикою, мистицизмъ съ метафизикою, позитивизмъ съ религіею, натурилизмъ съ пластикою... Хаосъ!..

Андрей Бѣлый кончилъ раскрывать возможности будущаго искусства, и мракъ исчезъ, и мы снова увидѣли стѣну, за которою трудно было разсмотрѣть что-нибудь и сквозь которую мы ничего не видѣли... Ибо настоящее искусство для тѣхъ, кто идетъ за нами и есть будущее искусство...

Луначарскій заявилъ, что онъ прекрасно видитъ, что дѣлается за стѣной, ибо онъ видѣлъ сквозь непроницаемую стѣну. Мы попросили Луначарскаго разсказать, что онъ провидитъ въ возможностяхъ будущаго искусства.

Мы взялись за руки и двинулись, держась за Луначарскаго, по ступенямъ, которыя онъ созидалъ на стѣну.

— Мы движемся по ступенямъ искусства,—ихъ будетъ четыре, сказалъ Луначарскій.

Молчаніе наше, съ которымъ мы двигались по ступенямъ искусства, было величаво...

— Теперь мы начнемъ подыматься по ступенямъ соціализма, —ихъ тоже четыре, произнесъ Луначарскій.

Молчаніе наше, съ которымъ мы двигались по ступенямъ соціализма была торжественно...

— Мы на девятой ступени!.. Оглянитесь кругомъ и посмотрите внизъ, сіяя, сказалъ Луначарскій, какая высь, какая широта горизонта и какой просторъ! Мы оглянулись и увидѣли, что стоимъ на необозримой равнинѣ...

— Но поднимемся еще выше, на десятую ступень. На десятой ступени Луначарскій конфиденціально намъ заявилъ, что особаго пролетарскаго искусства рѣшили не созидать (слава Богу, подумали мы, одною глупостью въ мірѣ стало меньше), ибо большевистскихъ геніевъ повидимому не предвидится, такъ какъ всѣ они предпочитаютъ переписывать изъ Бебеля, Каутскаго, Меринга, Лабріолы, Эрве и главнымъ образомъ изъ Маркса и Энгельса, чѣмъ заниматься пустяками...

Что же касается Максима Горькаго, то онъ рѣшилъ изслѣдовать пролетарскую романтику и переходитъ къ созиданію мелодраматическаго искусства. Была составлена привѣтственная телеграмма и послана М. Горькому. Затѣмъ Луначарскій воскликнулъ: „Неужели... для выраженія коллективно-творческихъ процессовъ человѣческой жизни, придется ждать художника-пролетарія?“ Нужно образовать кружки и творить совмѣстно... Идея всѣмъ улыбнулась... Философовъ, Мережковскій и Зинаида Гиппіусъ отошли въ сторонку и начали создавать драму „Маковъ Цвѣтъ“... Подвернулся было тутъ Аничковъ и немного мѣшалъ, но когда онъ слазилъ въ ридикюльчикъ къ Гиппіусъ, досталъ оттуда фунта два ситнаго и порядочный кусокъ ростбифа, онъ поблагодарилъ Гиппіусъ, а въ лицѣ ея всѣхъ женщинъ въ мірѣ, за то, что идя въ поиски за великимъ, онѣ не забываютъ запастись бутербродами, и пошелъ обдумывать необходимыя реформы для театра и искать путей къ новому, невѣдомому міру, искусству...

На одинадцатой ступени Луначарскій сказалъ намъ, что провидитъ возможности будущаго искусства.

— Я вижу, какъ собираются товарищи пролетаріи въ группы. Вотъ они выдѣляютъ изъ себя художниковъ и артистовъ. Сегодня, они будутъ играть на сценѣ въ деспотизмъ, — это та группа товарищей пролетаріевъ, въ которой проснулось желаніе властвовать и угнетать... Но завтра, другая группа товарищей пролетаріевъ будетъ играть въ коллективизмъ, и силою творчества своихъ художниковъ и артистовъ заставитъ смолкнуть первую группу. Сегодня, кто нибудь изъ художниковъ завопитъ о смертности человѣка и гніеніи красоты. и заставитъ милліоны рыдать надъ вѣчно-умирающимъ бытіемъ. Завтра посредствомъ машинъ граммофоны всего міра загремятъ о вѣчности и безсмертіи. Да будетъ!

Я разсказалъ объ испанской легендѣ. Черта, поджаривавшаго въ аду грѣшниковъ, спросили: „Что видишь ты, товарищъ, тамъ вверху, въ открывающихся твоему взору небесныхъ пространствахъ?" Чертъ долго всматривался въ величественно-молчаливыя, необъятныя и чарующія своею загадочностью и дивною красотою небеса и наконецъ отвѣтилъ: „Вижу тамъ много грѣшныхъ душъ, которыя попали туда по ошибкѣ,—по моему ихъ нужно было бы еще немножечко прожарить на сковородкѣ"..

Затѣмъ я предложилъ составить изъ присутствовавшихъ интимный кружокъ студію и воздѣйствовать на кого-нибудь изъ художниковъ,— лучшимъ объектомъ по моему былъ-бы Блокъ, — и заставить его создать драму будущаго... Предложеніе было принято съ восторгомъ... Пригласили профессоровъ Бехтерева и Павлова.

Уложили Блока на воображаемую нами двѣнадцатую ступень... Профессоръ Павловъ обслѣдовалъ всѣ его чувства — все оказалось въ исправности. Андрей Бѣлый обложилъ его гносеологіей, пропустилъ черезъ него энергетику, прочелъ ему лекцію о Ницше и швырнулъ огромной силы динамитный снарядъ. Мы видѣли какъ разорвались мозги Блока, а затѣмъ снова склеились.

Я прочелъ избранныя мѣста изъ Оскара Уальда: „Когда говорятъ (въ обществѣ) что произведеніе непонятно, значитъ художникъ сказалъ или создалъ прекрасное произведеніе и совершенно новое [1])."

— Я давно знаю, что я великій и прекрасный писатель, ибо я создалъ „Балаганчикъ", котораго никто не понимаетъ, произнесъ Блокъ и плюнулъ въ толпу.

— Но не забывайте, что вы будете творить для будущаго, а это чего-нибудь да стоитъ. „Когда называютъ произведеніе безнравственнымъ, значитъ художникъ сказалъ или создалъ прекрасное произведеніе, глубоко правдивое" [2]).

Кузьминъ гордо вскинулъ голову, плюнулъ въ толпу и громко произнесъ: „Я написалъ „Крылья"... Кричали о безнравственности... Я великій художникъ... О, Оскаръ Уальдъ, Оскаръ Уальдъ!" Я продолжаю читать избранныя мѣста изъ Оскара Уальда: „Шекспиръ — художникъ далеко не безукоризненный. Онъ слишкомъ любитъ идти прямо къ жизни и брать у жизни ея естественный языкъ. Онъ *забываетъ*, что, когда искусство отказывается отъ своего орудія — *воображенія*, оно отказывается отъ всего. Гете говоритъ *гдѣ-то*: „Мастеръ прежде всего проявляется въ ограниченіи"; а ограниченіе, какъ условіе всякаго искусства есть стиль"... О, великій учитель, Оскаръ Уальдъ! зарыдалъ Мейерхольдъ. „Искусство можетъ творить чудеса, по своему желанію,—и когда оно зоветъ чудовищъ изъ пучины, они приходятъ. Оно можетъ заставить миндальныя деревья

---

[1]) Оскаръ Уальдъ. „Душа человѣка при соціализмѣ."

[2]) Ibid.

цвѣсти зимой, и послать снѣгъ на спѣлыя нивы. По слову его, морозъ налагаетъ свой серебряный перстъ на горящія губы іюня, и крылатыя львы ползутъ изъ пещеръ на Мидійскихъ холмахъ. Дріады выглядываютъ изъ чащи, когда оно проходитъ мимо, и темные фавны усмѣхаются ему странной усмѣшкой, когда оно подходитъ близко. У него есть боги съ ястребинымъ ликомъ, поклоняющіеся ему; и по бокамъ его скачутъ центавры"...

— О, великій учитель, Оскаръ Уальдъ, рыдалъ Ф. Сологубъ.

Я продолжаю читать избранныя мѣста, изъ Оскара Уальда: „Я желаю лишь указать тотъ общій принципъ, что жизнь подражаетъ искусству гораздо больше, чѣмъ искусство — жизни; и я увѣренъ, что, если вы подумаете объ этомъ серьезно, вы увидите, что это правда. Жизнь держитъ зеркало передъ искусствомъ и воспроизводитъ какой-нибудь странный образъ, созданный художникомъ или скульпторомъ, или осуществляетъ въ дѣйствительности то, что грезилось вымыслу. Выражаясь научно — основа жизни, энергія жизни, какъ назвалъ бы ее Аристотель — есть лишь желаніе выразить себя, а искусство всегда предлагаетъ разнообразныя формы, путемъ которыхъ это выраженіе можетъ быть достигнуто. Жизнь схватывзетъ ихъ и пользуется ими, даже *во вредъ* самой себѣ. Молодые люди кончали самоубійствомъ, потому что Ролла поступилъ такъ, они умирали отъ своей собственной руки, потому что Вертеръ умеръ отъ своей руки. Вспомните, чѣмъ мы обязаны подражанію Цезарю.

Кириллъ. Эта теорія несомнѣнно весьма любопытна; но чтобы дополнить ее, вы должны доказать, что и Природа, не меньше, чѣмъ Жизнь, есть подражаніе искусству. Можете вы доказать это?

Оскаръ Уальдъ. Милый другъ, я могу доказать все, что угодно [1])!

Зарыдали Пильскій, Чуковскій, Андрей Бѣлый и Антонъ Крайній.

— О, Оскаръ Уальдъ, рыдалъ Антонъ Крайній. Всю мою долгую литературную жизнь я переписывалъ тебя, начиная съ конца и переставляя слова, — и публика не понимала меня. И я сталъ въ моихъ собственныхъ глазахъ великимъ критикомъ, ибо я могу доказать все что угодно...

— И мы, и мы тоже, всхлипывая, говорили Пильскій, Чуковскій и Андрей Бѣлый.

Рыдали поэтессы — Маргарита Сабашникова, Поликсена Соловьева, Аделаида Герцыкъ и многія другія изъ кружка молодыхъ и осыпали Блока цвѣтами.

Мейерхольдъ прочелъ лекцію о значеніи „Вѣка Пудры" для театра будущаго. Бѣдный! Его такъ отпудрили, что онъ совершенно помѣшался на „Вѣкѣ Пудры"...

---

[1]) Оскаръ Уальдъ. «Замыслы». Курсивъ всюду мой.

Георгій Чулковъ прочелъ свою статью о годовомъ обзорѣ театра и о театрѣ будущаго, напечатанную въ „Товарищѣ“ и переписанную изъ Оскара Уальда.

Горнфельдъ сказалъ: „Искусство есть познаваніе... Если бы вы видѣли и слышали какъ Дузе на сценѣ вретъ!.. Какъ она вретъ!.. Это она, геніальная и божественная Дузе можетъ такъ врать... Но въ то же время ея душа, *живая* душа Дузе не можетъ лгать и вы чувствуете, что она, Элеонора, только *нарочно* вретъ... Право!.. Я долженъ вамъ сообщить еще о возможностяхъ будущаго искусства... Вы, надѣюсь, читали Альтенберга? Такъ вотъ, я представляю себѣ... Я сижу въ Café Reiter... Художники разбѣжались всюду,—въ кафе, въ кулуары думы и совѣта, въ фойе театровъ, въ гостиныя и будуары артистовъ и артистокъ. . всюду... и даже въ департаментахъ... И создаютъ миніатюрки, штрихи, мазки и даже штришки бьющей ключемъ жизни... И мальчишки уже бѣгутъ по Невскому или Грабенъ и кричатъ: „Художественныя картинки дня за 1 копѣйку“...

— Позвольте! Вы забываете, что Блокъ долженъ дать драму будущаго, за соціальной чертой уже... Какіе же мальчишки?.. Машинки будутъ бѣгать... Что говоритъ Оскаръ Уальдъ—вы забываете...

— Какіе машинки?!—пытался возражать Горнфельдъ.

— Ну возможно, что эти произведенія будутъ передаваемы всему міру посредствомъ кинематографовъ... Это можно вдругъ все... — старался примирить спорящихъ Луначарскій.

— Я даю по телефону отзывы о всѣхъ художественныхъ произведеніяхъ, появившихся за день... Печатаютъ... И уже бѣгутъ по Невскому или Грабенъ... мальчишки... ну... машинки... и продаютъ по 1 коп... Вдругъ толпа художниковъ говоритъ мнѣ: «Г. Горнфельдъ! Въ сущности всѣ могутъ быть художниками слова“... Какіе они наивные—они забываютъ, что они одарены божественнымъ даромъ, ибо и на моей головѣ отблески этого великаго дара въ видѣ маленькаго колпачка критика...

Ф. Сологубъ предложилъ совершить Литургійное Дѣйство Діониса, подъ режиссерствомъ Вяч. Иванова. Но передъ началомъ Дѣйства онъ настаивалъ на необходимости всѣмъ намъ сбросить свои одежды и ринуться въ бѣшеную пляску вокругъ Блока...

Я запротестовалъ, такъ какъ имѣлъ условный ростъ и, оставаясь безъ каблуковъ, чувствовалъ бы себя значительно дальше отъ неба, и не могъ бы въ достаточной степени проникнуться литургійностью... Запротестовалъ Горнфельдъ, Луначарскій и поэтессы... Послѣднія, вѣроятно, тоже благодаря нѣкоторымъ условностямъ ихъ пластики...

Литургійное Дѣйство вокругъ Блока было совершено, но въ одеждахъ...

Я. Господа! Но что если Блокъ создастъ намъ сверхъ Штрупа или его двоюроднаго братца сверхъ Триродова, какъ героевъ своей драмы будущаго, и изобразитъ намъ Фавновъ, Центавровъ, Дріадъ, Мойровъ, Айсъ и

Ананке. По Оскару Уальду мы, пожалуй, начнемъ имъ подражать и вся затѣя наша можетъ окончиться какимъ-нибудь нелѣпымъ фарсомъ...

Андрей Бѣлый. Никогда! Своею лекціею я внесъ хаосъ въ его воображеніе, я взорвалъ въ его головѣ динамитный снарядъ, равный по силѣ снаряду, который разорвалъ мозги Ницше... Я жду. что онъ будетъ творить великое, очищенное отъ всего прошлаго и настоящаго...

Аничковъ принесъ гипсовую, маленькую, луврскую Венеру, раскрашенную имъ дешевыми красками и поставилъ около Блока.

Богдановъ притащилъ съ Марса раскрашенную лошадку-пряникъ, какъ шедевръ скульптуры, и предложилъ скушать его Блоку.

Композиторъ и драматургъ Рафаловичъ исполнилъ драматико-музыкальнаго „Донъ-Жуана", которымъ открывался новый путь къ сочетанію искусствъ, но безъ тѣхъ внѣшнихъ и механическихъ оттѣнковъ, которые сгубили музыкальную драму Вагнера, правда, способнаго музыканта... Была исполнена IX симфонія Бетховена...

Георгій Чулковъ предложилъ обручить Блока съ таинственною Землею. Обрученіе было трогательное...

Наконецъ, проф. Бехтеревъ загипнотизировалъ Блока и сказалъ: „Когда вы проснетесь, вы должны думать только о томъ, что вы творите для будущаго".

И когда Блокъ проснулся, мы дали ему лучшую бумагу изъ „Шиповника", съ картинками наверху лучшихъ художниковъ.

Пока Блокъ творилъ Л. Андреевъ трубилъ въ іерихонскую трубу смерти, а мы торжественно молчали...

Блокъ кончилъ творить. Мы просили прочесть... Молчаніе наше было величественное...

Блокъ началъ бредить... Прошлое исчезло... Блокъ продолжалъ бредить... Исчезло настоящее... Блокъ кончилъ бредить...

Андрей Бѣлый швырнулъ динамитный снарядъ... Рухнула стѣна... Заколыхалось вокругъ насъ море жизней и душъ...

Это было величайшее произведеніе, ибо его никто не понималъ, и даже самъ Блокъ . . . .

. . . .

Во времена Сервантеса образовалось общество моралистовъ, которые писали противъ рыцарской литературы и сумасбродствъ начитавшихся этой литературы современниковъ Сервантеса. Издавались декреты о запрещеніи такой литературы. Но короли, подписывавшіе такіе декреты, тайкомъ читали эту литературу, принцы и принцессы творили и сами... Сервантесъ создалъ „Донъ-Кихота". Подлинные рыцарскіе романы составляютъ библіографическую рѣдкость, а они когда-то заполняли всю Европу... Трактатовъ „о морали" общества моралистовъ никто не читаетъ. Сервантеса же читаютъ уже нѣсколько столѣтій съ неослабѣвающимъ интересомъ и будутъ читать за соціальною чертою еще больше, ибо тогда чтеніе „Донъ-Кихота" не бу-

детъ привилегіей избранныхъ. „Донъ-Кихотъ“—это откровеніе для тогдашняго повѣствовательнаго искусства живого слова...

Современная намъ драма создана Шекспиромъ не подъ вліяніемъ кружковъ, а потому что Шекспиръ геній, и то, что онъ далъ было откровеніемъ для драмы... Само собою я не отрицаю преемственности... Откровеніемъ это могло быть потому, что общество жаждало его смутно, а Шекспиръ отразилъ... И сколько бы не разрывались на части Андреи Бѣлые, Георгіи Чулковы и прочіе пророки—геніевъ они не родятъ.

Ибсенъ—это новое откровеніе въ драмѣ... Кто его создалъ?.. Метерлинкъ, который годился ему во внуки могъ быть его ученикомъ и черпать изъ откровеній Ибсена—что далъ онъ равнаго даже первымъ драмамъ Ибсена?.. Я говорилъ уже о Метерлинкѣ выше. Я пошелъ за нимъ разъ въ подземелье, гдѣ происходитъ тлѣніе и гніеніе, пошелъ во второй разъ въ подвалъ, а на третій разъ — въ какую-то смрадную яму уже идти не захотѣлъ — плюнулъ! Надоѣло! За послѣднее время Метерлинкъ, сравнительно молодой художникъ, что-то ужъ ничего не создаетъ. Читалъ я какъ-то его изслѣдованіе о жизни цвѣточковъ, — можетъ быть онъ теперь занятъ изслѣдованіемъ жизни козявочекъ, а потомъ начнетъ вышивать вавилоны по тюлю,—какое въ сущности намъ до этого дѣло!..

Гамсунъ, имѣвшій въ Ибсеновскомъ откровеніи и школѣ, драгоцѣннѣйшій фундаментъ,—для драмы не далъ ничего путнаго. Я люблю читать повѣтствованія Гамсуна — его лѣсъ живетъ, и когда читаешь его — такъ страстно хочется удрать куда-нибудь въ лѣсъ, хоть на нѣсколько дней, и уйти отъ того вздора, болтовни и бреда, которымъ задуриваютъ насъ, читателей (вѣдь я только обыкновеннѣйшій, средній читатель и зритель— и все время говорю, какъ таковой).

Меня удивилъ Станиславскій, когда поставилъ „Драму Жизни“, Гамсуна. Стоило тратить и время и средства на подобную чепуху. Бьернсонъ въ „Перчаткѣ“ — далъ Сваву, —символъ чистой любви, немножечко пожалуй, приторный и сентиментальный. Гамсунъ въ „Драмѣ Жизни“— Терезиту, вульгарнѣйшую дѣвку. Иванъ Карено—придурковатый философъ. Тю—нелѣпѣйшій символъ. Финалъ—дешевой мелодрамы. Его „двулогія“— „У царскихъ вратъ“ и „Вечерняя Заря“ — на мой взглядъ задумана хорошо и интересна, но совершенно не сценична, благодаря нелѣпой разбивкѣ на двѣ драмы съ 7 дѣйствіями.

А что дали наши декаденты для отечественной драмы? Они берутъ подъ свое покровительство Ибсена, Чехова, Л. Андреева. Но и реалисты ничего не имѣютъ противъ этихъ писателей. Сумасбродный Мейерхольдъ въ своемъ заключительномъ словѣ о театрѣ [1]) говоритъ, что его античный театръ (въ будущемъ, конечно, если найдется дуракъ, который дастъ ему деньги на устройство такого театра) приметъ „въ свое лоно желанный

---

[1]) «Театръ“. Кн. о Нов. театрѣ.

намъ теперь во всемъ своемъ разнообразіи репертуаръ: „Балаганчикъ“ — Блока, „Жизнь человѣка“ — Л. Андреева (великолѣпно!), трагедіи Метерлинка (скатертью дорога!), пастораль Кузьмина, мистерію Ал. Ремизова, „Даръ мудрыхъ пчелъ“ Ф. Сологуба и *еще много* прекрасныхъ пьесъ современной драматургіи“. Расписываюсь съ удовольствіемъ. Всѣ знаютъ, что прекрасныхъ пьесъ есть много, да изъ современныхъ декадентовъ чистой воды никто въ этихъ пьесахъ неповиненъ, иначе Мейерхольдъ былъ-бы слишкомъ наивенъ, если не сказать больше, чтобы объ нихъ не упомянуть.

Школа Ибсена — это глубокая, вдумчивая работа; драма Ибсена читается какъ романъ; построеніе ея напоминаетъ построеніе музыкальной драмы Вагнера. Бытъ, реализмъ въ его живыхъ и мертвыхъ символахъ, а отсюда возможность создавать не только жизнь окружающую, но и жизнь въ возможностяхъ будущаго посредствомъ реальныхъ символовъ. Выше, по поводу андреевскихъ символовъ, я высказался въ томъ смыслѣ, что символика, какъ вспомогательное средство — это одно, а символика во что бы то ни стало, лишь бы спрятать безсмыслицу содержанія — это психопатія и бредъ. Къ черту символику, если за ней нѣтъ никакого содержанія! У Ибсена нужно учиться нашимъ реалистамъ драматургамъ и тогда они побѣдятъ жалкую свору отечественныхъ припадочныхъ декадентовъ.

„Театръ“, книга о новомъ театрѣ — любопытнѣйшій документъ. Это сборникъ статей о театрѣ. Имени Станиславскаго въ сборникѣ нѣтъ, но ему посвященъ сборникъ „Шиповникомъ“ — посвященіе, которое въ моихъ глазахъ является какою-то *злою шуткою*, если принять во вниманіе статью Мейерхольда, со статьями сопровождающаго его штаба — Сологуба, Чулкова, Брюсова, Бѣлаго, Рафаловича, Бенуа. Луначарскій, Горнфельдъ, пожалуй и Аничковъ, стоятъ особнякомъ.

Статьей Луначарскаго „Соціализмъ и искусство“ открывается сборникъ. Къ тому, что я передалъ выше о Луначарскомъ — прибавить нечего.

Правда, Луначарскій въ заключеніе своей статьи гордо заявляетъ, что ему, какъ пролетарскому идеологу, нельзя смѣшаться съ остальною толпою сборника. Но ему можно на это отвѣтить народною пословицею: „Не суйся въ воду, не спросившись броду“... Кромѣ того, онъ рекомендуетъ свои статьи объ Ибсенѣ въ „Образованіи“.

Толкованіе Ибсена, съ точки зрѣнія пролетарской идеологіи, и глубже и сурьезнѣе въ трудѣ Плеханова объ Ибсенѣ, но и съ Плехановымъ я несогласенъ, — мнѣ думается, что для широкихъ трудящихся массъ, и въ томъ числѣ для пролетаріата, если имъ будетъ доступенъ театръ съ „Брандомъ“ — эта драма послужитъ откровеніемъ въ смыслѣ моральнаго совершенствованія; иначе, пришлось бы согласиться съ Чулковымъ, который въ своей вздорной брошюркѣ объ Ибсенѣ смѣшалъ въ кашу всѣхъ анархистовъ — Кропоткина, Ницше, Штирнера и, въ концѣ концовъ, обводитъ міръ блуждающимъ и мутнымъ взоромъ мистика-анархиста и полагаетъ, что онъ

смотритъ на міръ глазами Ибсена... „Солнце, солнце!“, восклицаетъ Чулковъ, видя въ этомъ мистическій символъ, вложенный въ уста Освальда Ибсеномъ, и совершенно забывая, что это только клиническій штрихъ наслѣдственнаго сифилиса.

О главномъ, о чемъ Луначарскому, какъ пролетарскому идеологу слѣдовало бы говорить со всею страстностью и пыломъ, — о значеніи и необходимости театра для трудящихся массъ, и о приближеніи „Байрейтовщины“ къ всенароду, Луначарскій едва упоминаетъ вскользь.

Ну разумѣется, гдѣ же тамъ, не было времени,—нужно было побольше швырнуть фееверковъ о будущихъ возможностяхъ театра. А все таки, Андрей Бѣлый въ заключительной своей статьѣ, въ финалѣ сборника, побилъ рекордъ—онъ оперируетъ съ цѣлыми возами динамита. Вотъ это я понимаю! Тутъ не до мѣщанской падали, о которой бредитъ Ф. Сологубъ, когда дѣло идетъ объ искусствѣ за соціальной чертой!...

Горнфельдъ. „Дузе, Вагнеръ и Станиславскій“... Вагнеръ сбоку, припеку. Сѣровъ о Вагнерѣ и Вагнеръ о самомъ себѣ, говорятъ гораздо интереснѣе. Поговоримъ о Дузе. Откровенно говоря, я не поклонникъ переходить изъ зрительнаго зала въ гостиныя артистовъ и артистокъ, но для Дузе я готовъ сдѣлать исключеніе, такъ какъ Дузе настолько установившаяся геніальная артистка и такъ давно установившаяся, что говорить о живой Дузе, не значитъ рекламировать. Сара Бернаръ любила болтать о себѣ слишкомъ много, и это чаще всего было похоже на рекламу.

Не слѣдуетъ забывать еще и такихъ фактовъ изъ жизни артистовъ, когда имъ, быть можетъ, приходиться играть, переживая другую, личную душевную бурю, — они же живые люди. Я знаю печальный фактъ изъ жизни извѣстной пѣвицы М. Д. К. Изъ-за нужды ей пришлось пѣть въ концертѣ въ тотъ вечеръ, когда у нея умиралъ сынъ! Купринъ разработалъ такую проблему въ трагедіи клоуна, которому пришлось выходить смѣшить публику,—его сынъ наѣздникъ въ это время лежалъ при смерти, разбитый лошадью. Тоже есть и у Мопасана. Вотъ и протягивайте теперь нити между зрителями и *живыми* артистами!.. Но и зрители—тоже *живые*. Дузе вычеркнула „Нору“ изъ своего репертуара въ нынѣшній пріѣздъ. И прекрасно сдѣлала. У нея нѣтъ *средствъ* для Норы. Нора должна быть тою, какъ ее создалъ Ибсенъ. Ремарки Ибсена значатъ много, и если Дузе комкаетъ созданную Ибсеномъ Нору, то она ея и не даетъ. Мейерхольдъ находитъ, что Нора должна сѣменить ногами въ тарантелѣ, дѣлать ритмическія движенія. Коммиссаржевская и сѣменитъ ногами. Поневолѣ. Когда во имя Пшибышевскихъ и Метерлинковъ пришлось остаться при однихъ костяхъ, нервахъ и кожѣ. Горнфельдъ говоритъ *о финалѣ* (*уходъ Норы*): „въ Норѣ пробуждается человѣкъ“. А я скажу—чистую душу Норы схватилъ кошмаръ, когда она убѣдилась, что она жила съ Торвальдомъ, который ей былъ чуждъ, далекъ и котораго она любила *въ ослѣпленіи*.

Просыпаться то было нечему,—у нея и была чистая душа. Горнфельдъ далѣе острить о феменистской рѣчи—это неумно и пошло. Феминизмъ—для тѣхъ, кто ходитъ по землѣ, кромѣ хожденія по небу, имѣетъ огромнѣйшее значеніе, г. Горнфельдъ! Остаться ради дѣтей Нора не могла,—это значило завести любовника и превратиться въ содержанку. Куда Нора ушла—безразлично. Но Нора могла снова сойтись только съ тѣмъ, кого *могла* полюбить—можетъ быть это былъ бы кадетъ, трудовикъ, меньшевикъ, большевикъ, анархистъ, художникъ, ученый. И Нора снова способна была бы на самопожертвованіе и могла бы дѣлить свою душу съ тѣмъ, кого она любила. Могла и никого не любить и найти исходъ своимъ исканіямъ въ жизни самостоятельно, на собственный рискъ...

Такъ, я понимаю Нору, потому что создалъ ее *живой* Ибсенъ. Если Горнфельдъ несогласенъ съ такимъ толкованіемъ, тогда нужно идти по иному пути, который въ концѣ концовъ неминуемо приведетъ въ объятія къ Чуковскимъ, Чулковымъ et tutti quanti...

Мы говоримъ объ искусствѣ, но мало говоримъ о критикѣ. Критика должна переводить языкъ искусства на языкъ жизни и критикъ долженъ ясно и отчетливо выражать свое credo. Андреевъ можетъ задавать загадки. Ибсенъ могъ рисовать символы, которые вносятъ бурю въ душу зрителя или читателя и наталкиваютъ на новый міръ идей морали, философіи, но то Андреевъ и Ибсенъ, а если критика съ своей стороны будетъ загадывать загадки, тогда въ совершеннѣйшій туманъ и въ загадку превратится вся жизнь и мы читатели будемъ бродить въ полнѣйшей тьмѣ...

Я люблю читать Горнфельда, — чувствуешь, что онъ хранитъ чистые завѣты въ отношеніи къ искусству; и любитъ его, какъ любятъ вѣрующіе въ искусство. Искренностью и теплотою вѣетъ отъ такихъ его словъ: „Одно изъ двухъ или искусство принадлежитъ къ самому важному для жизни, или оно совсѣмъ не нужно“. Заканчиваетъ онъ свою статью указаніемъ на то, что искусство должно отстаивать высшія цѣли жизни—иначе, первое положеніе могло бы быть истолковано и въ смыслѣ „самоцѣли“ искусства. Но вотъ „высшія цѣли жизни“ и есть загадка, и загадка такой огромной величины, надъ разгадываніемъ которой мучается *человѣчество вѣка...*

Мы знаемъ, что искусство живаго слова дѣлится на повѣствовательное и драматическое. Стихи, какъ форма стиля языка, не могутъ быть выдѣлены особо. „Стихи въ прозѣ“ — парадоксъ. Повѣствовательное искусство доступно всѣмъ за пятачекъ, въ дешевыхъ изданіяхъ. Высшая-ли это *цѣль* жизни?... Драма — это сцена, театръ, главнымъ образомъ. *Живая* Дузе на сценѣ — символъ ограниченія ея творчества, потому что живое умираетъ и кромѣ того оно доступно въ наше время ограниченному кругу зрителей. Высшая цѣль жизни—не рыдать объ ограниченіи ея творчества, а думать объ увѣковѣченіи его тѣмъ же путемъ, какъ типографскій станокъ увѣковѣчилъ Шекспира, Ибсена, Андреева.

Но такъ какъ творчество въ техникѣ закрѣпленія живыхъ образовъ еще не настолько усовершенствовано, чтобы давать полную иллюзію — *выше* слѣдуетъ ставить тѣхъ артистовъ, которые создаютъ *школу*, и тѣмъ расширяютъ до безконечности значеніе своего творчества, потому что расширяютъ до безконечности кругъ своихъ зрителей; отсюда одинъ шагъ и мы должны признать высшею *цѣлью* жизни общедоступность *живой* Дузе.

Во имя живой Дузе Горнфельдъ договорился до lapsus'а. „Теперь мы привыкли къ мысли, что въ поэтѣ дремлютъ въ возможности чуть не всѣ его образы; теперь никого не удивишь напоминаніемъ, что Гоголь *въ себѣ* наблюдалъ Хлестакова, что Достоевскій *съ себя* могъ писать и Алешу Карамазова и Фому Опискина“... Я удивленъ, пораженъ, и даже расхохотался — Гоголь и Хлестаковъ, Достоевскій въ молодости — Алеша Карамазовъ—новость! Вотъ Левъ Толстой изобразилъ себя въ Пьерѣ Безуховѣ, въ Левинѣ — это давно всѣмъ извѣстно, и всѣмъ также давно извѣстно, что писатель можетъ вырисовать и свой образъ, вложить свою душу, симпатіи, идеи и пережитое въ изображаемаго героя. Но писатели вѣдь не двуполые, надѣюсь. Ибсенъ далъ и Нору, и Гедду, и Бранда и Торвальда и т. д. Почему бы и Дузе, геніальной артисткѣ, не давать образы, созданныя художниками, независимо отъ пережитаго ею самою... Но портить автора—недопустимо... Но на мой взглядъ Дузе—это школа...

Сколько я не вчитывался—Гедду я понять никакъ не могъ... Какъ-то зимою я шелъ черезъ улицу—широкую почти площадь. Выпалъ глубокій снѣгъ, дворники его не убрали еще и пѣшеходы протоптали дорожку. Задумавшись я шелъ по дорожкѣ, сбоку глубокіе сугробы. Машинально поднялъ глаза и увидѣлъ впереди средняго роста, стройную и изящную даму; въ рукахъ она держала большую папку. Пройти можно было только одному. Я въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дамы свернулъ въ сторону и попалъ въ сугробъ, чуть-ли не по колѣни. Дама наморщила лобъ, замедлила шаги и стала скользить по мнѣ взглядомъ отъ моихъ колѣнъ до головы, но въ глаза мнѣ не заглянула... Медленно прошла и даже не кивнула головой, не говорю уже о словахъ благодарности... Я выбрался изъ сугроба и задумался. „Что за психологія?“ подумалъ я... У меня въ головѣ мелькнула мысль — Гедда!

Когда я смотрѣлъ Дузе въ Геддѣ—я понялъ, что такое Гедда... Не только голосъ Дузе, ея мимика, а даже одинъ жестъ ея божественно-пластической руки можетъ явиться откровеніемъ при толкованіи создаваемаго ею образа...

Къ сожалѣнію я могъ наслаждаться игрою геніальной Дузе только на двѣ-трети, такъ какъ сидѣлъ на второй скамейкѣ боковаго балкона, балансируя на перилѣ, и когда Дузе уходила на лѣво—я переживалъ закатъ солнца, а когда она появлялась направо — снова для меня всходило солнце.

Что дѣлать?.. Если бы я обладалъ темпераментомъ Ф. Сологуба, ко-

торый способенъ сбросить съ себя одежды и ринуться въ бѣшеный плясъ, хотя бы на эстраду къ Дунканъ, во время исполненія ею божественной шопеновской мазурки, тогда я, быть можетъ, и рѣшился бы заложить часть своего гардероба и явиться въ зрительный залъ въ болѣе легкомъ костюмѣ, и сѣсть въ кресла...

Послѣдній актъ... Гедда-Дузе борется между жизнью и смертью.. Она цѣпляется еще за жизнь... Мѣщанинъ буржуа зоветъ ее на широкій просторъ жизни — „пожить во всю"... Одно мгновеніе у нея вспыхнула жажда жизни и желаніе „завить горе веревочкой во всю". . Она тряхнула головой, улыбнулась и ударила себя божественной пластической рукой по колѣнкѣ... Меня даже подбросило на перилѣ и я чуть не грохнулся внизъ... Вульгарный жестъ, — но онъ сказалъ такъ много... Я понялъ Гедду! У Гедды чистая, какъ кристаллъ, душа... Тамъ, куда звалъ ее буржуа мѣщанинъ, ее хлопали бы по колѣнкѣ залитые шампанскимъ мѣщане, обливали бы шампанскимъ ея дорогія платья и топтали бы ея душу грязнымъ развратомъ... Гедда по Ибсену—отрицательный типъ — она и кончаетъ съ собою... Сильный взмахъ души—но маленькія крылья.... Если бы у Гедды были крылья Дузе — она жила бы — на меньшемъ Гедды не мирятся... Маленькія Гедды—дѣлаютъ только кругомъ себя маленькій адъ...

Чтобы объясниться съ Горнфельдомъ по поводу Альтенберга, я хотѣлъ нарисовать картинку моей съ нимъ встрѣчи въ Вѣнѣ, но къ сожалѣнію у меня нѣтъ мѣста и я коротко разскажу о ней.

Вѣна переживала начало „бурныхъ дней". Въ кафе, въ прессѣ, всюду говорили о всеобщемъ избирательномъ правѣ... Ни въ одномъ изъ кафе, даже на Грабенѣ, въ виду св. Стефана, я не встрѣчалъ ни разу Альтенберга... Какъ-то мнѣ захотѣлось провести вечеръ на Пратерѣ... Въ одномъ изъ тамошнихъ альказаровъ я встрѣтился съ Альтенбергомъ... Онъ перебѣгалъ отъ пѣвичекъ, „отработавшихъ" на сценѣ и появлявшихся въ публикѣ, къ депутатамъ рейхсрата, военнымъ, пожималъ руку и весело болталъ съ молодымъ фельетонистомъ, писавшимъ въ вѣнской радикальной газетѣ горячіе фельетоны о всеобщемъ избирательномъ правѣ, словомъ жилъ въ водоворотѣ вѣнской буржуазной жизни, бившей тогда болѣе сильнымъ темпомъ, чѣмъ обыкновенно... Отразилъ-ли Альтенбергъ, хоть въ одной своей картинкѣ „бурные дни" Вѣны?...

Оларъ въ своемъ строго научномъ трудѣ о французской революціи рисуетъ мѣстами картинки жизни, полныя удивительнаго юмора. Записки коммунара Лиссагаре—брызжутъ жизненными картинками (судя по газетной передачѣ содержанія „Царя Голода"—флигеля, который Л. Андреевъ пристраиваетъ къ „Жизни Человѣка"—авторъ пользуется картинками изъ записокъ Лиссагаре). Карлейль въ своей исторіи французской революціи — тоже даетъ много художественнаго матеріала... Но они не художники. Что же это за художникъ, который полностью не отражаетъ всей

правды жизни!... А Альтенберги и цѣнны только, какъ художники момента, дня...

Къ оцѣнкѣ Станиславскаго, которую даетъ Горнфельдъ нечего прибавить. Станиславскій—школа, а слѣдовательно и будущее за нимъ... Ошибки есть всюду и вездѣ... Есть онѣ и у Станиславскаго. Но что изъ этого слѣдуетъ?.. Декоративная часть у Станиславскаго—пока дорого стоющая забава для ограниченнаго круга зрителей... Но все же это школа. Когда жизнь наша войдетъ въ нормальную колею, повысится темпъ общественной жизни, будетъ у насъ побольше техническихъ и раціональныхъ школъ.—любители будутъ устраивать спектакли и будутъ держаться школы Станиславскаго въ постановкахъ, а ужъ ни въ какомъ случаѣ не пойдутъ за *школою* Мейерхольда, съ его нелѣпыми курятниками и безграмотными декораціями, якобы для воздѣйствія и воспитанія фантазіи зрителей, и съ его стилизаціей и пластикой...

Аничковъ прохаживается подъ ручку съ „традиціей“ и „стилизаціей“ Легкость и воздушность остроумія. Онъ хихикаетъ и запускаетъ руку въ ридикюльчикъ старушки традиціи—вынимаетъ оттуда что-то, снова самодовольно хихикаетъ... Повидимому, въ душѣ онъ очень и очень склоняется къ „Литургійному Дѣйству“ и не прочь тоже, вмѣстѣ съ Ф. Сологубомъ, сбросить одежды и пуститься въ бѣшеный плясъ... Но...присматривается...

Когда я читалъ у Богданова о „красочной“ скульптурѣ, я подумалъ, что при большевистскомъ кругозорѣ можно вообще ни передъ чѣмъ не останавливаться... Троцкій и Ленинъ намъ это доказали съ достаточной ясностью, когда вопіяли о доведеніи великой россійской революціи до „логическаго конца“... И довели!.. Богдановъ, впрочемъ видѣлъ „красочную“ скульптуру только въ музеяхъ Марса... Но о чемъ хлопочетъ Аничковъ? Какимъ путемъ онъ думаетъ создать красочную скульптуру? Скульпторъ рѣзцомъ изъ мрамора дастъ формы и линіи тѣла, и затѣмъ размажетъ ихъ масляными красками, акварелью, сепіей—такъ, что ли? Нѣтъ... Цвѣтной камень? Какъ работать съ нимъ? Мозаика? Нельзя же пророчествовать за счетъ будущихъ геніальныхъ скульпторовъ... Въ музеяхъ Брюсселя, Берлина и Парижа, на выставкахъ (салонахъ) въ Парижѣ, встрѣчаются цвѣтныя скульптурныя произведенія, небольшія статуи и миніатюры... Но красочность ихъ ограничивается декоративной частью,—мантія, головной уборъ и т. д. „Формы и линіи тѣла“ изъ цвѣтнаго камня, но часто совершенно далекаго отъ „всамудѣлешнаго“ цвѣта тѣла... Далѣе. Расписная готика. По Аничкову мы ее полюбили „сѣрою“, а она была росписная... Откуда? Что значитъ росписная? Да она и сейчасъ росписная и внутри и снаружи—мозаика, краски... Матеріалъ, изъ котораго она построена, былъ всегда сѣрый. А если Аничковъ несогласенъ съ этимъ, такъ нужно доказать толкомъ, что это не такъ. Въ Люксембургскомъ музеѣ есть чудныя скульптурныя работы изъ дерева. Всѣ они изъ *темнаго* дерева. Почему?

Крѣпче и прочнѣе матеріалъ—вотъ и все... Впрочемъ, это одна пустая болтовня—скульпторамъ, навѣрное, это виднѣй, чѣмъ намъ съ Аничковымъ. Съ скульптурными произведеніями Аничкова я не встрѣчался, самъ же я не умѣю даже лошадки вылѣпить изъ терракоты...

Что хотѣлъ сказать Аничковъ указаніемъ на то, что нѣсколько столѣтій тому назадъ Шекспира играли не такъ, какъ сейчасъ играютъ. Дать-де, подлиннаго Гамлета, какъ создалъ его Шекспиръ въ наше время уже нельзя. Почему?! Если Аничковъ хотѣлъ сказать, что тѣ чуства, движенія души и т. д., которые изображалъ Шекспиръ, по Шекспиру ограничивались только *средою* высшей аристократіи и дворовъ, а теперь они не чужды и всѣмъ сознательно мыслящимъ людямъ—я противъ этого ничего не имѣю... Но Гамлетъ *во фракѣ*, хотя бы и при шпагѣ—требуетъ поясненій... Представьте себѣ картину Семирадскаго „Персея", на которой Неронъ былъ бы изображенъ въ костюмчикѣ Аничкова, въ пенсне, съ розой въ петличкѣ и цилиндромъ въ рукахъ, хотя бы и при палашѣ, и рядомъ съ нимъ начальникъ охраны въ костюмѣ нашего градоначальника; или, Юлій Цезарь былъ бы на сценѣ одѣтъ въ „максимку", съ накинутой на плечи „андреевской" поддевочкой... Я думаю самъ Аничковъ пришелъ бы отъ такихъ „сюжетовъ" въ веселое настроеніе...

Внѣшнія средства для артистовъ тоже имѣютъ огромное значеніе. Не имѣя внѣшнихъ средствъ, само собою, и нельзя играть Островскаго, или Шекспира, какъ играли ихъ прежде. Толстымъ долженъ быть Гамлетъ или худенькимъ? Споръ этотъ, нестоющій выѣденнаго яйца, возникъ только благодаря тому, что одинъ артистъ обладалъ комплекціей хорошаго мяснаго англійскаго быка, а другой былъ тонокъ, какъ журавль. Недостатокъ голосовыхъ средствъ сгубилъ наполовину талантъ Яворской,—коронною ролью ея стала роль въ „M-lle Фифи"...

Я обладаю огромнѣйшимъ артистическимъ талантомъ, но у меня кривыя ноги и полтора аршина росту. Сергѣй Городецкій—тоже огромная артистическая душа, но онъ обладаетъ дамскимъ голосомъ. При театрѣ „одной воли", когда будетъ совершаться литургійное дѣйство, и когда мы сбросимъ съ себя одежды и пустимся въ бѣшеный плясъ,—и я окажусь на должной высотѣ и С. Городецкій, воспоя о „Теплой Водѣ"—не будетъ портить общаго ансамбля... Но театръ этотъ еще въ будущемъ...

Далѣе я начну обходъ „палатъ".,. Палата № 1. Александръ Бенуа... Балетъ... Сбѣжалъ . . . .

Балетоманъ. Очень радъ. Покорнѣйше прошу садиться... Чѣмъ могу служить?.. Къ сожалѣнію спѣшу по дѣламъ... (*не выпускаетъ изъ рукъ портфеля*).

Александръ Бенуа. Начну съ значенія литургійности въ балетѣ. Всѣ теперь, какъ извѣстно, склоняются къ религіозной литургійности въ искусствѣ.

Балетоманъ. Но не окажется ли это столь же преувеличеннымъ, какъ преувеличено было значеніе союза русскаго народа... И затѣмъ — я въ подлинномъ смыслѣ религіозный человѣкъ...

Бенуа. Вы, быть можетъ, думаете, что я какой-нибудь неблагонадежный элементъ, который хочетъ втащить въ балетъ какую-нибудь массовку?.. Драму съ низменными побужденіями толпы?..

Балетоманъ. О, нѣтъ!.. Помилуйте...

Бенуа. Необходимо, чтобы балетное дѣйство, литургія мертвой пластики, отразила Божество—улыбку... Нужно, чтобы улыбнулось все кругомъ, даже плафоны на потолкахъ, даже капельдинера за дверью зрительнаго зала, вѣшалки и сброшенныя одежды...

Балетоманъ. Да... Но для меня пріятнѣе улыбки... балеринъ... Ваши реформы?..

Бенуа. Разрушить все и создать заново... Про декораціи вамъ больше можетъ разсказать Мейерхольдъ. Мы беремъ за образецъ „Голгофу" Яна Стыки... Знаете, на Невскомъ, противъ Николаевской ул... Я остановлюсь на репертуарѣ... Начнемъ съ сотворенія міра... Хаосъ... Двѣ звѣзды... Чтобы не пугать зрителей картиною Хаоса... Богъ съ ангелами...

Балетоманъ. Кто же будетъ танцовать?.. Не заставите же вы танцовать Бога Саваофа съ ангелами?..

Бенуа. Да почему бы ему и не протанцовать!..

Балетоманъ. Это же кощунство!..

Бенуа. Затѣмъ я вамъ разскажу по порядку о сотвореніи міра .. Далѣе перейду къ изгнанію первыхъ людей изъ рая, къ жизни ихъ внѣ рая, разскажу о потопѣ, Моисеѣ...

Балетоманъ. Словомъ, вы хотите взять сюжеты изъ библейской исторіи...

Бенуа. Не только... Я васъ ознакомлю затѣмъ съ мифологіей древнихъ грековъ, римлянъ, египтянъ, ассирійцевъ, индусовъ, китайцевъ, японцевъ, корейцевъ, самоѣдовъ, финновъ... Я все это знаю...

Балетоманъ. Не сомнѣваюсь... Но простите, у меня нѣтъ времени...

Бенуа. А мнѣ какое дѣло, — вольно же вамъ по-бюрократически относиться къ балету!.. Затѣмъ я перейду къ античной драмѣ и познакомлю васъ съ ней... Я хорошо знакомъ, изучалъ... Разскажу вамъ всю жизнь Христа... Мистеріи... Далѣе мы перейдемъ къ новѣйшимъ сюжетамъ и я васъ познакомлю съ выдающимися художниками слова всѣхъ странъ... Имѣйте же терпѣніе—я все это знаю, кавъ свои пять пальцевъ... А наши декаденты?! Въ своей жизни я встрѣчалъ много геніальныхъ клоуновъ, но противъ Блока, Вяч. Иванова, Вал. Брюсова и другихъ нашихъ геніевъ, Шекспиръ и Мольеръ кажутся только талантами...

Балетоманъ. А музыка?..

Бенуа. Да развѣ вы не слыхали про Рафаловича... Вагнеръ былъ

только способнымъ музыкантомъ, а это геній! Подумать только, что мы съ нимъ *натворимъ*, да еще въ компаніи съ Мейерхольдомъ!

Балетоманъ. Къ сожалѣнію, я за оперой не слѣжу...

Бенуа. Да у него оперъ и нѣтъ... У него еще ничего нѣтъ... Но задачи его обширны!.. У него „Донъ-Жуанъ" свой... Выше Байрона, Пушкина, Алексѣя Толстого...

Балетоманъ. Костюмы?..

Бенуа. Это меня не занимаетъ... Дунканъ танцуетъ и голою, у себя дома...

Балетоманъ (*приподнимается, растопыриваетъ руки, портфель падаетъ, изъ него выеаливаются бумаги*). И вы хотите такую же реформу ввести въ нашемъ балетѣ?!. Позвольте васъ расцѣловать... Устраивайте лекціи публичныя, я буду способствовать, билеты распространять, тамъ, словомъ, вліять . . . .

Палата № 2. Мейерхольдъ. Вся палата увѣшана рисунками и чертежами—небо съ кускомъ луны и двумя звѣздами, голубое небо, отъ одной изъ точекъ котораго идутъ лучи солнца, углемъ начерченныя треугольники, круги, линіи, окна, двери... Сидитъ на стулѣ, обсыпанный пудрою и плететъ корзинки... При моемъ входѣ соскакиваетъ...

Мейерхольдъ. Хотите я вамъ прочту лекцію о „Вѣкѣ Пудры"... Вотъ корзиночки... а тамъ сидятъ напудренные люди... Пластика.. Видите кусокъ луны... всю нельзя показывать—воображеніе зрителя не будетъ работать... Лучи солнца... а солнца ненужно... вы не можете на него смотрѣть. Двѣ звѣзды... Нельзя же всѣ—фантазія зрителя не будетъ работать... Окно только начерчено и дверь... Если раскрыть, вы будете видѣть, что тамъ дѣлается... Нужно, чтобы ваша фантазія работала... Хотите я вамъ Кузьмина изображу?.. Я нашелъ три измѣренія и четвертое?! Четвертое это—орхестра...

Мейерхольдъ поднялъ глаза къ небу, раскрылъ ротъ, по угламъ рта текла слюна, въ носъ вложилъ два пальца и застылъ . . . .

Если бы стать человѣка щелкать въ носъ — думается силѣ щелчка соотвѣтствовала бы и мимика лица. Сколь разнообразны должны быть—мимика лица, выраженіе глазъ, оттѣнки движеній при отраженіи сложнѣйшихъ душевныхъ человѣческихъ переживаній... Мертвая пластика въ картинахъ, въ скульптурѣ, въ балетѣ, въ оперѣ (особенно въ изображеніи толпы) — законна. Но въ драмѣ - это вздорный бредъ... Пусть бы Мейерхольдъ попробовалъ застилизовать Марію Гай въ „Карменъ"... Мейерхольдъ вытащилъ какой-то мусоръ, и перебираетъ его... Всѣ прекрасно на *опытѣ* оцѣнили школу Мейерхольда и Станиславскаго...

Палата № 3. Рафаловичъ пишетъ [1]): „Если едва уловимыя нити и протянулись отъ нихъ (древнихъ культуръ) къ намъ, то все же мы съ

[1])Стр. 223.

полнымъ правомъ можемъ утверждать, что и въ древне-классическомъ мірѣ создалась новая, отличная отъ прежнихъ, и теперь еще далеко не окончившая своего пути“. Поняли? Дальше [1]): „Очевидно, что и въ древне-греческомъ мірѣ были уже различные классы, профессіи и имущественныя положенія. Но эти различія были только внѣшнія, формальныя, не по существу для свободныхъ программъ“. Поняли? Напрасно думать, что это описки отъ спѣшной работы, невольные lapsus'ы. Это система. Фед. Сологубъ „философствуетъ, какъ поэтъ“ и потому откровенно говоритъ, что „плохо умѣетъ аргументировать“. И бредитъ, какъ ему Богъ положитъ на душу, предоставляя читателю разобраться въ томъ бредѣ, яснаго отчета въ которомъ Ф. Сологубъ самому себѣ дать не можетъ... Вотъ еще примѣръ. Одна изъ разновидностей анархизма (ихъ цѣлый легіонъ), пишетъ на первой страницѣ своего трактата, и притомъ курсивомъ: „Человѣкъ, какъ продуктъ естественной и соціальной среды и, какъ скульпторъ ея, какъ результатъ всего прошедшаго и настоящаго, всего его окружающаго, и какъ единственная активная сила, созидающая и могущая созидать будущее“. Тоже перлъ!

Рафаловичъ хотѣлъ перепрыгнуть черезъ Чехова и написалъ лирическую пьесу „Рѣка идетъ“, но остался на томъ же мѣстѣ, съ котораго началъ прыжекъ. Онъ же освѣтилъ „Донъ-Жуана“ съ анархическаго угла зрѣнія и для него Вагнеръ сталъ только способнымъ музыкантомъ. Въ сборникѣ скромно говоритъ лишь о соціалистическомъ строѣ...

Палата № 4. Федоръ Сологубъ... сбѣжалъ...

Маріинскій театръ. „Фаустъ“ съ Шаляпинымъ. Сижу въ креслахъ. Рядомъ незнакомецъ, съ мрачнымъ лицомъ, все время оглядывающій публику, внизу, по ложамъ, по верхамъ. Взвился занавѣсъ... Наконецъ—Шаляпинъ появился... Слушаю его аріи... Чарующій голосъ... Когда поетъ Шаляпинъ—ненужно слѣдить за игрой... Да и вообще я не признаю игры въ оперѣ, ни декорацій... Въ одномъ изъ актовъ, когда пѣлъ Шаляпинъ арію, незнакомецъ наклонился ко мнѣ и вступилъ въ разговоръ... Все пропало!.. Хотѣлъ оборвать, но вступленіе, съ которымъ незнакомецъ ко мнѣ обратился, меня заинтересовало, захватило сразу и я пересталъ слушать Шаляпина...

Незнакомецъ. А вѣдь, въ концѣ-концовъ, помретъ онъ, Шаляпинъ, не правда ли? Люблю эту лохань—готовъ цѣловать безъ счету... Но будутъ и его омывать въ послѣдній разъ и онъ застынетъ—и ни мимики, ни кривляній, ни чарующаго голоса, ни славы... все изсчезнетъ, какъ дымъ... Жалкій мигъ... Мимолетное прохожденіе по театру мірозданія... всѣ—только истлѣвающія личинки... А души заперты, замуравлены, не могутъ вознестись и слиться въ единомъ созерцаніи Меня, отъ котораго нити протянуты ко всѣмъ душамъ... А души не сливаются .. Слыхали, что-нибудь о Гоголѣ?..

Я. Да что-то немножко, какъ-будто слышалъ...

Незнакомецъ. Грубый писатель... Не прожилъ и столѣтія... Вотъ

[1]) Стр. 225.

Валерій Брюсовъ, — тотъ уже прожилъ пять столѣтій — проживетъ и еще десять, а я проживу двадцать пять столѣтій... Не вѣрите?.. Вотъ увидите!..

Я. Поживемъ—увидимъ...

Незнакомецъ. Ну, посмотрите вы кругомъ... на этихъ зрителей... Затянулись въ мѣшки, на каждомъ мѣшкѣ — ярлыкъ, форма, мода... Будутъ же они въ концѣ-концовъ лежать на столахъ, застывшіе, молчаливые, таинственные... Всѣмъ бы заглянулъ тогда въ лица... И они поняли бы меня!.. Живутъ мигъ одинъ, одинъ мигъ... и не могутъ слиться въ одну душу и не могутъ жить, какъ хочетъ ихъ душа... обманъ, ложь... борьба... кошмаръ... Знаете что — крикнемъ Шаляпину, пусть швырнетъ свою шляпу, шпагу, сброситъ съ себя одежды и идетъ къ намъ... Мы тоже съ вами сбросимъ одежды и пустимся въ бѣшеную пляску посреди этой мѣщанской падали...

Я. Но...

Незнакомецъ. Ну развѣ на сценѣ идеть литургія,—нѣтъ религіознаго экстаза ни на сценѣ, ни у зрителей, нѣтъ Меня. А только въ Моемъ сліяніи всѣхъ душъ и разрѣшается великая трагедія. А то, что мы видимъ—театръ маріонетокъ, и на сценѣ и среди насъ... Разрушить нужно все до основанія и создавать заново... Я и разрушилъ уже все и создалъ для себя, для своей души новый міръ, Мой міръ, и слился своею душею съ Нимъ... Нужно сбросить у входа новаго храма одежды и ринуться въ бѣшеной пляскѣ, всѣмъ... Вы еще мальчикъ... Думаете—затянулись они въ мѣшки и не сбросятъ своихъ одеждъ для разврата... Топтать нужно это жалкое мѣщанство, съ его ограниченнымъ тупоуміемъ, съ его дикими, варварскими условностями... Не понимаютъ!..

Я. Да, я согласенъ, но...

Незнакомецъ. Посмотрите на міръ, восторженнымъ взглядомъ, тѣмъ взглядомъ, который вамъ откроетъ Меня... И міръ чаруетъ, онъ прекрасенъ... И въ насъ онъ отразилъ Себя... А мы, мы—вдумайтесь въ эту трагедію!..

Незнакомецъ поднялся, кивнулъ мнѣ головой и исчезъ... Русскій Чайльдъ-Гарольдъ, подумалъ я...

Палата № 6. Валерій Брюсовъ. Не портитъ общаго ансамбля...

Палата № 7. Георгій Чулковъ. Подаетъ надежды на выздоровленіе. Среди бреда часто появляются проблески здороваго сознанія. Поучаетъ о различіи индивидуилизма соціалистовъ, какъ борьбы классовъ и конкурренціи внутри классовъ, отъ индивидуализма анархистовъ, какъ совершенствованія свободной личности. Индивидуализму соціалистовъ противопоставляетъ коллективизмъ, а за коллективизмомъ послѣдуютъ коммуны. Упоминаетъ о соціальной революціи. Говоритъ обо всемъ объ этомъ, точно онъ открылъ Америку. Повидимому начинаетъ вдумываться въ анархизмъ, по типу французской коммуны. Но дойдя до литургійнаго дѣйства, снова начинаетъ бредить, какъ мистическій анархистъ и заканчиваетъ съ пафосомъ: „Въ этомъ

обрученіи (съ дѣвственной землей) вся ихъ (людей) таинственная сила. Быть можетъ, это обрученіе—единственная тема будущаго театра, и его надо возсоздать въ рядѣ дѣйственныхъ символовъ. Если мы не войдемъ въ этотъ священный кругъ и не обручимся съ землей, намъ угрожаетъ или безплодность поверхностнаго эстетизма или истерика упадочниковъ. Земля, какъ невѣста, земля стремящаяся вмѣстѣ съ солнцемъ къ новой звѣздѣ— вотъ тотъ окрыленный реализмъ, къ которому идетъ новый театръ... Смѣхъ (въ символической драмѣ) нуженъ будетъ для того, чтобы за нимъ скрыть опасный ужасъ и безмѣрное обожаніе того начала, имени которому нѣтъ".

Г. Чулковъ въ качествѣ мистическаго анархиста затесался на небо и оттуда смотрѣлъ мутнымъ и блуждающимъ взоромъ на таинственную землю. Затѣмъ онъ понемногу спускается на землю и взоръ его проясняется. Но кому, скажите пожалуйста, интересно слѣдить за эволюціей совершающагося у Г. Чулкова процесса здороваго проясненія его духа и ума...

Палата № 8. Андрей Бѣлый. Тихое умопомѣшательство. Ясное и отчетливое сознаніе до момента встрѣчи съ Ницше. Послѣ встрѣчи съ Ницше наступаетъ бредъ, который переходитъ даже мѣстами въ буйное умопомѣшательство. Надуваетъ мыльные пузыри и когда они лопаются съ легкимъ трескомъ принимаетъ ихъ за взрывы страшной силы и оглушительнаго грома динамитныхъ снарядовъ. Рушитъ все—драму, музыку, искусство. Живетъ на Марсѣ, при соціалистическомъ строѣ и говоритъ, что наступилъ моментъ осуществленія анархическихъ идеаловъ. Вѣроятно они будутъ имъ осуществлены на дняхъ. Все искусство обѣщаетъ передѣлать заново...

Въ примѣчаніи опасается, что Дѣйства въ духѣ Вячеславовъ Ивановыхъ, Федоровъ Сологубовъ и другихъ припадочныхъ пророковъ, мы (т. е. некультурные мѣщане, зрители и участники) можемъ обратить въ нѣчто низменное. Ахъ, Андрей Бѣлый, Андрей Бѣлый, вы еще совершенный мальчикъ, который наивно думаетъ, что объявши своимъ юношескимъ умомъ прекрасные идеалы, чарующіе, но далекіе... охъ, какіе далекіе, и улетѣвши въ дымку розовыхъ облаковъ можно совсѣмъ не считаться съ гущею земли... Окунитесь въ эту гущу, потопчитесь въ ней лѣтъ 10—20,—тогда пророчествуйте...

А вотъ мы-то иначе смотримъ на Дѣйства... Мы знаемъ, что въ *ихъ идеѣ* уже заложены зародыши нездороваго, противоестественнаго, и извращеннаго духа и ума, уранизма духа и ума. И какъ слѣдствіе этихъ Дѣйствъ, психологически неизбѣжное и послѣдовательное, — появится и подлинный, за ними идущій, физіологическій уранизмъ...

Нѣсколько словъ о пророкахъ нашихъ дней, и я перейду къ разсмотрѣнію того, къ чему и относятся приведенныя въ началѣ главы эпиграфы...

Газета „Свободныя Мысли" является какимъ-то свалочнымъ мѣстомъ

для всякаго рода пророковъ,—развѣнчанныхъ, непризнанныхъ, или начинающихъ свои пророчества. Тамъ какъ-то промелькнулъ развѣнчанный пророкъ Энгельгардъ... Недавно появился все тамъ же пророкъ Мережковскій [1]... Лѣтъ десять тому назадъ Мережковскій написалъ громовую статью противъ Л. Толстаго. Мережковскій утверждалъ въ ней, что Христосъ у Л. Толстаго—неподлинный Христосъ, а если кто хочетъ узнать истиннаго Христа, тотъ долженъ идти за Мережковскимъ. Въ своемъ „Грядущемъ Хамѣ“ Мережковскій отрекомендовался западникомъ самой высокой пробы, взялъ въ свидѣтели Герцена, отвѣсилъ глубокій поклонъ русской интеллигенціи въ лицѣ ея лучшихъ представителей и борцовъ, начиная отъ декабристовъ и кончая дѣвушками—чистыми весталками, новыми Юдифями, идущими въ станъ Олоферна, съ молитвою въ сердцѣ и съ мечемъ въ рукахъ,—и со слезами на глазахъ произнесъ:

„Милые русскіе юноши! Вы благородны, честны, искренни. Вы—надежда наша, вы—спасеніе и будущность Россіи. Отчего же лица ваши такъ печальны, взоры потуплены долу? Развеселитесь, усмѣхнитесь, поднимите ваши головы, посмотрите черту прямо въ глаза. Не бойтесь глупаго стараго черта политической реакціи, который все еще мерещится вамъ то въ языческой эстетикѣ, то въ христіанской мистикѣ. Не бойтесь никакихъ соблазновъ, никакихъ искушеній, никакой свободы, не только внѣшней, общественной, но и внутренней, личной, потому что безъ второй невозможна и первая“. Нужно отдать справедливость нашимъ милымъ, русскимъ юношамъ,—они всегда мучительно ищутъ правды и откликаются на призывы всякихъ пророковъ. Пришли они и къ Мережковскому. Мережковскій поднялъ руки и благословилъ ихъ „во имя Отца и Сына и Духа Св.“... И милые русскіе юноши, ищущіе правды, не удовлетворились такою формулою и ушли отъ него ни съ чѣмъ, потому что и самъ онъ находитъ, что не всѣми эта формула понимается одинаково, а слѣдовательно ее нужно ясно, ярко и опредѣленно развить, чего онъ не сдѣлалъ. Но ему за то улыбнулись съ другой стороны, и улыбнулись полностью на его призывъ,—втащили и языческую эстетику, и христіанскую мистику, и личную свободу въ жизнь и въ литературу—и довели все это до подобія притону. Мережковскій пришелъ въ бѣшенство и не находитъ словъ для выраженія своего негодованія. Но... онъ даже и негодованія своего какъ слѣдуетъ выразить не смѣетъ. Христосъ взялъ кнутище и изгналъ торговцевъ изъ храма. А Мережковскій говоритъ, что Философовъ выручилъ-де *васъ* (кого же именно?) хулиганами, прохвостами и хамами—и онъ Мережковскій съ нимъ согласенъ. Да Философовъ-то, на самомъ дѣлѣ, когда ругался, тоже спрятался за печенку, желудокъ, кишки, почки и оттуда уже, почти ше-

---

[1]) О художникѣ Мережковскомъ я здѣсь не говорю. Его „Трилогію“, быть можетъ, будутъ читать съ интересомъ и за соціальной чертой...

потомъ и извиняясь, ругнулся въ выраженіяхъ самыхъ изысканныхъ и благородныхъ. Ахъ, пророки!..

Повидимому среди декаденскаго Олимпа вопросъ о возведеніи въ пророки правовѣрнаго декадента Ф. Сологуба рѣшенъ категорически. Около Ф. Сологуба уже образовался штабъ Петровъ Пильскихъ, К. Чуковскихъ и прочихъ критическихъ прихвостней. Что же такое представляетъ собою Ф. Сологубъ, какъ пророкъ? Ф. Сологубъ—мистическій анархистъ буйной марки. Въ сущности, если можно еще говорить объ анархизмѣ, какъ партіи, то только объ анархизмѣ, съ утопическою программою и нелѣпою тактикою, въ духѣ французской коммуны, яркимъ представителемъ котораго является Кропоткинъ,—съ этимъ анархизмомъ слѣдуетъ, конечно, считаться. Но мистическій анархизмъ не имѣетъ никакихъ ясныхъ, опредѣленныхъ и ярко выраженныхъ формулъ, и поэтому каждый изъ мистическихъ анархистовъ бредитъ за свой личный страхъ и совѣсть. Мистическій анархистъ Г. Чулковъ (марка неустойчивости Чулковъ), буйный мистическій анархистъ Ф. Сологубъ (буйная марка Сологубъ), содомисто-садическій мистическій анархистъ Вяч. Ивановъ (марка Діониса Ивановъ), мистико-Ницшеано-Кропоткинскій анархистъ Андрей Бѣлый (марка Бѣлый) мистико-анархическій народникъ Блокъ (балаганная марка Блокъ) и т. д. и т. п. Да иначе и быть не можетъ. Тогда бы мистико-анархическій индивидуализмъ былъ бы только ребяческой бирюлькой и парадоксомъ...

Л. Андреевъ сказалъ: да будетъ тьма. И появилась „Тьма“, съ публичнымъ домомъ, сдѣлавшимся теперь однимъ изъ не умирающихъ, безсмертныхъ уголковъ жизни, куда заглядываютъ и признанные и непризнанные художники слова . . . .

Я ѣхалъ на пароходѣ по Женевскому озеру изъ Женевы въ Лозанну. Качки почти не было. Волны катились отъ парохода, какъ расплавленный темно-голубой камень. Рядомъ со мною сидѣла очень чопорная дама, сѣдая брюнетка, изящно одѣтая. Недалеко отъ Лозанны ей сдѣлалось дурно отъ качки парохода, которая для другихъ была почти неощутима.

Поневолѣ мнѣ пришлось принять участіе и оказать ей кое-какія услуги. Мы познакомились. Я остался въ Лозаннѣ, она прослѣдовала на пароходѣ дальше. Жила она въ фешенебельномъ отелѣ на высшей точкѣ берега Женевскаго озера. Поэты-швейцарцы поняли, что высшія точки Альповъ слѣдуетъ превратить въ отели для отдыха поэтовъ-буржуа. Съ дамой я встрѣчался на прогулкахъ. Она оказалась природной француженкой, но жила постоянно въ Петербургѣ уже лѣтъ 20. Вдова и „труженица“. Путешествовала по дѣламъ своего „салона“, какъ она отрекомендовалась мнѣ.

Изучала „новинки“ сезона въ Вѣнѣ и Парижѣ. Рѣшила отдохнуть въ Швейцаріи и затѣмъ домой. Просила меня навѣстить ее по пріѣздѣ въ Петербургъ. „Салонъ“ оставался для меня совершенной загадкой,—она го-

ворила о немъ смутно и неопредѣленно. Я боялся быть назойливымъ и не разспрашивалъ о подробностяхъ „салона"...

Какъ-то разъ, совершенно случайно, я встрѣтилъ ее на Фонтанкѣ. Разговорились. Она попеняла меня за то, что я не навѣстилъ ее въ Петербургѣ и взволнованно начала говорить о дѣлахъ своего „салона". Содержаніе „салона" для меня стало яснымъ...

— Звонки покою не даютъ, вы повѣрите! Салонъ я открываю съ 12 часовъ. А они уже ждутъ въ очереди чуть не съ десяти часовъ и никому нѣтъ покоя. Я труженица и не люблю цинизма... У меня салонъ вполнѣ благородный и на высокомъ мѣстѣ стоитъ, вы повѣрите! У меня новинки сезоновъ Парижа и Вѣны... А они... какіе-то странные... Поэты все, декадентскіе какіе-то... Они меня атукували всю, вы повѣрите!.. Я труженица и не люблю цинизма...

— О, да, мадамъ, я знаю, что вы благородная труженица и не любите цинизма...

— Мой Маркуша чуть не отбилъ одному носа... Все нюхалъ—запахи принюхивалъ... Такой мерзость я еще не видалъ, вы повѣрите... У нихъ душа вотъ какой, дама разставила руки въ ажурныхъ, шелковыхъ перчаткахъ... А въ карманѣ одно „фи" и больше ничего нѣтъ, а я труженица...

— О, мадамъ, если бы у нихъ въ карманахъ было только „фи"— это было бы съ ихъ стороны возвышенно и благодарно, но у нихъ и за душей нѣтъ ничего, кромѣ „фи"...

— За душой у нихъ большой „фи"!.. Я труженица и не люблю цинизма, вы повѣрите... Я не допускаю въ своемъ салонѣ эти коты, вы понимаете?.. А они мнѣ коты заводятъ . . . .

Языкъ искусства слѣдуетъ переводить на языкъ жизни. Какія высшія цѣли жизни вырисовываются намъ въ художественныхъ произведеніяхъ Л. Андреева? Говорятъ—Л. Андреевъ моралистъ. Но, кто же изъ представителей искусства живого слова не моралистъ. Символика, импрессіонизмъ и морализмъ—были всегда всѣми художниками въ той или иной дозѣ вносимы въ ихъ художественныя образы. Символизмъ, какъ высшее отраженіе жизни, реально не существующей, импрессіонизмъ, какъ яркость и выпуклость, желательная для того или другого рисуемаго образа или душевнаго переживанія, и морализмъ, какъ отраженіе жизненной борьбы на основѣ голода и любви. Л. Андреевъ узкій и ограниченный моралистъ. Въ своемъ моральномъ паломничествѣ — онъ не находитъ другихъ образовъ, кромѣ проститутокъ, гимназистовъ и студентовъ, или бомбистовъ. Для „санинскихъ" же героинь и героевъ—у него припасены другія средства воздѣйствія—вѣдьмы, Роки, Сѣрые, іерихонскія трубы смерти и прочій аксессуаръ въ этомъ же родѣ изъ декадентскаго багажа. Морализмъ, по преимуществу, это уже жупелъ и дѣтская забава, какъ и символизмъ и импрессіонизмъ. Но Л. Андреевъ не только моралистъ — онъ въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ отражаетъ и общественныя теченія. М. Горькій—

пролетарскій идеологъ, по преимуществу. Въ своей драмѣ „Къ звѣздамъ“, окутанной чарующей дымкой здороваго символизма, Л. Андреевъ устами ученаго астронома сказалъ, что пораженіе идеологовъ пролетаріата — это одинъ ничтожный мигъ жизни—впереди вѣка... Устами рабочаго Трейча онъ оттѣнилъ неизбѣжность борьбы со стороны пролетаріата, какъ живой части капиталистическаго строя; но въ пораженіи интеллигентныхъ идеологовъ пролетаріата вы чувствуете крушеніе самой идеологіи, узкой и однобокой. Въ „Саввѣ“ Л. Андреевъ запутался въ дебряхъ анархизма и выбраться изъ этихъ дебрей не смогъ — да и немудрено. О „Саввѣ“ я говорилъ выше. Безобразное зданіе „Саввы“ Л. Андреевъ началъ понемногу разбирать и далъ намъ уже, какъ я указывалъ „Елеазара“, прибавлю къ этому „Жизнь Человѣка“ и „Тьму“. Сколько бы Л. Андреевъ не перестраивалъ хламины „Жизнь Человѣка“, какихъ бы флигелей не подлѣпливалъ къ нему—эта хламина не улучшится. Ее нужно рухнуть совсѣмъ и на ея мѣстѣ воздвигнуть заново болѣе величественное зданіе, какое приличествуетъ жизни и положенію Человѣка, какъ частицы Человѣчества и Вселенной,—а не только жизни и положенію Человѣка, съ дипломомъ архитектора въ карманѣ.

Говорятъ, Л. Андреевъ только загадываетъ загадки, но самъ ихъ тутъ же рядомъ, въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ не разрѣшаетъ. Это, конечно, хорошо. Повозиться надъ тою или другою загадкою лучше, чѣмъ провести просто такъ, зря, время, лежа, скажемъ, на кровати и безцѣльно посылая плевки въ потолокъ. Отчего не поломать головы надъ загадками, задаваемыми Л. Андреевымъ. Но мнѣ кажется, что Л. Андреевъ задаетъ *только* загадки потому, что онъ и самъ не имѣетъ опредѣленнаго отвѣта на нихъ, онѣ остаются и для него тѣми же загадками, какъ и для насъ. Загадка—„Такъ было“. Знаемъ,—но стало иначе. А дальше—такъ будетъ? Л. Андреевъ пожимаетъ плечами и говоритъ — а я почемъ знаю! Снова то же загадка „Такъ было“. А что нужно, чтобы было иначе, было не такъ? Л. Андреевъ снова пожимаетъ плечами и говоритъ — а я почемъ знаю. „Тьма“—это новая загадка. А гдѣ же выходъ къ свѣту?..

Думается, что Л. Андреевъ не только задаетъ загадки,—онъ рушитъ создаваемыми имъ художественными образами, картинами, — съ холодной непоколебимостью или съ искренней страстностью, ярко, могуче, съ силою огромнаго таланта,—рушитъ тѣ пути, по которымъ идутъ ищущіе правды и заблудившіеся, тѣ общественныя теченія мысли, которыя захватываютъ въ данный моментъ общество, мучающееся надъ разрѣшеніемъ загадокъ жизни и которыя ему представляются ложью... Рушитъ... Но не созидаетъ... Почему?.. Не умѣю отвѣтить... М. Горькій созидаетъ—но мало кого убѣждаетъ... Достоевскій созидалъ, не окончилъ своего созиданія, не сказалъ послѣдняго слова и не убѣдилъ никого... Толстой съ тою же искренней страстностью, какъ Л. Андреевъ, разрушалъ, но созиданіе его мало кого убѣждаетъ... Л. Андреевъ не хочетъ быть пророкомъ—онъ мучается съ нами

надъ созиданіемъ, а мы создали что-нибудь, какъ абсолютную истину, обязательную для всѣхъ? Нѣтъ—мы ищемъ, мучаемся, идейно боремся, а онъ, какъ художникъ, отражаетъ эту идейную борьбу, принимаетъ въ ней участіе вмѣстѣ съ нами и убѣдившись, что такой-то путь не вѣренъ, такое-то теченіе мысли—ложь, онъ ломаетъ ихъ и отбрасываетъ обломки безъ колебаній. Но всѣ хотятъ противопоставить отброшенному что-нибудь чарующее, захватывающее, дающее вѣру и согрѣвающее душу. Л. Андреевъ не находитъ у себя красокъ для выраженія этого, тутъ же рядомъ, гдѣ онъ только-что разрушилъ,—и въ этомъ его слабость, какъ художника...

Однихъ онъ убѣждаетъ,—тѣхъ, кого и убѣждать ненужно,—другихъ только раздражаетъ,—тѣхъ кому выброшенныя обломки, кажутся святынею... Языкъ „Тьмы" модный, безъ подлежащихъ и съ привкусомъ декаденскаго жаргона. Высшія цѣли жизни въ „Тьмѣ" мнѣ кажется должны бы побуждать придерживаться болѣе приличествующаго „штиля" языка,—модный декаденскій языкъ скорѣе напоминаетъ тесемочку на модныхъ сюртукахъ въ нынѣшнемъ сезонѣ. „Штиль" „Жизни Человѣка" почему-то болѣе простой и яркій. Но декаденскій языкъ съ тесемочной штилью мнѣ кажется далеко еще неотдѣланнымъ, невыработаннымъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ приходилось перечитывать снова, такъ какъ не знаешь какое подлежащее взять: „Вздрогнула"—Люба-ли вся, нога-ли ея или грудь, кофточка на гвоздѣ, или нога спящаго бомбиста Алексѣя или Семена...

Бомбистъ неизвѣстнаго званія, Алексѣй или Семенъ, молодой человѣкъ лѣтъ 26, дѣвственникъ, во имя высшей справедливости и въ защиту попранныхъ народныхъ правъ, отъ лица народа, который его не уполномачивалъ, приговорилъ къ смертной казни человѣка; оправданіемъ смертной казни, которую онъ долженъ совершить—служитъ то, что и онъ бомбистъ жертвуетъ своею жизнью, отнимая чужую жизнь,—въ его глазахъ это высшая жертва, на которую способенъ человѣкъ и по этому онъ считаетъ себя лучшимъ изъ людей, достойнымъ безсмертія. Всю свою душу, всю свою энергію, всю силу своего ума,—этотъ высшій духовный даръ человѣка,—онъ отдалъ на борьбу съ низшими агентами власти, охранниками и полиціей, которые травятъ его и преслѣдуютъ, перегоняютъ съ мѣста на мѣсто—онъ не можетъ ни выспаться, ни поѣсть, ни переодѣть бѣлья и вымыться по человѣчески,—онъ на днѣ, за чертой нормальной, обыденной жизни, на днѣ, гдѣ нищета, грязь, развратъ и воровство неизвѣстнаго званія людей, преслѣдуемыхъ ужасами нашего нездороваго строя жизни, загнанныхъ ею въ безвыходный тупикъ,—составляютъ весь кошмарный смыслъ жизни; и тутъ, у этихъ людей весь духовный міръ ихъ жизни сведенъ на борьбу за существованіе и на борьбу съ низшими агентами власти, тоже ихъ травящими и преслѣдующими, во имя спокойствія нормальной, обыденной жизни. Для бомбиста моментъ кроваго тумана, моментъ мордобоя, когда пробуждается только звѣрь, заволакивается розовой дымкой тѣхъ высшихъ идеаловъ, которымъ онъ служитъ,—и онъ говоритъ—и онъ

уже видѣлъ это во время смертной казни, совершенной имъ съ другими бомбистами—разорванныя окровавленные трупы,—это только досадная необходимость. Но какъ могъ молодой человѣкъ дойти до такого надлома въ себѣ гуманнаго человѣка, борющагося во имя высшей справедливости, во имя бережнаго сохраненія безцѣннаго сосуда, жизни человѣка, который долженъ жить полною жизнью и духовною, и физическою, въ атмосферѣ равенства и свободы? Л. Андреевъ говоритъ про Алексѣя: „Былъ въ гимназіи—выгнали, сидѣлъ въ тюрьмѣ“...

Достоевскій въ Раскольниковѣ, тоже, если хотите, анархистѣ, раскрылъ всю душу и отразилъ въ этой душѣ безмѣрный ужасъ жизни, ея кошмаръ, ея надругательства надъ человѣкомъ и показалъ, что надломило, изуродовало душу Раскольникова и привело его къ убійству — и слово „преступникъ“ замираетъ на устахъ—мы говоримъ: „вина всѣхъ насъ“...

Скрывшись отъ преслѣдованія полиціи въ публичномъ домѣ, гдѣ Алексѣй или Семенъ, рѣшилъ что можетъ переночевать въ безопасности, а это было для него самымъ важнымъ, такъ какъ на другой день предстояло совершить казнь, — онъ выбралъ „Любу“. Художнику незачѣмъ раскрывать всю Любу—она проститутка и мы уже знаемъ ея полную ужасовъ біографію. Бомбистъ ложится спать, Люба пьетъ коньякъ и пытливо всматривается и вдумывается въ бомбиста.

Въ душѣ Любы, проститутки, нравственнаго и физическаго трупа, все-же теплится искра чистоты и непорочности. Ярко и глубоко нарисованная картина пробужденія этой души и разгорѣвшагося изъ искры пламени чистой, восторженной, готовой на всякія самопожертвованія, любви, заставляетъ забыть, что произнесенныя ею слова: „Какое ты имѣешь право быть хорошимъ, когда я—плохая“—только парадоксъ.

Я считаю крупнымъ промахомъ со стороны художника, что въ процессѣ борьбы бомбиста съ внутренними противорѣчіями, онъ почти не оттѣнилъ психологіи пробудившейся, и властно захватившей душу дѣвственника бомбиста, любви къ Любѣ. Импрессіонизмъ и символизмъ сгубилъ эту картину побѣды бомбиста гущей жизни. Тяжелыя жернова въ его головѣ, непреклонная воля въ рѣшеніи тѣхъ или другихъ поступковъ его,—не убѣдительны и картина колебаній бомбиста и, наконецъ, полнаго захвата его новой, нахлынувшей на него волной жизни, выписана очень аляповато. Тьма—разсѣялась. Блеснула полоса свѣта. По какому же пути пошелъ бы бомбистъ, если бы его все же не арестовали тутъ же въ публичномъ домѣ и затѣмъ не казнили подъ казеннымъ ярлыкомъ, въ качествѣ не извѣстнаго званія человѣка? Л. Андреевъ вкладываетъ въ уста бомбиста,—бросившаго и револьверъ, и бомбы, и любованіе собою, и рѣшившаго порвать всякія связи съ прежними своими единомышленниками,—невнятныя слова: „Кончено, такъ кончено. Въ темноту, такъ въ темноту. А что дальше? Не знаю, темно. Вѣроятно ужасъ какой-нибудь—вѣдь я еще не умѣю по ихнему“. И снова—тьма. Что же? Гдѣ же выходъ? Босячество—не ново,

толстовство—не ново, маркушество—малыя дѣла—не ново, маркушество въ чистомъ видѣ,—пожалуй ново и пикантно, но по этому пути способны пойти только, при надломѣ, твердокаменные изъ разнаго рода лагерей—максималистовъ, анархистовъ всякихъ марокъ, пожалуй даже и большевиковъ...

Достоевскій прогналъ своего Алешеньку Карамазова изъ монастыря и сказалъ ему: иди въ гущу жизни, не бойся соблазновъ жизни и даже не избѣгай ихъ, и если ты снова вернешься на тотъ же путь—значитъ онъ одинъ и есть вѣрный путь; если же ты не вернешься на него—значитъ это невѣрный путь, или ты не разсчиталъ своихъ силъ и погибъ, захлестнулся гущей жизни, а значитъ и тутъ ты не выдержишь, надломишься... Не здѣсь-ли свѣтъ?..

„Навье Чары" Ф. Солобуба не будутъ понятны, пока читатель незнакомъ съ „Крыльями" Кузьмина. Героемъ „Крыльевъ", центромъ всей этой бездарнѣйшей повѣстушки, является истинно-русскій англичанинъ Штрупъ, само собою разумѣется, мистическій анархистъ. Богатъ, таинственъ, замкнутъ, говоритъ невѣроятнѣйшій вздоръ, какой только и способенъ былъ вложить въ уста ему поразительно ограниченный и нищій духомъ Кузьминъ,— но весь Петербургъ только и заинтересованъ Штрупомъ; всѣ ищутъ знакомства съ нимъ, прислушиваются къ его словамъ и расцѣниваютъ ихъ на вѣсъ зотота... Откуда у Штрупа богатство?.. Кто знаетъ—можетъ быть онъ клубный шулеръ, можетъ быть растрачиваетъ банковскія, ему врученныя деньги, можетъ быть сразу хапнулъ, гдѣ плохо лежало, можетъ быть биржевой игрокъ—покрыто туманомъ... Но это только усиливаетъ, по Кузьмину, ореолъ его очарованія... Когда Штрупъ уѣзжаетъ изъ Петербурга—всѣ только и спрашиваютъ другъ у друга—куда уѣхалъ Штрупъ, гдѣ же Штрупъ наконецъ, когда пріѣзжаетъ Штрупъ? Женщины само собою падаютъ передъ Штрупомъ чуть-ли не на колѣни,—но Штрупъ почти непобѣдимъ... Впрочемъ, онъ живетъ съ женщиною, красота которой неотразима—брюнетка, съ волосами наяды, съ глазами, въ которыхъ отражаются всѣ бездны міроздания и небеса всѣхъ странъ—Италіи, Франціи и далекаго Востока... Не только весь Петербургъ заинтересованъ Штрупомъ, но и вся Россія—онъ изучаетъ народную поэзію, религіозныя теченія,—его знаютъ и среди раскольниковъ всей Россіи и даже далекой Сибири, и среди сектантовъ юга, и даже поляки и финляндцы дѣлятся другъ съ другомъ впечатлѣніями о таинственномъ Штрупѣ... Когда Штрупъ появился въ Италіи, вся пресса заговорила о немъ, художники заискивали, артисты немножко волновались, потому что Штрупъ считался однимъ изъ самыхъ выдающихся знатоковъ искусства... И когда Штрупъ шелъ по улицамъ Рима, даже подгородныя крестьянки, постукивая деревянными подошвами и каблучками, улыбались таинственному иностранцу и бросали ему цвѣты подъ ноги... Таинственный Штрупъ, передъ которымъ благоговѣетъ Кузьминъ, на глазахъ любящей его женщины (по просту, какой-то дурехи) пьянствуетъ съ таинственнымъ Семеномъ, въ красной шелковой рубашкѣ, безъ пояска, само собой разумѣется, красавцемъ...

Бурная сцена... Крикъ—вы не смѣете меня стѣснять—со стороны Штрупа... Штрупъ, блѣдный, злобный выбѣгаетъ изъ комнаты, гдѣ разыгралась эта сцена, черезъ переднюю и скрывается въ корридорѣ; за нимъ бѣжитъ полупьяный Семенъ, держа въ рукахъ поднось съ графиномъ воды... Раздался выстрѣлъ—дуреха застрѣлилась... Вотъ вы и спорьте, послѣ этого противъ уранистовъ, заявляетъ самодовольно Кузьминъ... Да, гдѣ же ужъ тутъ спорить, помилуйте! Недаромъ Петры Пильскіе и К. Чуковскіе отъ удовольствія, послѣ прочтенія „Крыльевъ", даже захлебнулись... Когда въ Парижѣ чуствовался смрадъ отъ декаденскаго анархизма, появились цѣлыя возы отдѣльныхъ изданій порнографической литературы, ею же наполнялись фельетоны мелкой бульварной прессы... Какъ-то спросили Зола—кто такіе, по его мнѣнію, авторы этой литературы. Зола отвѣтилъ: „Я полагаю, что это пишутъ мерзавцы"...

Одно изъ крупныхъ художественныхъ произведеній Ф. Сологуба „Мелкій Бѣсъ"—опредѣлило значеніе его, какъ художника. Несомнѣнный огромный талантъ, оригинальный, если можно такъ выразится, манерничающій. „Мелкій Бѣсъ"—нѣсколько растянутъ, по рисуемой жизни,—нѣсколько отсталый, но по психологическому анализу алкоголика Передонова можетъ занять мѣсто наряду съ выдающимися художественными произведеніями нашей литературы.

Не то „Навьи Чары"... Каково бы не было ихъ продолженіе—оно не внесетъ ничего, не улучшитъ этой художественной картины, выписанной на ложномъ, искусственно вымученномъ фонѣ сверхъ мѣщанскаго, буржуазно-вырождающагося припадочничества...

Выше я уже указалъ, что все таинственное—зеркала, тамъ, разныя, подвалы, замки, таинственные мальчики,—я считаю балаганомъ и при разсмотрѣніи „Навьихъ Чаръ" по просту отбрасываю. Что намъ за дѣло до тихихъ мальчиковъ, когда мы знаемъ, что въ Россіи слишкомъ 90% умираетъ дѣтей отъ ужасающихъ условій нашего соціальнаго быта. Отбрасываю я также и такіе, чисто механическія настроенія, какъ повторяющіяся на каждомъ шагу трупныя испарины земли,—какъ только ступитъ герой или героиня Ф. Сологуба на землю, такъ ихъ сейчасъ же и охватываетъ испарина... Ну разъ охватила, два, охватила, а въ третій уже надоѣдаетъ... Тоже и съ природой...

Какъ цвѣтокъ—такъ и вопросъ,—а не питался-ли онъ трупными соками. Лѣсъ—снова таже испарина. Всюду испарина, весь міръ напоенъ этой испариной... Ну чтожъ—значитъ такъ отъ Бога... Всѣ люди, говорятъ, немножко сумасшедшіе, и притомъ каждый по своему,—значитъ, это въ ихъ природѣ также нормально, какъ то, что у всѣхъ есть носъ, а не картошка, вмѣсто носа...

Творческій научный геній еще не подошелъ къ разрѣшенію тайны нашего бытія, тайны мірозданія, и не опредѣлилъ таинственной связи

нашей жизни съ жизнью вселенной; и ни одному художнику, сколько бы онъ не напрягалъ своего творческаго ума, не удастся начертать картину, которая раскрыла бы передъ нами въ яркихъ, ясныхъ и величественныхъ образахъ эту таинственную связь... Всегда будетъ только механизмъ, отрывочныя настроенія... И Ф. Сологубу пришлось также, помимо испаринъ, вырисовывать таинственные замки, тихихъ мальчиковъ, и все же это ничего не прибавило къ картинѣ...

Что общаго между „Крыльями“ и „Навьими Чарами“? И тамъ и тутъ наблюдается художественный атавизмъ. Герой—Штрупъ, герой— Триродовъ,—это не только тотъ или другой образъ жизни, ея разновидность, нѣтъ—это отраженіе извѣстнаго общественнаго теченія мысли, сосредоточеніе, какъ въ фокусѣ цѣльной и опредѣленной полосы міровозрѣній и и дѣйствій. Это тоже что герои Жоржъ Зандъ, Руссо, Шпильгагена, Тургенева и т. д. Такое отжившее свое время „геройство“—не встрѣчается въ современной—ни русской, ни иностранной литературѣ. Геройство попросту расплылось въ людской жизни, которая все больше и больше нивилируется. Оно замѣнено символизмомъ. Штокманъ и Брандъ,—не герои.

Триродовъ — таинственъ, замкнутъ, оригиналенъ, говоритъ мало, но всегда оригинально и производитъ на окружающихъ подавляющее, сильное впечатлѣніе—или раздражаетъ, или заставляетъ преклониться. Студентъ— преклоняющійся предъ Мережковскимъ—ненавидитъ его. Женщины преклоняются и конечно влюбляются. Онъ манерничаетъ, фиглярствуетъ. Не останавливается передъ самопожертвованіемъ, но пессимистически относится къ тому освободительному движенію, которое захватываетъ всѣхъ окружающихъ, и особенно молодежь интеллигентную и пролетарскую. Онъ обладаетъ силою гипноза и мага. Устроилъ дѣтскій пріютъ... Словомъ „Герой“... И вокругъ него созидается Ф. Сологубомъ „Творимая Легенда“, представляющая собою рядъ надуманныхъ картинокъ, сшитыхъ довольно безсвязно бѣлыми нитками... Встрѣчаются картинки—ни къ селу, ни къ городу. Встрѣчаются картинки и просто безграмотныя. Свиданіе съ Алкиной Триродова — первое, или повторное, понять рѣшительно нельзя; вѣроятно у Ф. Сологуба двоилось въ глазахъ отъ предстоявшаго ему сладостнаго чувства налѣпить на лобъ са́дистки Алкиной ярлыкъ соціалъ-демократки. Картинка появленія толпы мертвецовъ производитъ нелѣпое впечатлѣніе. Ну развѣ намъ интересно знать, что отъ проходящей толпы мертвыхъ солдатъ пахло потомъ и махоркою, а мертвые хохотали, когда ихъ бьютъ нагайками мертвые же.—Намъ хотѣлось бы знать, что было въ ихъ душахъ, когда они шли на вѣрную гибель... сами, или для гибели другихъ. Тѣ, кто уже прошелъ въ „таинственное туда“ — не съ нами. Но такіе же, живые — они съ нами, рядомъ, въ той гущѣ жизни, въ которой мы всѣ топчемся вмѣстѣ съ Ф. Сологубомъ, и намъ интереснѣе знать о живыхъ... Безконечная трепетная сладостность отъ голыхъ тѣлъ—это любимыя краски у Ф. Сологуба... Ѣдкія шпилечки... Сладостная, интеллигентная соціалъ-демократка,

небось, не пошла замужъ за товарища пролетарія, когда тотъ объяснился съ нею въ любви... Ахъ, Ф. Сологубъ!.. Особое пожиманіе рукъ на массовкѣ у сладоносныхъ ораторшъ, любовныя интриги... Ну и хорошо—все это такъ и должно быть!..

У Щедрина есть герой помпадуръ, который флиртующей съ нимъ дамѣ говоритъ: „Ты мнѣ момо не разводи, а предъявляй настоящее дѣло". Читатель, который ищетъ въ книгѣ „настоящее дѣло" обращается, скажемъ, къ Пьеру Луису и тотъ ему подноситъ садистку Кончиту, и если разводитъ „момо", то съ чисто французскимъ извращеннымъ изяществомъ и тонкостью, и „момо" не только не мѣшаетъ „настоящему дѣлу", а пріятно раздражаетъ и щекочетъ нервы читателя. Ф. Сологубъ, въ сущности, главнымъ образомъ, и хотѣлъ показать „настоящее дѣло", но зачѣмъ-то развелъ „момо" съ испаринами, таинственными замками, массовками. Жизнь свелась къ живымъ, ходячимъ трупамъ...

А гуща жизни ищетъ мучительно не только сладостно трепетнаго любованія голыми тѣлами, а культурнаго, человѣческаго существованія.. Мѣщанскаго?.. Понятіе „мѣщанство"- спуталось, истрепалось, и не выражаетъ уже собою ничего опредѣленнаго—пустой звукъ!.. Буйный мистическій анархизмъ, повторяю,—сверхъ мѣщанство, на фундаментѣ буржуазно-вырождающагося декаденскаго припадочничества... . . . .

Драма „Маковъ Цвѣтъ" Философова, Мережковскаго и Гиппіусъ должна быть отмѣчена, какъ одна изъ выдающихся драмъ, рисующихъ эпоху освободительной борьбы. Съ внѣшней стороны,—по красотѣ и яркости рисуемыхъ картинъ—она напоминаетъ французскую драму „Перелетныя птицы"—изъ жизни русскихъ революціонеровъ за границей. Не стану останавливаться подробно на „Маковомъ Цвѣтѣ", но укажу лишь на кажущіеся мнѣ крупные промахи: нѣтъ яркихъ картинъ массовыхъ движеній, нѣсколько ошибочное толкованіе пролетарской волны движенія,—яркимъ и исключительнымъ выразителемъ ея, якобы является интеллигентъ еврей Бланкъ; третій актъ портитъ драму—переѣзжать въ Тимофеевское ради того, чтобы вывести на сцену пошлаго учителя и глупую попадью, придурковатого управляющаго и показать нѣсколько эпизодическихъ картинокъ—пожара, прохода войскъ—не стоило... Отмѣчу декадентскіе атавизмы: „Мотовилова—тихая, скорѣе полная". „Андрей, студентъ—обыкновенное молодое лицо". Но это, конечно, мелочи... . . . .

Тьма... Быть можетъ, долгая полярная ночь... Скорѣе долгіе, сѣрые будни, о которыхъ говорилъ когда-то Ленинъ.. Но не такіе, какъ думалось и хотѣлось... Чтожъ дѣлать? Историческая палка—всегда о двухъ концахъ... Побольше бы было сдѣлано культурной работы въ эти долгіе, сѣрые будни... . . . .

Трансъ... спалъ... Я... исчезло...

Январь 1908 г.

КОНЕЦЪ.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Напечатапо.	Слѣдуетъ.
28	Одноо изгъ	Одного изъ
29—30	Брандтъ	Брандъ
32	Антракъ	Антрактъ
62	Идеалогія	Идеологія
78	Гостинная	Гостиная
85	писалъ «Мать»	читалъ «Мать»
97	Идеалогія	Идеологія